

Центр оборонной информации
Центр журналистики войны и мира

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

**опыт
проблемы
перспективы**

*Редакторы-составители
Михаил Погорельый
и Иван Сафранчук*

Москва • Гендальф • 2002

УДК 070:355/359(470+571)
ББК 76.01(2Рос)+68.49(2Рос)
С56

Современная российская военная журналистика: опыт, проблемы, перспективы / Ред.-сост. М. Погорелый и И. Сафранчук. — М.: Гендальф, 2002. — 253 с.

ISBN 5-88044-148-2

Книга раскрывает тенденции формирования и развития военной журналистики в России. Но она не только о сообществе военных журналистов, она и о более широких проблемах — военно-гражданских отношениях, свободе слова, гражданском обществе, медиабизнесе. Собранные воедино, материалы книги дают — видимо, впервые в России — возможность оценить более чем десятилетний период (с конца 1980-х по 2002 г.) освещения военной проблематики во вневедомственных, общегражданских СМИ.

Сборник адресован не только журналистам, но сотрудникам пресс-служб государственных и коммерческих структур, политикам, экспертам, представителям законодательной и исполнительной власти.

УДК 070:355/359(470+571)
ББК 76.01(2Рос)+68.49(2Рос)

Contemporary Russian Military Journalism: Achievements, Problems, Perspectives

ISBN 5-88044-148-2

© Center for Defense Information, 2002

© Гендальф, 2002. Оформление

*Посвящается 10-летию Вооруженных сил России
и 300-летию российской журналистики*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редакторов	7
ГЛАВА 1. Становление и современное состояние военной журналистики	
<i>Вадим Соловьев.</i> Становление независимой военной печати в России: опыт «Независимого военного обозрения»	11
<i>Юлия Желова.</i> Феномен «прикомандированной» журналистики	22
<i>Иван Коновалов.</i> Военная тележурналистика: особенности жанра	40
ГЛАВА 2. Пресса и силовики: в тисках некомпетентности, ведомственных интересов и цензуры	
<i>Виталий Шлыков.</i> Акценты российских СМИ в освещении военной реформы: что увидели и чего не заметили журналисты	63
<i>Владимир Ермолин.</i> Пресса и силовые ведомства: взаимотерпимость как форма сотрудничества	73
<i>Вячеслав Седов.</i> Между молотом и наковальней: как работает пресс-служба Министерства обороны	87
<i>Виктор Литовкин.</i> Цензура — теория и практика	100
ГЛАВА 3. От информации до пропаганды, от PR до «заказухи»	
<i>Михаил Погорелый.</i> Редакционная политика российских СМИ в освещении военных вопросов	121
<i>Михаил Лукин.</i> Информационные кампании в практике военной журналистики	132
<i>Руслан Пухов.</i> Информационные войны в сфере ВПК России	147
Вместо заключения	
<i>Иван Сафранчук.</i> Развитие военной журналистики: противоречия становления гражданского общества и медиабизнеса	173

Приложения

Приложение 1. Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об освещении в центральной печати жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил»	191
Приложение 2. Извлечения из закона РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1	195
Приложение 3. Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне	205
Приложение 4. О поощрении журналистов наградами и подарками Министерства обороны РФ в 2000-2002 гг.	228
Приложение 5. Пресс-службы видов, военных округов и флотов Вооруженных сил РФ	231
Приложение 6. Газеты военных округов и флотов Вооруженных сил РФ	234
Об авторах	236

Contents and Abstracts

Contents	243
Abstracts	244

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Сборник материалов об опыте, современном состоянии и перспективах развития российской военной журналистики — совместный проект Центра оборонной информации и Центра журналистики войны и мира. Он возник на пересечении интересов этих двух организаций. Если Центр оборонной информации делает акцент на самом процессе военной реформы в России и оборонной политике, то Центр журналистики войны и мира в большей степени озабочен освещением этих вопросов в российских средствах массовой информации, прежде всего в печатных изданиях.

Авторы статей, включенных в сборник, — журналисты, эксперты, представители некоммерческих организаций, бывшие государственные служащие — знакомы с рассматриваемыми проблемами не понаслышке. Большинству из них приходилось непосредственно заниматься ими в органах власти, неправительственных организациях, сотрудничать с различными СМИ и аналитическими организациями, готовить для них публицистические статьи, обзоры, доклады. Некоторые авторы принимали участие в создании новых СМИ в постсоветской России. Не все медиапроекты оказались успешными, но приобретенный опыт бесценен и не должен пропасть втуне.

Собранные воедино, материалы книги дают — видимо, впервые в России — возможность оценить десятилетний период (с 1992 г. по 2002 г.) становления «гражданской» военной журналистики в нашей стране, т. е. освещения военной проблематики во вневедомственных, общегражданских СМИ. От тотальной закрытости — к неполной, но все же открытости, от вопиющей безграмотности — к профессиональному качеству, от сенсационности — к вдумчивому анализу. Такой путь прошло за эти годы медиасообщество России, специализирующееся на освещении жизни Вооруженных сил, оборонной политики, проблем оборонно-промышленного комплекса.

Осмысление этого пути, его тупиков и магистральных направлений, ошибок и перспективных достижений интересно наверняка не только участникам описываемых событий и процессов, но и политикам, сотрудникам органов власти, тем, кто отвечает за связи с общественностью и прессой, студентам журналистских вузов и факультетов и, конечно, коллегам из мно-

гочисленных российских СМИ, в своей практической деятельности ежедневно сталкивающимися с проблемами, поднимаемыми на страницах этой книги.

В силу вполне очевидных причин едва ли кто-то из авторов сборника может претендовать на беспристрастность, полную объективность — этого сложно ожидать от непосредственных участников событий. Многие до сих пор не свободны от служебных, корпоративных, да и просто дружеских, неформальных обязательств перед фигурантами анализируемых событий. В этом слабость предлагаемых материалов, но в этом и их сила, поскольку читателям предоставляется информация из первых рук.

Вместе с тем редакторы книги постарались добиться максимально возможной объективности материалов, предложив их на предварительное обсуждение участникам двух «круглых столов», в феврале и июле 2002 г. Ценные советы, замечания, уточнения независимых журналистов и экспертов положительно сказались на качестве статей сборника.

Работа над отдельными статьями и книгой в целом была в основном завершена в начале октября 2002 г. Редакторы в связи с этим считают необходимым сделать оговорку, что развернувшаяся после захвата заложников 23 октября 2002 г. в Москве дискуссия об ограничениях работы СМИ в чрезвычайных ситуациях не нашла в данном сборнике отражения именно в такой постановке. Во-первых, он в основном посвящен взаимодействию прессы и Министерства обороны (другие силовые ведомства также упоминаются, но преимущественно в связи с оборонной тематикой). Во-вторых, вопросы права журналистов на получение информации от силовых ведомств, цензуры и секретности в книге рассматриваются, но в более широком контексте.

Руководители проекта считают своим приятным долгом выразить благодарность коллегам, лично или по электронной почте принявшим участие в обсуждении книги в целом и/или отдельных глав. Это Александр Белкин (Совет по внешней и оборонной политике), Владимир Белоус (ИМЭМО), Юрий Голотюк («Политбюро»), Александр Гольц («Еженедельный журнал»), Михаил Жеглов («Издательский дом Родионова»), Олег Одноколенко («Итоги»), Валерий Погребенков (НТК), Валентин Руденко (Интерфакс-АВН), Сергей Сокут («Независимое военное обозрение»), Константин Эггерт (Би-би-си), Анатолий Юркин (ИТАР-ТАСС).

Михаил Погорелый

Иван Сафранчук

Г Л А В А 1

СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ: опыт «Независимого военного обозрения»

В а д и м С О Л О В Ь Е В

Независимой свободной военной журналистики как таковой в России практически никогда не существовало. Наиболее известная военная газета «Военный инвалид», издававшаяся в Петербурге в 1813—1917 г., которую основал чиновник Павел Пезаровиус в патриотически-благотворительных целях (доход предназначался в пользу инвалидов войны, солдатских вдов и сирот), все же стала официальной газетой Военного министерства (1862 г.), а чуть позже ушла под опеку Генерального штаба. Наиболее известный в XIX в. военный журнал «Военный вестник» выпускался также под патронажем военного ведомства.

Правда, ведомственный надзор не был столь жестким, как в советские и нынешние времена для ведомственной печати, издатель имел определенную самостоятельность, тем не менее контроль все же существовал. Отсутствие того, что сегодня именуется свободой слова, в далекие времена становления военной печати компенсировалось понятиями воинской чести, несовместимой с подтасовкой информации, лицепрятной ложью, угодничеством перед начальством. С той поры до наших дней дошли, изменяясь и трансформируясь в идеологических условиях различных правящих режимов, такие ведомственные периодические издания, как «Морской сборник» и «Военно-медицинский журнал».

Зарождение

Во времена Советского Союза военная печать, как и всякая другая, находилась под жестким контролем ЦК КПСС. Непосредственно в Вооруженных силах ее контролировало Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота. Система идеологического воздействия не знала равных по мощности в мировой практике: было развернуто 20 окружных и флотских газет (военных округов, четырех флотов и трех флотилий). Свои газеты выпускали все армии и большинство дивизий (а их было

более двух сотен только в Сухопутных войсках). Минобороны издавало около двух десятков ежемесячных журналов. Примечательно, что только в Группе советских войск в Германии выходили 22 наименования дивизионных газет. Центральным печатным органом всей советской силовой системы многие десятилетия выступала газета «Красная звезда». Помимо всего прочего на нее возлагалась роль эталона военной журналистики, обязательного для других военных изданий.

Это была хорошо налаженная индустрия военной прессы, в которой трудились несколько тысяч военнослужащих. Практически каждый политработник готовился как потенциальный журналист — пропагандист и агитатор, способный владеть не только устным словом, но и письменным. Офицеры-аппаратчики окружного, армейского, дивизионного и равных им звеньев в других видах Вооруженных сил не только курировали соответствующие печатные издания, но и обязаны были систематически публиковать там свои авторские материалы. Этот показатель постоянно был под контролем вышестоящих политорганов и служил одним из важных измерений качества работы.

Ситуация резко изменилась за последнее десятилетие. Руководство Минобороны, используя метод пропорционально-долевого сокращения, характерного для всего военного реформирования в России, провело значительные сокращения подведомственных СМИ. В результате, по данным на 2001 г. (см. «Независимое военное обозрение», 16—22 марта 2001 г.), осталось 9 центральных газет и журналов, 11 окружных и флотских газет, газет объединений — 7, соединений — 22 (см. приложение 6). Периодичность их издания резко снизилась — от ежедневных до еженедельных в лучшем случае.

Принципиально иные, свободные от давления силовых и государственных структур издания на военную тему получили возможность появиться на свет только в 1990-х годах, когда в России коренным образом стали меняться общественно-политические условия, утверждаться принципы демократии и свободы слова.

Маневрируя в годы перестройки, Министерство обороны и ЦК КПСС учредили корпус военных журналистов в гражданских газетах, журналах, на радио и телевидении (см. приложение 1). В основном это были отставники или специально прикомандированные офицеры (см. статью Юлии Желовой в настоящем сборнике). Контроль за их деятельностью был многоканальным — как со стороны военного командования, так и со стороны политических органов и военной цензуры. С началом демократизации «военспе-

цы» хотя и адаптировались к требованиям своих СМИ, тем не менее ни одно из них не было способно замкнуть именно на себя внимание военной аудитории. Впрочем, руководство самих печатных изданий такой цели и не ставило, хотя люди в погонах, а также труженики оборонно-промышленного комплекса составляли на начало 1990-х годов значительную часть общества: по самым скромным оценкам не менее 20 млн человек. Ведомственные СМИ не могли удовлетворить их читательские интересы, поскольку чрезвычайно сильно диссонировали по всем критериям со свободной печатью, которая отличалась прежде всего тем, что избавилась от пут партийности, казенщины, официальной лжи и полуправды.

Таким образом, в России возникла объективная потребность в новых военных СМИ. Первыми это почувствовали политики. Заигрывая с военным электоратом, они инициировали выпуск различных специализированных газет для служивых людей. Но целевая установка предопределила провал этой кампании. Газеты для военных под эгидой политиков (например, «На службе Отечества», «Правда Жириновского», «Офицеры доблести» и др.) не смогли перерасти уровень безыскусных агиток и потому были отвергнуты теми, для кого предназначались. Да и период избирательных кампаний оказался недолгим. Ныне этот опыт практически не возобновляется. Кандидатам на политические посты более доступны региональные и местные СМИ, куда они наиболее экономичным и эффективным образом вкладывают средства, выделенные на предвыборную борьбу.

Объективная необходимость

Тем временем неплохой старт взяла другая печатная продукция — журнальная, опиравшаяся на военно-промышленный комплекс. Это прежде всего «Военный парад», который рекламировал российское вооружение и боевую технику, предназначенную для экспорта. В этом году журнал шагнул во вторую декаду своего существования. Первоначально он издавался на английском языке, т. е. был ориентирован на иностранного читателя. Более или менее преуспевали аналогичные издания, в основном связанные с самой богатой частью оборонно-экспортного бизнеса — авиационной. Сфера их интересов по вполне понятным причинам — исключительно летная техника. Проблемы людей в погонах, военная политика, социальные проблемы, связь с обществом — все это оставалось за рамками публикаций, в основном становясь уделом ведущих коммерческих газет и журналов. Причем военная проблематика интересовала эти издания только в части, касающейся общеполитических и экономических тенденций в стране. По сути дела

освещение военных тем носило несистемный и несистематический характер, велось от случая к случаю, подчас и мало профессионально.

На этом информационном поле до середины 1990-х годов безраздельно господствовали ведомственные газеты и журналы, по-прежнему трактовавшие свои темы под углом, выгодным военному командованию и спецслужбам. Их популярность катастрофически падала, а тиражи практически опустились до уровня насыщения «красных уголков» воинских подразделений, полковых библиотек, гарнизонных домов офицеров, словом, служебной подписки.

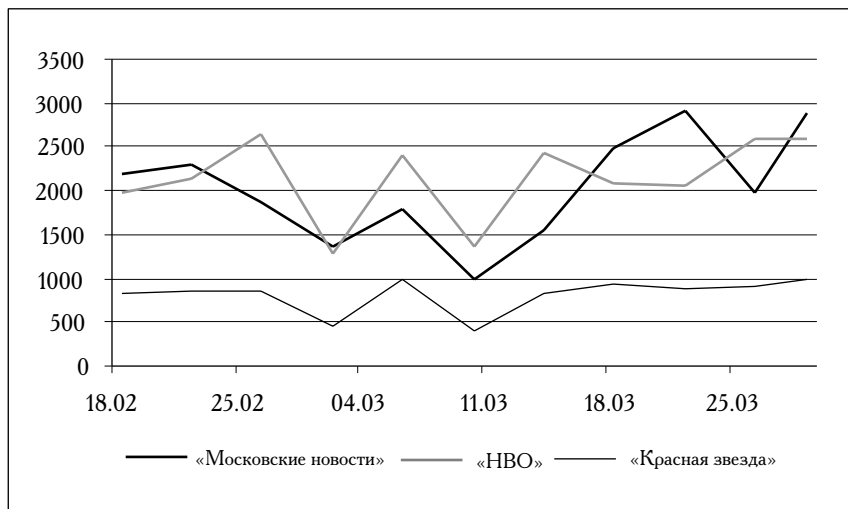
Вакуум в профессиональной военной информации не мог долго сохраняться по чисто объективным причинам. Наиболее перспективными проектами оказались журналы «Солдат удачи», «Сержант» и др., а среди газет — еженедельник «Независимое военное обозрение» («НВО»). Каждое из изданий имело своего военного читателя. «Солдат удачи» и «Сержант» в основном ориентированы на рядовой и младший командный состав, а «НВО» — на старших офицеров, производственную и научную интеллигенцию оборонно-промышленного комплекса. «НВО» получило также широкое распространение и среди политической элиты, функционеров различного рода аппаратов, где принимаются важные и ответственные решения.

Популярность «НВО» объясняется именно тем, что еженедельник не замкнулся только на какой-либо одной группе вопросов, а имеет многотематический, комплексный характер. Здесь читатель одновременно находит откровенные материалы по внешней и внутренней военной политике, проблемам военной реформы, различным аспектам состояния Вооруженных сил, их финансирования, обучения и воспитания личного состава, дисциплины и социальных условий, технического оснащения, производства вооружений, их экспорта, а также по множеству других больших и малых проблем, связанных с военной жизнью не только России, но и других государств.

Показателен для общественных процессов в России сам факт появления на свет «НВО». Авторитетная в то время «Независимая газета», учрежденная как коммерческая в декабре 1990 г., стала получать довольно много материалов от военных. Из-за своего «вызывающего» содержания эти материалы не принимали к публикации ведомственные газеты и журналы. Не понимали их существа и в гражданских СМИ, поскольку в этих статьях преобладала военная специфика, малоинтересная, по мнению руководителей газет, для широкого читателя.

К середине 1990-х годов «Независимая газета» приобрела наибольшую популярность среди военной интеллигенции и элиты. Материалы известных

генералов, военных академиков и профессоров, ведущих лиц оборонно-промышленного комплекса стали поступать в таком количестве, что опубликовать их в ежедневной газете было просто невозможно. Сведение их в постоянно издаваемое, специализированное приложение оказалось делом вполне естественным. В результате «Независимое военное обозрение», став лицензированным еженедельником в 1997 г. и взяв резкий старт с 4 тысяч экземпляров, за короткий срок стало лидером российской военной печати, выходя сегодня тиражом свыше 30 тысяч. Для России, где покупательная способность населения остается минимальной, такой тираж чрезвычайно высок, особенно если учесть, что, во-первых, «НВО» представляет собой по сути отраслевое, «цеховое» издание, в то время как не всякий общеполитический еженедельник способен достичь такого объема выпуска. Во-вторых, число читателей «НВО» в несколько раз превосходит его тираж, поскольку повсеместно — от Генштаба и военно-учебных заведений до военных пенсионеров — распространена практика, когда в целях экономии личных средств один экземпляр еженедельника приобретает на несколько человек (от трех до двух десятков). В общем интернет-рейтинге российской прессы «НВО» по пятницам и субботам (дни выхода тиража) твердо занимает десятое место по обращениям пользователей, а в другие дни не опускается ниже пятнадцатого.

Динамика количества посетителей в 2002 г. электронных версий газет «Красная звезда», «Независимое военное обозрение», «Московские новости» (источник: сайт <http://rating.smi.ru>)

Два полюса

Общественно-политический феномен «НВО» обусловлен рядом факторов. Он мог возникнуть только в тех специфических условиях, которые сложились в России в 1990-х годах, прежде всего в силу того, что военное командование оказалось неспособно перестроить работу военных СМИ с учетом двух взаимосвязанных факторов: экономического рынка и свободы слова. В те времена многие генералы и ведущие офицеры пресс-служб выезжали за рубеж, чтобы изучить опыт военного информирования, но оказались не в состоянии понять его и перенести на отечественную почву. Чем дольше руководители средств массовой информации силовых ведомств России упорствуют в сохранении советских схем функционирования ведомственной печати, тем активнее ее деградация и тем выше поднимается авторитет альтернативных (пользуясь западной терминологией — коммерческих) военных изданий.

Коммерческая военная печать, сама того не сознавая, начала выполнять весьма важную функцию в общественно-политическом развитии России — в силу своей независимости она стала играть роль одного из рычагов гражданского (политического) контроля над силовыми структурами, опираясь в первую очередь на информацию от своих читателей. Ведомственным военным изданиям, прежде всего из-за их статуса, никогда не удастся подняться до этого уровня. Независимые военные журналисты просто не заинтересованы в искажении фактов, в то время как ведомственные обязаны приукрашивать действительность в силу своего положения и в соответствии с указаниями свыше.

Дискуссия, развернутая на страницах «НВО» весной — летом 2001 г., показала, что многие ведомственные военные журналисты осознают двойственность своего положения, но не могут с этим ничего поделать, поскольку военное командование не заинтересовано в решительном реформировании системы военных СМИ, перестройке ее работы на принципах демократического государства.

Именно по этой причине командование демонстрирует негативное отношение к коммерческой военной печати, хотя каждую пятницу начинает рабочий день со знакомства именно с ее материалами. Вполне понятно, что военное руководство всячески противится ее распространению в войсках, пытается навешивать различные ярлыки, но, понимая несостоятельность обвинений, делает это исподтишка. И, как это ни грустно, использует «прикормленных» журналистов из других, вроде бы независимых общественно-

политических изданий. Те готовы день и ночь смотреть в рот министру обороны и его окружению, чтобы живописать их «успешную деятельность» на ниве военного реформирования, военных побед в Чечне, решения социальных проблем и т. д.

Коммерческая военная печать не может опускаться до подобострастного уровня — это дискредитировало бы идею гражданского (политического) контроля над силовыми структурами в условиях демократического общества. А военным руководителям, конечно, не по душе, когда они, глядя в зеркало коммерческих военных СМИ, видят совсем не то, что рисуют им в воображении повышенная самооценка и самолюбие. Вопиющая правда входит в острейшее противоречие с личными амбициями военной верхушки, вызывая трения между силовыми ведомствами и коммерческой печатью. Не имея достойных аргументов в споре, часть генералитета скатывается к наклеиванию ярлыков на ненавистные СМИ типа «подручные НАТО», «интриганы от олигархов», «пятая колонна Пентагона».

Уже стало практикой использование репрессивного аппарата для сдерживания активности коммерческой военной печати — вплоть до попыток обвинить ее в разглашении военных и государственных тайн и других уголовных прегрешениях того же калибра. Таким образом, сами военачальники, идеологи военной политики не только не заинтересованы в развитии коммерческих военных СМИ, но предпринимают решительные действия, чтобы вытеснить их с информационного рынка.

Военные руководители готовы вкладывать миллионные (если не миллиардные) средства в безуспешную реанимацию ведомственной военной печати (как это происходит последние десять лет), но никогда не согласятся сотрудничать с коммерческими военными СМИ. Причем в последние годы эту пропасть отстраненности от коммерческой военной печати в «Арбатском военном округе» пытаются как можно больше расширить и углубить: бывшие министры обороны Игорь Родионов и Игорь Сергеев сотрудничали с «НВО», нынешний же руководитель военного ведомства Сергей Иванов впал в амбициозную крайность, запретив подчиненным контакты с самым массовым военным изданием и демонстративно отдавая предпочтение тем газетам и журналам, которые готовы похлопывать военное ведомство по голенищу по всякому поводу и без него. Словом, властям не нужна правдивая информация, они упиваются пропагандой и агитацией собственной значимости.

В целом силы независимых военных журналистов и представителей власти остаются неравными. Все же административный перевес на стороне

последних. Но в этом, видимо, суть становящейся демократии в России, особенность переходного периода. Очевидно, еще очень не скоро появятся благоприятные условия для работы коммерческих военных журналистов. Но успех и авторитет, которые сегодня завоеваны независимой военной журналистикой, позволяют надеяться, что они своим ремеслом и в будущем принесут пользу обществу, и прежде всего самим военным.

Военный читатель и авторский корпус

В России не ведется систематического изучения читательской военной аудитории. Однако интернет-опрос, постоянно проводимой НВО, дает некоторое представление о том, что вызывает наибольший интерес. Это в основном материалы, посвященные вооружению и военной технике, вскрывающие белые пятна в отечественной военной истории, анализирующие внутреннюю и внешнюю военную политику, представляющие военные и военно-промышленные концепции и другие темы (диаграмма 1).

Читательские интересы распределяются довольно равномерно, что подтверждает вывод о целесообразности издания широкой по тематике военной газеты. Тираж узкотематических изданий по военной проблематике, как показывает российская практика, не превышает 5—7 тысяч экземпляров.

Показательно, что коммерческая военная печать интересна не только людям в погонах. По нашим наблюдениям, она представляет интерес для гражданского общества в целом. И этот показатель довольно значим — около 40%. Среди различных категорий офицеров интерес к газете также распространяется довольно равномерно (диаграмма 2).

Информационные потребности военной аудитории профессионально широки. В целом они проецируются на общенациональные интересы читателей, но с коррекцией на военную специфику и язык, понятный военнослужащим. При этом информационные пласты остаются по большей части идентичными — это внешняя и внутренняя политика в ее военных аспектах, ликвидация белых пятен военной истории, концептуальные подходы в реформировании Вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса, достижения науки и техники, т. е. проблемы вооружений. Кроме того, чрезвычайно интересуют социально-бытовые проблемы в преломлении военных городков, жизни казармы, проектов законов, планов и решений президента и правительства. Высок интерес к обычным и необычным судьбам военных людей. «НВО» своими материалами помогает удовлетворять информационную жажду читателей.

Диаграмма 1. Рубрики военного еженедельника, вызывающие наибольший интерес у читателей (источник: интернет-опрос на сайте «НВО», январь 2002 г.)

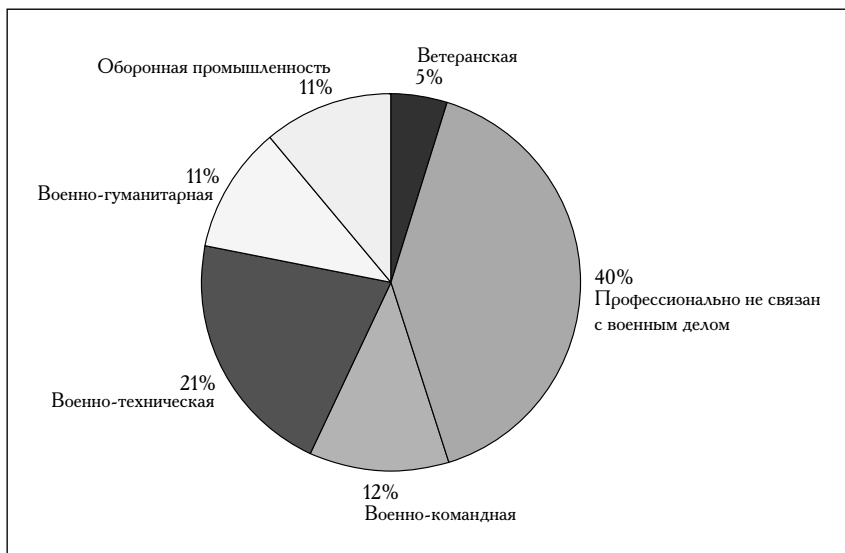

Диаграмма 2. Профессиональные категории читателей военной газеты (источник: интернет-опрос на сайте «НВО», январь 2002 г.)

Коммерческая военная печать в поисках адекватных решений сложных военно-политических, военно-технических, социально-бытовых, исторических и других актуальных проблем предоставляет свои страницы тем авторам, которые способны привнести новые идеи, предложить рациональные пути решения насущных задач. При этом, например, редакция «НВО» всячески избегает роли арбитра, оставляя ее читателю. Так реализуется критерий объективности в информировании.

В заинтересованном разговоре на ту или иную тему имеют возможность принимать участие и читатели, соображения которых публикуются без купюр, при одном условии: они должны нести что-то новое, способное дать пищу для размышлений.

Естественно, такая позиция способствовала формированию вокруг «НВО» корпуса экспертов. Наиболее значимые публикации по проблемам разоружения и поддержания стратегической стабильности принадлежат знаковым фигурам Минобороны, генералам и старшим офицерам, непосредственно занятым как в переговорном процессе, так и в той сфере, которую эти процессы затрагивают. Почти сходные суждения высказывают академики и доктора Академии военных наук, принципиальные отличия довольно редки. Позиции МИДа отстаивают соответствующие должностные лица. У научно-исследовательских и академических институтов, таких, как Институт США и Канады, Институт мировой экономики и международных отношений, имеются свои глубоко аргументированные точки зрения. Не остаются в стороне депутаты Государственной думы, особенно из профильных комитетов — по обороне, безопасности и международным делам. Их руководители и сотрудники аппаратов инициативно предлагают свои материалы. В этом экспертном сообществе постоянно звучат голоса российских политиков. Известное разнообразие в ход дискуссий вносит и точка зрения «той стороны» — видных и авторитетных представителей военных, научных и политических кругов США, других стран НАТО, государств и политических сил, активно участвующих в наиболее значимых военных конфликтах и войнах.

Аналогичным образом произошло формирование экспертного сообщества и в других секторах военной проблематики. Могут меняться фамилии и названия организаций, но всегда это симбиоз специалистов из Минобороны, научно-исследовательских организаций, представителей исполнительной и законодательной власти, политиков, зарубежных специалистов и, конечно, компетентных читателей «НВО» как с учеными степенями, так и без них.

Военный еженедельник стал как для экспертного сообщества, так и для читателей своеобразной трибуной, где все имеют возможность свободно излагать свои взгляды. В «НВО» верят как в издание, которое не ангажировано ни государственными структурами, ни политическими партиями и группировками, ни военно-промышленными структурами или какими-либо другими силами.

В связи с этим вспоминается забавный эпизод. Полтора года назад автор этих строк был приглашен в Военный университет на факультет зарубежной журналистики рассказать о «Независимом военном обозрении». По завершении лекционной части один из курсантов, не без воздействия насаждаемого в военно-учебном заведении штампа, гласящего, что «НВО» — ставленник известного «олигарха», выступил с гневным обличением «продажности коммерческих военных СМИ». Тогда ему было предложено, изучив материалы «НВО», подготовить аргументированный материал, проследить, как еженедельник защищает интересы «олигарха», и прилюдно дано обещание тут же опубликовать соответствующие выводы. Срок не ограничивался. Несколько раз курсант приходил в редакцию, ему предоставляли все опубликованные и неопубликованные материалы. Создалось впечатление, что над этой темой трудились лучшие умы факультета, но результата как не было, так и нет, даже после нескольких напоминаний из газеты руководству факультета.

Серьезный, вдумчивый читатель уже осознал широкие возможности коммерческой военной печати. Ему импонируют прежде всего ее информативность, достоверность, объективность, оперативность. Военный читатель доверяет коммерческим СМИ много больше, чем ведомственным. В то же время военное командование всевозможными способами пытается увести внимание подчиненных от нового, чуждого ему вида военных СМИ, вновь унижая людей в погонах очередной порцией лжи и наговоров.

Этот путь ведет в тупик. Жаль, что ортодоксы из Минобороны не понимают ситуации, ведь будущее в военном информировании, как бы они ни ухищрялись, принадлежит «цеховой» коммерческой печати. Не в «НВО» это придумано, достаточно взглянуть на подобные схемы взаимодействия коммерческих СМИ, военных читателей, командования и оборонно-промышленного комплекса в развитых демократических государствах. И Россия придет к тому же. Это лишь вопрос времени.

ФЕНОМЕН «ПРИКОМАНДИРОВАННОЙ» ЖУРНАЛИСТИКИ

Ю л и я Ж Е Г Л О В А

Еще в конце XIX в. заведующий делами печати при действующей российской армии генерал от инфантерии Михаил Александрович Газенкампф писал о том, как важно грамотно выстроить взаимоотношения государства и вооруженных сил с прессой.

До русско-турецкой войны Россия не знала института военных корреспондентов. Все частные газеты и журналы черпали сведения о ходе военных кампаний из официальных источников, правительственных изданий. Это положение изменилось после 4 апреля 1877 г., когда началась русско-турецкая война. Михаил Газенкампф (до войны — преподаватель кафедры военной администрации Академии Генерального штаба) был направлен в действующую армию с задачей, поставленной перед ним начальником полевого штаба генерал-адъютантом Непокойчицким: «...Вести журнал военных действий, составлять срочные донесения Государю и заведовать делами печати при армии. Изложите немедленно ваши соображения, как бы вы предполагали устроиться с представителями печати в армии, и дайте мне поскорее записку об этом».

М. Газенкампф в докладной записке изложил соображения о целесообразности допуска военных корреспондентов на Главную квартиру, поскольку находил невозможным не удовлетворять потребность русской и иностранной общественности в получении свежих известий о ходе военных действий. Понимая важность и необходимость достоверной информации, он писал: «Если они не будут допущены в армию, то все-таки найдутся способы следить за ею издали и, не имея сведений достоверных, станут смущать русское общественное мнение и возмущая против нас читателей иностранных газет». При этом он считал обязательным поставить некоторые условия пребывания корреспондентов в армии. Во-первых, это необходимость рекомендации (для иностранцев) или направления от издания (для русских). Во-вторых, совершенно невозможным М. Газенкампф полагал учреждение цензуры. Вместо этого он предложил запрет на сообщение конкретных сведений о передвижениях войск, численности русской армии и тактических планах. Нарушение этого требования вело к увольнению из армии. В-треть-

их, по мнению М. Газенкампа, был необходим контроль над исполнением корреспондентами взятых на себя обязательств. Для этого в Главную квартиру должны были доставляться все газеты с корреспонденциями из армии. Эти условия были приняты. (История вопроса изложена в материалах «Дневника» М. Газенкампа, опубликованного Натальей Болотиной в исторической рубрике электронной версии журнала «The Yonge Street Review» № 72, 25 ноября 1999 г. — Ю. Ж.)

С тех пор, на мой взгляд, задачи и основные принципы организации работы военных корреспондентов не претерпели сколько-нибудь серьезных изменений, а сами военные корреспонденты, кажется, были с нашей армией везде и всегда. Василий Немирович-Данченко, например, был военным корреспондентом на трех войнах: русско-турецкой (1877—1878 гг.), русско-японской (1904—1905 гг.) и Первой мировой (1914—1918 гг.).

Во время Великой Отечественной войны в качестве военных корреспондентов, прикомандированных к войскам, работали — и как! — Константин Симонов, Константин Паустовский, Лев Кассиль, Михаил Светлов, Михаил Шолохов.

Однако предметом настоящей статьи является своего рода «прикомандирование наоборот», когда не гражданские писатели и журналисты идут в армию, чтобы писать о ней, а сами военные приходят в гражданские редакции с этой целью.

Не претендуя на абсолютное знание, рискну предположить, что пионерами «прикомандированной» журналистики такого рода можно считать группу военных комментаторов на радиовещании на зарубежные страны (Иновещании). Пять офицеров из Главного политического управления (ГлавПУ) Советской армии и Военно-морского флота, владевшие иностранными языками и обладавшие журналистской подготовкой, начали там работу в 1986 г. Договоренность об этом между ГлавПУ и руководством Гостелерадио, в структуру которого входило Иновещание, была достигнута на уровне ЦК КПСС.

Таким способом все заинтересованные стороны решали собственные тактические задачи. ГлавПУ получало возможность усилить влияние в сфере внешнеполитической пропаганды, попутно повышая квалификацию своих офицеров в процессе их совместной работы с гражданскими коллегами.

Иновещание, будучи не просто государственным, а даже государственным средством массовой информации, в принципе против этого не возражало. К тому же в лице военных комментаторов его руководство получило дополнительную рабочую силу, которой не надо было платить (офицеры ос-

тавались в штате ГлавПУ), а также новый источник информации и еще один, может быть, самый эффективный канал связи с Министерством обороны.

А на уровне руководства страны такой симбиоз был признан целесообразным ради обновления образа СССР в глазах зарубежной общественности. В середине 1980-х годов СССР открывался миру, и огромную роль в создании благоприятного образа страны должна была сыграть армия. Западное общественное мнение знало о ней мало, но привыкло бояться, и эту тенденцию полагали важным переломить. Поэтому главными темами для военных обозревателей должны были стать роль СССР в международном разоружении, выполнение Советским Союзом своих разоруженческих обязательств, оживление военных контактов на различных уровнях и т. п.

Таким образом, по крайней мере первые три года деятельность военных журналистов на Иновещании носила узконаправленный характер и была ограничена по масштабам. Они и в самом деле были первыми «прикомандированными» военными журналистами, но как заметный феномен с собственными задачами такая журналистика оформилась позднее — возможно, в том числе и на основе успешного опыта первопроходцев.

Рождение и смерть «прикомандированной» журналистики

В апреле 1989 г. было принято постановление секретариата ЦК КПСС «Об освещении в центральной печати жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил» (см. приложение 1). В нем шла речь о необходимости принятия мер, которые позволили бы поднять уровень публикаций «по вопросам защиты социалистического Отечества». В постановлении наряду с положительными, на взгляд его авторов, примерами освещения военной тематики в СМИ высказывалась озабоченность тем, что некоторые публикации необъективно, односторонне освещают жизнь армии, несут недостоверную информацию о перестройке в ней, о еще не решенных проблемах.

Для ряда печатных органов, отмечалось в документе, военная тематика стала «модной». При этом часто допускались поверхностные, предвзятые, некомпетентные публикации, подрывающие авторитет Вооруженных сил, престиж военной службы, связи армии и народа. Во многих материалах обществу представляли армию как «закрытую зону», «изолированный организм», а также источник всего догматического и антидемократического. Нередко высказывалось мнение, что армия выступает в роли консервативной силы.

В прессе можно было встретить, говорилось в постановлении секретариата ЦК КПСС, утверждения о милитаризации страны, расширении влия-

ния военно-промышленного комплекса, демагогические призывы «очистить Вооруженные силы от военщины, тормозящей демократизацию в войсках, демилитаризацию общества в целом». В ряде изданий появлялись некомпетентные публикации по вопросам оборонного строительства, в которых выдвигались научно несостоятельные предложения, не учитывавшие военно-политические реалии. Кроме того, в осудительно-сатирическом тоне освещались такие основы боевой готовности, как строжайшее соблюдение воинской дисциплины, единоначалие, уставный порядок, а навязывавшаяся мысль об освобождении от этих устоев преподносилась как веление времени, требование перестройки.

Партийное и государственное руководство было также недовольно тем, что вместо серьезного, вдумчивого анализа положения дел в армии широкому читателю без достаточной проверки нередко подавались всякого рода «жареные» факты. Порой отдельные правдиво показанные детали обрастали надуманными ситуациями, что придавало материалам сенсационный характер.

Все это, считали авторы документа, отрицательно сказывалось на воспитании молодежи и прежде всего на ее ответственности за выполнение своего конституционного долга по защите социалистического Отечества. Нередко ставилось под сомнение неукоснительное выполнение всеми гражданами страны закона о всеобщей воинской обязанности. Среди молодежи, прибывавшей служить в армию и на флот, возросло по сравнению с предыдущими годами число лиц, отбывавших уголовные наказания, имевших приводы в милицию, употреблявших спиртные напитки, наркотики. Немалая часть молодых людей до призыва в армию была подвержена пацифистским настроениям, состояла в различных неформальных объединениях, в том числе негативно относящихся к советской действительности.

Учитывая все это, государственно-правовой и идеологический отделы ЦК КПСС, ГлавПУ сочли необходимым совместно с руководителями центральных органов печати, радио и телевидения принять меры, которые позволили бы поднять уровень публикаций по вопросам защиты социалистического Отечества, жизни Вооруженных сил и происходящей в них перестройки.

Практическим воплощением этого и стало решение о прикомандировании к редакциям центральных газет «по согласованию с редколлегией квалифицированных военных журналистов с оставлением их в кадрах Советской Армии и Военно-Морского Флота».

Секретариат ЦК КПСС рекомендовал создать для освещения жизни Вооруженных сил соответствующие отделы или другие редакционные под-

разделения, «укрепив их квалифицированными журналистскими кадрами», в редакциях газет «Известия» (впоследствии туда было направлено два офицера), «Советская Россия» (три офицера), «Социалистическая индустрия», «Сельская жизнь» (два офицера), «Строительная газета», «Советская культура» (два офицера), «Труд», «Комсомольская правда» (два офицера), «Литературная газета». Организационная и финансовая проработка вопроса возлагалась на правительство.

Из приведенного перечня ясно, насколько широким мыслился «охват». Но на практике получилось даже немного шире. Насколько известно, «прикомандированные» военные журналисты трудились также в «Рабочей трибуне», «Литературной России», на телевидении и в Агентстве печати «Новости» (пять офицеров).

Понятно, что при подготовке и принятии столь своеобразного решения — «откомандировать» военных журналистов в гражданские СМИ — без ведомственного лоббирования не обошлось. Скорее всего, идея долго носилась в воздухе, но постановление созрело и оформилось после очередного скандального разоблачительного материала об армии и военачальниках. А может быть, толчком к активным действиям послужило какое-то действие Верховного главнокомандующего, который был далек от военных дел и иногда принимал решения, приводившие генералитет в ярость и недоумение. Вероятно, расчет был на то, что «свои» по крайней мере не будут писать в СМИ откровенную чушь. А иногда через их материалы можно будет тонко дать понять Верховному, что он неправ.

При этом, насколько позволяют судить опыт и практика, речь не шла о стремлении военных приобрести политическое влияние или вообще стать самостоятельной политической силой. Скорее это можно расценить как попытку самообороны с применением всех доступных легитимных средств, не более того.

Пожалуй, один из самых ярких примеров — общественная дискуссия и последующее принятие решений о военной реформе. Многие представляли ее себе как механическое сокращение численности армии с обязательным сопутствующим сокращением количества генеральских должностей. За счет этого предполагалась колоссальная экономия государственных средств, которые можно было бы направить на повышение денежного довольствия офицеров, полный переход на контрактную службу и перевооружение.

Все это выглядело логично и едва ли не бесспорно, но только для людей неискушенных. Для военных и специалистов уже тогда было совершенно

очевидно то, что сегодня ясно всем: реформирование оборонной сферы, Вооруженных сил — комплексная стратегическая задача, требующая значительных затрат и не обещающая сколько-нибудь значимой экономии, потому что качественная и тем более профессиональная армия — дело дорогостоящее при любых условиях.

Тем не менее до некоторой степени «шапкозакидательский» подход к военной реформе не без участия СМИ укоренился во всех эшелонах российской власти. И в конце концов в мае 1996 г. появился абсолютно несостоятельный и популистский указ президента Бориса Ельцина о переходе на контрактную службу к 2000 г. Возражения представителей Министерства обороны отменялись, поскольку считалось, что они озабочены единственно сохранением статус-кво и прежде всего генеральских синекур.

Впрочем, точно так же игнорировалось мнение военных руководителей и по другим проблемам, например, по поводу неподготовленного вывода войск из стран Восточной Европы. В этих условиях единственной отдушиной для них, каналом доведения до общественного мнения иной точки зрения и была «своя» пресса.

Напомню: речь шла о стремительном выводе на территорию России сотен тысяч людей с техникой и материальным имуществом. На Родине военнослужащих и их семьи никто не ждал, не было построено достаточно жилья, не были обеспечены рабочие места для жен и гражданских служащих, а для детей — места в школах и детских садах. Что это значит на деле, пожалуй, из журналистской братии опять-таки лучше других знали именно «прикомандированные», многие из которых имели собственный опыт бесквартирного существования. А еще коллективная военная память хранила опыт столь же стремительного и неподготовленного ввода советских войск в Монголию. Тогда в течение нескольких лет офицерам пришлось жить в землянках. При выводе войск из Германии до этого не дошло — хочется верить, что в том числе и благодаря работе военных журналистов в гражданских СМИ.

Военные комментаторы по идее должны были обеспечить необходимый если не журналистский, то хотя бы военно-прикладной уровень материалов за счет знания военной специфики изнутри. К тому же они были «своими» для военных, что, по замыслу, должно было способствовать более оперативному получению той или иной информации и гарантировало ее профессионально адекватную оценку и подачу. Особенно когда речь шла о болезненных и для военных, и для общества в целом проблемах, среди которых лидировали дедовщина и конверсия.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что для российского общественного мнения в конце 1980-х — начале 1990-х годов дедовщина была темой номер один. Эмоции были накалены до предела. Звучали требования о немедленном переходе к профессиональной армии, под чем подразумевались полный отказ от комплектования по призыву и переход на контрактную службу. И «прикомандированные» журналисты оказались весьма кстати и сыграли заметную роль, поскольку сочетали в себе менталитет военных и гражданских людей. Это позволяло им видеть правоту и неправоту тех и других, доходчиво писать об этом. Представляя себе степень накаленности ситуации в армии, реальные масштабы падения дисциплины и разложения солдат лучше гражданских коллег, они в то же время понимали, что одномоментный и даже просто быстрый переход к полностью профессиональной армии в истинном смысле этих слов был тогда невозможен, как, впрочем, и теперь.

Менее острой, но не менее популярной темой рассуждений российского военно-политического бомонда в 1980—1990-х годах была конверсия оборонной промышленности. «Кастрюли вместо танков» — это звучало тогда необычно, красочно и наглядно. Потребовалось время, чтобы все больше людей, в том числе и далеких от этой темы, поняли, что не всегда экономичнее и выгоднее производить вместо атомных подводных лодок поварешки...

Если датой рождения «прикомандированной» журналистики можно считать с известной степенью условности момент появления постановления секретариата ЦК КПСС, то о единой дате ее смерти говорить не приходится. Должно быть совершенно очевидно, что в таких разных редакциях, как «Советская культура» и «Известия», не говоря уже о телевидении, работа «прикомандированных» складывалась по-разному и завершилась также по-своему.

В ряде случаев инициатором прекращения деятельности военных журналистов в гражданских СМИ выступало само военное ведомство, вошедшее в фазу активных реформ. Но чаще инициаторами были редакции. Тогда по многим структурам и учреждениям прокатилась волна безудержной демократизации (или того, что в то время под этим понималось), и не имело значения, чем реально ты занимаешься и к какому ведомству принадлежишь. Принцип был вполне большевистский — без нюансов, простой и категоричный: «Носишь погоны — долой!».

В августе 1991 г. был закрыт отдел военных обозревателей в Агентстве печати «Новости» по инициативе руководства АПН.

30 января 1992 г. руководству Иновещания поступил приказ за подписью Егора Яковлева, который в то время руководил ВГТРК. Приказ требовал воспретить вход в здание Иновещания всем военным радиожурналистам. Как вспоминает исполнявший в то время обязанности начальника отдела военных комментаторов Вадим Соловьев, руководство Иновещания поступило тогда чрезвычайно тактично. Не знакомя военных с этим решением, оно провело летучку и обсудило свое отношение к данному приказу. К тому времени отдел военных комментаторов стал органической частью Иновещания, и главная редакция информации, а также региональные редакции сочли это решение в корне несправедливым. В то же время обжаловать приказ было равносильно подаче заявления об уходе. Поэтому руководство Иновещания пошло на шаг солидарности с военными журналистами. Им предоставили комнату поменьше и очень попросили не привлекать внимание самозванных доносчиков, которые докладывали Е. Яковлеву о каждом шаге Иновещания. Это была «потайная комната», обитателей которой тщательно скрывали от посторонних глаз. Работа шла по-прежнему, создавались комментарии на военно-политические темы и каждый день шли в эфир. Никто военных не выдал, не донес Е. Яковлеву о такой «самодеятельности». Это было проявление солидарности гражданских журналистов с военными, которой зачастую не хватает теперь.

Когда первые страсти улеглись, с благословения коллег военные на Иновещании тихо возобновили работу, равно как и военные редакторы-консультанты на телевидении (20 человек).

Через год отдел военных комментаторов Иновещания, вобрав в свой состав штатные должности отдела военных комментаторов Агентства печати «Новости», был преобразован в радиостанцию Министерства обороны «Славянка». Военная радиостанция развернула работу на передатчиках и оборудовании того же Иновещания. Многие гражданские радиожурналисты принимали активное участие в создании радиопрограмм для военной аудитории. Вещание велось четыре часа в сутки шесть раз в неделю. Кроме того, готовились получасовые программы для «Радио России» и «Маяка».

Можно предположить, что, читая все это, некоторые читатели скажут: «Знаем, знаем, это всё кагэбэшники и гээрушники, засланные казачки». Именно такими словами — «засланные казачки» — о нас писала в 1992 г. одна из московских газет. Это не так. Офицеры-журналисты в основном пришли в СМИ из ГлавПУ, никаких специальных задач перед нами не ставили. Так что определения типа (цитирую ту же газету) «глашатаи офици-

озной информации, передаваемой пославшим их начальством», «военные цензоры» и просто «бездельники» надо отнести на счет политического или полемического задора. Реальных фактов за этими заявлениями нет. И по сей день мы сохранили хорошие отношения с гражданскими коллегами.

Во второй раз группа на Иновещании была закрыта уже в связи с реформами в Министерстве обороны, но через четыре года, в 1997 г., ее вновь восстановили, только вместо пяти человек в ней работали всего двое. Впрочем, сейчас военных журналистов там снова нет, но просто потому, что сотрудники уволились из армии, а на замену им так никого и не подобрали.

Свои переипетии ожидали и «прикомандированных» к другим редакциям, но в целом можно сказать, что как явление «прикомандированная» журналистика прекратила свое существование с середины 90-х годов, в первую очередь по объективным причинам. Очевидные качественные перемены произошли и в обществе, и в армии, и в самих СМИ, которые в основном перешли на коммерческие принципы работы и на новую законодательную базу. В таких условиях «прикомандированная» журналистика не могла быть ни полезной, ни просто востребованной.

Отношения с коллегами из «принимающих» СМИ

Первоначально фактор межличностных отношений был едва ли не определяющим. Особого энтузиазма появление «прикомандированных» офицеров не вызвало нигде. С одной стороны, возникала масса проблем, а с другой — «коренным» журналистам вроде бы косвенно давали понять, что они не справляются и приходится присылать «усиление».

Трудности были во всем: в размещении, в обеспечении техникой. По тем временам и свободный номер телефона мог стать проблемой. Кроме того, надо было решать, какие выдавать военным документы, определить, могут ли они вообще представлять редакцию и работать от ее имени. Все это многим покажется несущественными мелочами, но ведь без магнитофона, камеры или хотя бы диктофона журналист работать не может. А как оформить на человека хоть какую-то аппаратуру или иное имущество, если он не состоит в штате редакции? К тому же десять лет назад не все редакции были богаты, и многого просто не хватало.

Не забудем «человеческий фактор»: газеты, радио и телевидение освещали военные и военно-политические темы и до прихода офицеров. Многие годы вполне успешно там работали опытные корреспонденты, комментаторы, обозреватели, которые вдруг узнали, что кто-то, да еще со стороны, покушается на их темы. Ведь «своя» тема — это не просто характер

материалов, это место в редакционной иерархии и, в конце концов, хлеб журналистов, зарплата, гонорар.

Помимо всего прочего, и газетная полоса, и рамки радио- и телеэфира ограничены. За то, чтобы «втиснуться» в них со своим материалом, постоянно идет тихая, но жесткая борьба. Чтобы добиться успеха, надо иметь и авторитет, и своевременный, актуальный информационный повод, и качественный, отвечающий редакционным критериям материал.

На первых порах у «прикомандированных» не было ничего из этого набора, а материалы их рассматривались и оценивались, мягко говоря, небеспристрастно. Что, впрочем, совершенно естественно и даже необходимо, потому что без такой школы ничему и не научишься. Думаю, не ошибусь, если скажу, что в каждой редакции есть свои гласные и негласные правила, связанные с подготовкой и написанием материалов, что-то принято, а что-то нет, что-то априори считается недопустимым, а что-то — не только вполне допустимым, но и абсолютно необходимым. Даже при самом добром отношении обо всех этих вещах рассказать новичкам невозможно. Они должны общаться с коллегами и работать вместе с ними.

А чтобы общаться и работать, нужно, чтобы коллеги почувствовали — к ним пришел не контролер-надсмотрщик, ничего не смыслящий в журналистике, или того хуже — «сапог», пристроенный на теплое местечко по знакомству. Поэтому среди «прикомандированных» были люди, имеющие определенные журналистские навыки, владевшие иностранными языками, у всех была неплохая общая подготовка, да и просто жизненный опыт.

Но все же многому приходилось учиться. При этом газетчикам было несколько проще. Направленные же на радио не знали, например, специфику подготовки радиопрограмм (как работать с профессиональной звукозаписывающей аппаратурой, с пленкой), слабо представляли, что такое монтаж. В телевизионном деле таких особенностей еще больше, а ведь офицеров никто не учит строить кадр или определять наиболее выигрышные точки для съемок и т. п. Естественно, промахи или незнание каких-то редакционных или технологических нюансов никак не прибавляли военным журналистам авторитета, и учиться всему приходилось так быстро, как только можно.

Отмечу еще один неприятный, щекотливый, но совершенно очевидный момент. «Прикомандированные» журналисты получали полностью денежное довольствие за воинское звание и занимаемую должность по армейским штатам, а реально работали как гражданские журналисты. Соответственно в те годы они порой зарабатывали больше гражданских коллег, что не могло

остаться без ревнивого, а иногда и завистливого внимания некоторых из них: дескать, мало того, что получают зарплату от Минобороны, так еще и гонорары гребут лопатой! Интересно, что так же считали и некоторые военачальники — дай этим журналистам информацию, а сам ничего не получишь за это!

Насчет лопаты — неправда, хотя бы потому, что при освещении военной тематики о проплаченной «заказухе» речь вообще не могла идти, а об обычных гонорарах всякий знает — не очень-то они большие, а в некоторых редакциях их вообще нет. К тому же платили «прикомандированным» как внештатникам, т. е. меньше, чем штатным авторам. А вот то, что выдавший информацию за нее ничего не получал — правда. Не писать же было заявку в финчасть: прошу выделить аванс на «проплату» такому-то за такую-то информацию... Забегая вперед, отмечу, что с течением времени и приходом своеобразных российских рыночных отношений по этой части мы стали все больше проигрывать гражданским коллегам.

К началу же 1990-х годов трудности становления были преодолены, поскольку «прикомандированные» в большинстве случаев смогли найти собственную нишу.

«Прикомандированная» журналистика и гражданское общество

Что такое ответственная журналистика, гражданское общество, каковы их взаимоотношения и механизмы взаимодействия? Об этом написано много, но полной ясности нет. Тем более что любые научные построения и теоретические выкладки не всегда полностью соответствуют практике даже в государствах с многолетней и развитой демократией.

В странах и армиях со сложившейся структурой СМИ и гражданского общества в целом, с их не только принятыми, но и действующими законами о функционировании СМИ, доступе журналистов к информации, их свободе и ответственности симбиоз военных и прессы просто не нужен. А вот на нашей почве в тот конкретный исторический и политический период он оказался востребован и легко осуществим.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов одно за другим рушились многолетние идеологические табу. Государство и его институты, к числу которых, бесспорно, относятся и Вооруженные силы, лишились неприкосновенности. А государственное влияние на СМИ стало стремительно ослабевать, постепенно вообще сходя на нет по мере появления частных изданий и телеканалов. Так что описываемые формы привлечения военных к освещению

военной реформы можно считать до некоторой степени жестом отчаяния власти — понятно, что использовать такого рода оружие могла только власть и только в условиях существования государственных СМИ, подчинявшихся государственной/партийной информационной политике.

К этому следует добавить юридический вакуум, в котором тогда жила журналистика. Адекватных законов, регулирующих права и обязанности издателей, редакций, журналистов, с одной стороны, и чиновников и власти в целом — с другой, попросту не было.

Насколько я представляю себе, подобное положение дел на себе почувствовали многие мои военные коллеги в тех гражданских СМИ, которые на определенном этапе переставали быть сервильными. Военные в них оказывались между двух огней, поскольку часто не могли писать известную им не очень приятную правду о военной реформе и реформаторах без риска вызвать гнев родного военного ведомства. Но точно так же не могли они писать и «верноподданнические» материалы, поскольку ни один из них не был бы опубликован, а их авторы навсегда лишились бы уважения гражданских коллег.

Всякий раз каждый журналист решал для себя, писать или не писать, а если писать — что именно и как. Некоторые офицеры уволились, перейдя в штат тех изданий, к которым они когда-то были «прикомандированы». За прошедшие годы кое-кто даже успел поменять редакцию, продолжая писать на военные темы и руководствоваться при этом исключительно собственными представлениями, без оглядки на то, понравится ли материал военным чиновникам.

Отношения с военным ведомством

К чести Министерства обороны надо сказать, что нам предоставлялась известная свобода в выборе тем, которые надо было согласовывать только с руководством своих редакций.

Любопытно, но отсутствие пристального внимания к нашим делам и навязчивого или не очень навязчивого руководства имело и обратную сторону. Оказалось, что мы на деле не имеем более свободного доступа к информации о военной жизни. А ведь журналистика (во всяком случае, добросовестная) — это прежде всего информация. Именно ради нее нас и приняли у себя гражданские коллеги. Некоторые из них поначалу даже думали, что в наших кабинетах будет установлен чуть ли не специальный телефон для прямой связи с генералами. И уж как минимум должен быть список закрытых ведомственных телефонов. На самом деле нас не только не информировали в первую очередь, но нередко не информировали вообще, и зачастую о

серьезных событиях мы узнавали от своего журналистского «начальства», которое, в свою очередь, черпало сведения с лент информационных агентств.

При прямом обращении в военные инстанции за информацией или за иным содействием ссылка на принадлежность к одному ведомству чаще всего также не давала никаких преимуществ, и хорошо, если не имела обратного эффекта. На мой взгляд, это занимательный феномен, который проявился не раз и не только по отношению к нам.

Военные не любят прессу. Это понятно и естественно. Непонятно и неестественно, что не любят они и свою собственную, ведомственную прессу, которая ни при каких условиях ничего плохого о них никогда не напишет. Или, может, именно за это ее и не любят?

Вот какая получается дикость. Есть у Министерства обороны официальный орган — газета «Красная звезда», собственные радиостанция, военное телевидение, печатные издания: 8 центральных военных журналов, 11 окружных и флотских газет, 29 газет объединений и соединений (см. приложение 6). Казалось бы, именно эти СМИ должны пользоваться привилегиями в получении опережающей информации, проведении съемок и т. п., быть лидерами в освещении военных тем. Вместо всего этого пресс-службы задушили их казенным официозом, а ведомственная и военная цензура выхолостила всякое полезное содержание материалов журналистов, низведя ту же «Красную звезду» до положения боевого листка. В результате военные СМИ перестали интересовать и армию, и широкую общественность, авторитетом в обществе не пользуются. А все важное и интересное об армии публикуется в гражданских СМИ. Военные их не любят, но вынуждены с ними считаться и сотрудничать, а в некоторых случаях и заискивать перед ними.

Примерно с тем же столкнулись и мы. Опишу типовую ситуацию. Скажем, выясняется, что в Россию приезжает делегация иностранных военных. В конце 1980-х — начале 1990-х годов это был более чем достаточный информационный повод, чтобы рассказать, что мы открываемся миру все больше, развиваем военные контакты, а вот, кстати, положительные впечатления наших гостей и т. д. Материал простенький, но ведь нужно как-то встретиться с этими иностранцами, т. е. выяснить, кто, куда, когда приезжает, кто встречает и как с ними пересечься, кто поможет в организации записи. Звонок в пресс-службу — там внешними контактами не занимаются, а куда обратиться, посоветовать не могут. Впрочем, на этой стадии возможны были и другие варианты, например, предложение написать письмо-запрос за подписью главного редактора, прислать перечень вопросов, ФИО

журналиста, контактный телефон для ответа и лучше все это не по факсу, а курьером или по почте, «а мы рассмотрим и с вами свяжемся». Я уже не помню, были ли в наших редакциях в середине 1980-х факсы, но в середине 1990-х они точно были, а алгоритм работы пресс-службы Минобороны изменился к тому времени мало и не обязательно в лучшую сторону.

Думаю, с этим сталкивались многие коллеги, и нет нужды объяснять, что пока такое письмо будет получено и рассмотрено «в установленном порядке», иностранные военные гости не только уже уедут из страны, но и забудут об этой поездке. Но речь-то идет все-таки о военных комментаторах-обозревателях. Поэтому они и сами в общем представляют себе, что этим занимается управление внешних сношений Минобороны. Звонок туда — дежурному, первый и единственный вопрос которого: «А откуда вы знаете?». Дальше все зависит от его, дежурного, настроения.

Есть еще один аспект, связанный с информированием о российских военных делах или, если угодно, о российской военной реформе именно зарубежной аудитории: эти рассказы слышит как раз зарубежная аудитория. То есть, как я уже отмечала, внутри страны они не звучат. Это же не «Радио России» и уж тем более не газеты и не телевидение. И если речь идет, скажем, об интервью какого-нибудь военачальника, то:

а) он сам себя не увидит и не услышит, его не увидит и не услышит начальство, а тогда зачем ему это все, тем более, что

б) мало ли что там напишут и переведут, доложат потом, что на Западе обсуждают заявление генерала такого-то о том-то, а он этого не говорил или его не так поняли, да не отмоешься все равно и

в) в свете всего этого никаких дивидендов — ни моральных, ни служебных — не получает и тот военный чиновник, который вдруг по недомыслию помог вам это интервью организовать, и уж будьте уверены, больше он такой ошибки не совершит.

Впрочем, бывало, что генералы отказывались разговаривать с военными журналистами по причине прямо противоположной — материал должен был пойти на одном из центральных телевизионных каналов, а «светиться» в таких масштабах им тоже не хотелось.

Все то время, что я работала в «прикомандированной» журналистике, с разной степенью интенсивности в военных кругах велись разговоры о том, что необходим какой-то руководящий документ, если и не приказ министра, то, скажем, директива начальника Генерального штаба, которая в констатирующей части разъясняла бы военным чиновникам, что к чему и зачем, а в приказной вменяла бы в обязанность пресс-службам и названным поимен-

но начальникам служб и управлений идти на контакт со «своими» журналистами и делиться информацией.

Конечно, это не совсем честная игра по отношению к гражданским коллегам, но кто тогда всерьез задумывался об этом, да еще при защите ведомственных или даже государственных интересов (или того, что под ними понималось).

Казалось бы, чего проще — сотворить документ. И ведь какие-то указания по части «развития» и «дальнейшего совершенствования» периодически появлялись. Подозреваю, что в недрах Минобороны рождались и всевозможные «тематические планы» и «основные направления». Но всякий журналист, имеющий дело не с «освещением» в чиновничьем понимании этого слова, а с реальной оперативной работой, понимает, что таким планам грош цена. А вот дельный и конкретный документ, который был бы обязателен для исполнения военными инстанциями и помог бы структурировать всю эту работу, так и не появился.

Причин можно найти много, но главная, по-моему, — внутриведомственная разобщенность, когда в рамках одного министерства разные управления и даже разные их начальники преследуют различные цели, менее всего заботясь о деловой целесообразности.

Пресс-служба скрывает информацию или предоставляет ее?

Одно время казалось, что серьезным подспорьем в журналистской работе могут стать пресс-службы — как самого Минобороны, так и видов Вооруженных сил, родов войск (см. приложение 5).

Увы, в условиях отсутствия отлаженной, если угодно, обезличенной системы взаимодействия со СМИ, будь то военные или гражданские журналисты, опять оказалось, что все зависит от личностей и личных контактов. С конца 1980-х годов в военном ведомстве сменилось несколько министров и несколько пресс-секретарей, а пресс-служба пережила не одну реорганизацию.

Было время, когда пресс-служба Министерства обороны вообще не желала знать никаких журналистов — ни военных, ни гражданских, ни «прикомандированных», кроме представителей одного, максимум двух информационных агентств. Им информация предоставлялась дозированно и выборочно, но на фоне тотального молчания военного ведомства и это было подарком. Пресс-служба таким образом без особых усилий контролировала информационный не поток даже, а ручеек, а агентства распространяли эксклюзив, которым вынуждены были пользоваться все остальные.

Бывало, что руководство пресс-службы хотело жестко контролировать именно «прикомандированных» журналистов, чтобы расширить свое влияние, «приподняться». В моем случае это выражалось в том, что «информационный кислород» был перекрыт окончательно. «Открыть кран» могли бы при условии перехода «под юрисдикцию» пресс-службы. Совсем недавно мне пришлось обратиться в пресс-службу одного из видов Вооруженных сил, говорить с ее начальником, с которым ранее сталкиваться не приходилось, и... услышать в ответ сакраментальное: «Ничего говорить не буду, мы с незнакомыми журналистами не работаем. Приезжайте — познакомимся, посмотрим».

Слов нет, и такой подход имеет право на существование, но, как представляется, только в сочетании с другими, более цивилизованными. Безусловно, право всякой пресс-службы — иметь свой журналистский пул. Конечно, военная специфика добавляет и свои ограничения. И не все американское для нас эталон. Но любой интересующийся, зайдя на интернет-сайт пресс-службы Пентагона, устанет считать количество линков и бит предлагаемой информации и иных информационных возможностей. В архиве можно найти рассказ «говорящей головы» Пентагона адмирала Куигли о том, как там строится работа с журналистами. А можно просто почитать материалы регулярных (sic!) брифингов для журналистов. Первые лица военного ведомства США почти ежедневно встречались с журналистами в разгар операции в Афганистане, а электронная рассылка материалов пресс-службы не прерывалась даже после 11 сентября. Попробуйте для сравнения заглянуть на сайт российского Министерства обороны...

Кстати, о «говорящей голове». Подобный опыт был и на нашей почве в лице замначальника Генштаба генерала Валерия Манилова. Я намеренно пишу «подобный», потому что прямого доступа к В. Манилову у нас не было, да и он к пресс-службе не имел никакого отношения.

Вообще же проблема оперативной реакции военного ведомства на те или иные события стояла, да и продолжает стоять очень остро. Военным журналистам в гражданских редакциях пришлось испытать это в полной мере. Предположим, в связи с армией что-то случилось или некто сказал нечто такое, что надо срочно прокомментировать. Куда идет главный редактор? Конечно, к военным: «Позвоните, спросите, пусть вам что-нибудь скажут». Притом скажут не в режиме «не для печати», а под запись на диктофон! И что? Пресс-служба молчит, в лучшем случае готовит заявление, которое со временем будет передано по каналам ИТАР-ТАСС и «Интерфакса». Никто из чиновников, как правило, не откликается. И они правы — у них нет на то полномочий. Максимум, что они могут, это высказать личное мнение.

Но наивно полагать, что личное мнение какого-либо генерала не будет на Западе воспринято как позиция всего Министерства обороны. Так что обнародовать подобное мнение тоже не приходится.

А бывало и так, что долгожданное интервью записано, а дать в эфир или публиковать нечего, потому что нет в нем ни одной складной фразы, а «про падежов» ваш собеседник, при всем к нему уважении, понятия не имеет. И приходится все переписывать, оставляя от оригинальной речи одни междометия. По-моему, выходом из положения мог бы стать курс риторики в военных учебных заведениях, лекции о взаимных правах и обязанностях журналистов и военных.

Это, конечно, не является предметом статьи, но еще раз подчеркну: опыт работы военных журналистов в гражданской редакции в данном отношении ничем не отличается от опыта гражданских коллег. Во всяком случае, в аспекте практического и полезного взаимодействия с военным ведомством и военачальниками. Ни о каком режиме наибольшего благоприятствования не было речи, хорошо, когда не получалось наоборот.

Будет ли продолжение?

Как бы то ни было, «прикомандированная» журналистика сыграла свою роль. Благодаря материалам военных журналистов, работавших в гражданских СМИ, армия и ее проблемы стали чуть ближе и понятнее и рядовым читателям-слушателям, и тем, от кого зависит принятие решений. Кроме того, значительно повысилось качество материалов на военные темы, которые готовились гражданскими журналистами, потому что они с приходом военных в СМИ получили возможность быстрых и профессиональных консультаций.

Однако сегодня «прикомандированная» журналистика как институт практически прекратила существование, поскольку исчезли объективные условия, приведшие в свое время к ее появлению.

Во-первых, военная реформа в полном объеме так и не состоялась, и теперь в обществе сформировалось почти единое или во всяком случае господствующее мнение о необходимости поэтапного реформирования оборонного сектора и требующихся на это значительных затрат. А дискуссия о конкретных путях и сроках реформы стала уделом профессионалов и экспертов, и военное ведомство теперь отстаивает свои позиции во властных коридорах, а не перед лицом общества.

Во-вторых, изменилось отношение самого общества не только к реформе, но и к собственно армии. Как минимум, оно перестало быть неприязненным. Хотя о безоговорочном принятии и одобрении речи нет, накал пуб-

лицистических страстей вокруг «военного вопроса» явно пошел на убыль. И, соответственно, у Минобороны исчезла необходимость в пропагандистской «самообороне».

В-третьих, более не существует «дефицита» подготовленных журналистов, пишущих на военные темы. За прошедшее время сформировалась большая группа военных корреспондентов гражданских СМИ, которые работают качественно и профессионально и при этом имеют преимущество независимости от военных структур.

В-четвертых, отсутствуют какие бы то ни было правовые основания для работы «прикомандированных» в гражданских СМИ. Подобная деятельность не регулируется никакими законами и даже подзаконными актами.

Наверное, однозначно говорить о перспективности или бесперспективности такой формы журналистики в чистом виде было бы ошибкой, поскольку большую роль играют и такие трудно поддающиеся учету и оценке факторы, как ведомственные интересы и амбиции. На мой взгляд, нельзя исключить, что нечто подобное институту «прикомандированных» к гражданским СМИ журналистов в погонах может быть создано в недрах ФСБ или МВД — тех ведомств, которые сегодня находятся в фокусе общественного интереса, много усилий тратят на работу с общественным мнением и, очевидно, не будут иметь больших проблем с легализацией своих «откомандированных» кадров.

Хорошей иллюстрацией этого предположения может служить недавнее назначение начальника управления программ содействия ФСБ генерал-лейтенанта Александра Здановича заместителем руководителя ВГТРК по безопасности. По мнению, например, автора «Независимой газеты» (6 июня 2002 г.), «структурами контрразведки давно отработан такой кадровый ход, как откомандирование — придание сотрудника “органов” на время той или иной организации... И не исключено — в данном случае надо вести речь о том, что генерал ФСБ Александр Зданович был не назначен на должность замруководителя ВГТРК по безопасности, а откомандирован на этот пост. То есть сохранил и свое генеральское звание, и свое подчинение руководству ФСБ».

Как бы то ни было, жизнь подтвердила необходимость работы в большинстве серьезных изданий журналистов, имеющих определенный практический военный опыт. Сегодня и коллеги, и читатели видят в них скорее специалистов по освещению военных проблем, чем «засланных казачков», как десятилетие назад.

ВОЕННАЯ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКА: особенности жанра

И в а н К О Н О В А Л О В

Определение жанра

Чтобы попытаться рассмотреть такой непростой жанр, как военная тележурналистика, необходимо определиться в терминах. Определения «журналистика» и «тележурналистика» просты и понятны. Оперировать ими легко. Что же касается термина «военная тележурналистика», в этом случае дело обстоит гораздо сложнее. Западных аналогов не существует. Однако есть три определения, даваемых человеку, специализирующемуся в этом жанре в западных телевизионных СМИ. Это «defense journalist», «war correspondent» и «hot spot reporter». Первое можно перевести как «журналист по оборонным проблемам», второе — непосредственно «военный корреспондент» и третье — «репортер по “горячим точкам”».

Первый термин скорее относится к аналитикам, пишущим на военные темы для серьезных газет и журналов, прежде всего для таких, как «Jane's Review» или «Defense News». Второй используется только как самоназвание для титра, представляющего корреспондента в кадре, чтобы обозначить его как тележурналиста, находящегося непосредственно в зоне боевых действий. Третий термин расшифровки не требует, однако к военной тележурналистике в полной мере отнесен быть не может — ниже мы рассмотрим, почему. Чтобы сравнить эти термины с российским определением военного корреспондента, необходимо все три слить воедино, поскольку на российском телевидении журналисты, занимающиеся оборонными и военными проблемами, являются специалистами, так сказать, широкого профиля.

В целом же в западных СМИ и в частности на телевидении военная тематика не выделяется из общего информационного потока. Это касается, если можно так выразиться, «гражданской военной журналистики». Армия и флот в каждой западной стране, как и у нас, имеет свои периодические издания и телепередачи. В них работают офицеры-корреспонденты. Собственно, именно их и называют военными журналистами. Но это отдельная категория. В воюющей же вот уже семь лет России эта градация несколько видоизменилась. Правда, ненадолго.

Необходимо определиться еще с одним вопросом — каков предмет военной тележурналистики сегодня? Что это — репортажи из «горячих точек» или рассказ о военной реформе в российской армии, освещение деятельности военно-промышленного комплекса или материалы о военной истории? Всеми этими направлениями занимаются совершенно разные люди. Кроме того, в сознании как большинства зрителей, так и журналистов укоренился тот факт, что если, например, какой-нибудь телеканал показывает репортажи из Югославии во время войны 1999 г., то это просто новости, если же материал о налаживании мирной жизни в Чечне, то это военный репортаж. Так происходит потому, что у нас принято считать видеоматериалы военными только тогда, когда они касаются непосредственно российской армии — будь это сюжеты, передаваемые из воюющей Чечни или посвященные нехватке электроэнергии в частях Дальневосточного военного округа.

Если упростить проблему, она выглядит так: Министерство обороны, правительство и президент — т. е. те, кто считает себя наиболее компетентными в этих вопросах, называют военными журналистами исключительно людей в погонах, занимающихся проблемами именно российской армии — будь то война, армейский быт или подъем подводной лодки «Курск». На телевидении же военными журналистами обычно называют тех, кто большую часть времени работает в «горячих точках» (неважно, в Чечне, Югославии или Афганистане) и в какой-то мере занимается военной проблематикой вообще. Но если человек никогда не работал в «горячей точке», то военным журналистом на телевидении его не назовут — даже если он бывший офицер. Таким образом, противоречие в формулировках налицо, но автору кажется, что стоит исходить из «объединенного» взгляда на вопрос — чтобы не путаться в терминах, за исходное возьмем слово «военная».

Спорным остается вопрос, считать ли военными журналистами стрингеров, т. е. тех, кто работает в «горячих точках» самостоятельно, собирая видеоматериал и продавая его потом заказчикам — крупным, в основном зарубежным телеканалам и телеагентствам. С одной стороны, они работают в зоне боевых действий так же, как и штатные журналисты, с другой — они не наполняют свои материалы авторским содержанием и, соответственно, не занимаются прямой журналистской работой. Так как мы говорим о телевидении, то в этом случае стрингеров можно называть военными операторами, действующими на свой страх и риск как «free lancers». Наверное, правильно будет определить их работу как экстремальную журналистику — такой термин (как и сам жанр) сейчас все более входит в моду. Он опреде-

ляет журналистскую деятельность именно и только в «горячих точках», чем, безусловно, обязан заниматься любой военный корреспондент. Но там же часто работают и журналисты, не являющиеся и не считающие себя военными. Они едут туда либо по заданию редакции, либо для того, чтобы проверить себя на прочность. А понятие «военная журналистика» все-таки шире, это уже поле деятельности именно специалистов.

Итак, если в передаче или репортаже основная составляющая информации — военная, мы будем относить эти материалы к области военной тележурналистики. Хотя такое определение тоже очень условно.

Исторический экскурс

Военная журналистика в классическом понимании существует у нас еще со времен Кавказской войны XIX в. Классическая формула — люди в погонах, работающие на армейские и флотские издания. Именно поэтому введенная в обиход телекомпанией НТВ во время первой Чеченской войны теперь уже стандартная фраза: «Как сообщает наш военный (или фронтовой) корреспондент...» поначалу несколько резала слух. Считалось, что работать в «горячих точках» в качестве журналистов могут только военные. Ведь так было во времена Советского Союза. Журналисты, работавшие на войне в Афганистане, были или военными, или тесно контактировали со спецслужбами. То же относится и к собственным корреспондентам Центрального телевидения, работавшим, например, в разное время в Никарагуа, Анголе, Вьетнаме, Эфиопии, т. е. в «горячих точках». И поскольку наш предмет — именно военная тележурналистика, можно сказать, что в какой-то мере именно эти люди стояли у ее истоков. Правда, тогда их редкие телерепортажи и фильмы из зон далеких конфликтов смотрелись как экзотические и не совсем военные.

Присутствие войны страна ощутила только после ввода советских войск в Афганистан. Все знали, что идет настоящая война, на ней гибнут люди. Но телевизор при этом показывал праздники в Кабуле, быт наших солдат, переход моджахедов на сторону новой власти и т. д. Лишь изредка проскакивали редкие кадры о боях или их последствиях. Но люди хотели видеть то, что происходило на самом деле. Именно в это время военные тележурналисты могли бы стать телезвездами, но по тогдашним законам двойной морали это было невозможно. Надо отметить, что в главной информационной программе «Время» Афганистан упоминался в основном лишь устно. Иногда, достаточно редко, политические обозреватели ЦТ делали телефильмы на эту тему. Однако главным игроком на афганском поле была програм-

ма «Служу Советскому Союзу!» — единственная военно-пропагандистская передача Министерства обороны СССР. Очень долгое время она и только она была примером советской военной тележурналистики.

На «Служу Советскому Союзу!», вернее, на ее наследнице, стоит остановиться подробнее. С развалом СССР передача стала угасать. Только в небольшой промежуток расцвета гласности эпохи перестройки (приблизительно с 1989 г. по 1991 г.) делались попытки изменить стиль передачи и способ подачи материала, и, надо сказать, довольно удачные. Была затронута тема дедовщины и другие неприглядные стороны внутренней жизни Советской армии, освещение которых всегда было под запретом. Но с развалом СССР в начавшейся неразберихе, в том числе в Вооруженных силах, о передаче забыли. Однако спустя некоторое время было решено создать непосредственно при Министерстве обороны свою Центральную телерадиостудию (ЦТРС), чтобы возродить на новом уровне военно-патриотическое воспитание молодежи. Ввиду отсутствия финансовых и технических средств при ее создании использовались мощности местных военных телестудий и радиостанций. Первой вышла в эфир радиостанция «Славянка». Именно тогда впервые Минобороны попыталось создать свой штат военных тележурналистов.

Надо сказать, что в Советской армии существовал отдел ГлавПУ, офицеры которого работали во всех более или менее крупных печатных изданиях и агентствах в качестве военных обозревателей (см. приложение 1 и статью Юлии Жегловой в настоящем сборнике). Считалось, что только военные могут грамотно прокомментировать те или иные события, связанные с военной темой. А поскольку Министерство обороны не имело специально обученных телевизионных кадров, набор в новые студии и программы производился преимущественно из числа этих военных обозревателей.

Таким образом, со временем появилась передача «Служу Отечеству!», которая позже изменила название на «Служу России!». Какое-то время параллельно существовали на двух федеральных каналах две одинаковые передачи с этими названиями — «Служу Отечеству!» на первом и «Служу России!» на втором. Были попытки силами этой же ЦТРС (или «ВоенТВ», как ее обычно называют) делать и другие, не пропагандистские, а уже авторские передачи, например, «Аты-баты...» и «Присяга». Правда, эти эксперименты были недолговечны, и дело скорее не в рейтинге этих программ и не в слабом финансировании, а в том, что постоянная смена начальства, курирующего ЦТРС, лихорадила коллектив. Гражданские журналисты неохотно шли в по сути военную организацию, где иерархия подчине-

ния очень важна, а военные корреспонденты, набив руку и почувствовав вкус журналистской свободы, постепенно начали переходить на гражданские телеканалы.

В итоге все вернулось на круги своя. У Минобороны теперь опять только одна главная передача — «Служу России!» и несколько более мелких проектов, о которых мы расскажем ниже. Небезынтересно, что эта программа выходит на первом канале, где существует покупная система телепередач. Большинство из них приобретаются у сторонних производителей — творческих объединений, независимых студий, продюсерских центров. В эту категорию попадает и «Служу России!». При этом за нее ОРТ ничего не платит Министерству обороны, а лишь предоставляет эфирное время.

Военная тематика в информационных программах

Военная тематика в информационных программах стала появляться с развалом СССР. Столкновения в Риге и Тбилиси, события в Киргизии были очень слабо, но все-таки показаны в той или иной форме по телевидению. Правда, это еще не была военная тележурналистика. И даже когда начались серьезные военные конфликты в бывших республиках СССР — гражданские войны в Грузии и Таджикистане, конфликты в Карабахе, Приднестровье и Абхазии, — телевидение старалось говорить об этом поменьше.

Конечно, съемочные группы работали во всех «горячих точках». Но информационных каналов было всего два — первый и второй, и оба напрямую подчинялись Кремлю. А российское руководство не могло определить свою позицию ни по одному из конфликтов, и это косвенно отражалось на телевидении. Был выбран простейший путь — если не знаем, что сказать, лучше об этом совсем не говорить, а если и говорить, то лишь цитируя агентство ИТАР-ТАСС. Именно поэтому Санкт-Петербургский журналист Александр Невзоров, автор и ведущий знаменитых «Шестисот секунд», уже будучи телезвездой, добавил себе славы, первым показав по пятому каналу («Санкт-Петербург») серию военных репортажей из зоны приднестровского конфликта. Не будем говорить об их идеологической направленности и достоверности. В то время это было неважно. Важны были живые репортажи о настоящей войне. Многие тогда последовали примеру Невзорова.

Еще одним признаком того, что военная журналистика становится частью телевидения, стало, как это ни прискорбно, исчезновение в Югославии двух российских корреспондентов первого канала Геннадия Куренного и Виктора Ногина. Впервые многие поняли, что война — это не далекая экзотика, а опасная журналистская работа. Напомню: мы говорим только о

телевидении, работа газет, журналов и агентств не входит в рассматриваемую нами область.

Военная тележурналистика не смогла найти свое официальное место ни в одной из информационных структур главных российских телеканалов. Например, для освещения политических событий в информационных программах, будь то «Время», «Сегодня», «Вести» или «Сейчас», существуют где официальные, где неофициальные так называемые парламентские группы. В них работают журналисты, занятые исключительно тематикой Кремля, Белого дома и Охотного Ряда. Специалисты по культуре тоже заняли свою нишу. «Криминальные» группы на большинстве каналов выделены в отдельные подразделения и обеспечены специальной техникой — например, сканерами для прослушивания милицейской волны.

То есть везде, где можно более или менее точно определить рамки жанра, работают определенные группы людей, которым данная область информации наиболее интересна. И лишь с военной тележурналистикой этого не произошло. Уже не единожды на разных каналах рассматривался вопрос о создании специализированных военных отделов, но всякий раз это происходило, когда военная тематика превалировала в информационных выпусках. Особенно был богат в этом отношении 1999 г. — очередной иракский кризис, косовская проблема, бомбардировки Белграда, война в Дагестане, наконец, начало второй чеченской кампании. Однако как только «военная теленапряженность» спадала, о создании военных отделов забывали.

Собственно, главная причина скачкообразного развития жанра состоит в непонимании того, что военная тематика — это не только «горячие точки», но и военная дипломатия, реформы в армии, развитие вооруженных сил зарубежных стран, проблема военно-промышленного комплекса и многое другое. К тому же на телевидении никак не хотят понять, что военный тележурналист — это не просто человек, который охотно едет в «горячую точку», но еще и специалист, хорошо владеющий всеми аспектами военной проблематики. А необходимость военных отделов рано или поздно будет подтверждена, хотя бы для того, чтобы поддерживать постоянный взаимовыгодный контакт с Минобороны и другими силовыми ведомствами.

В каком-то смысле военная специализация прослеживалась в ведущих аналитических телепрограммах, и это вполне логично. Все темы, затрагивавшиеся в «Итогах» Евгения Киселева (НТВ), в аналитической программе «Время» Сергея Доренко (ОРТ), в «Зеркале» Николая Сванидзе (РТР) и в недолго существовавшей на ОРТ программе Александра Невзорова «Дни», рассматривались более глубоко, чем в новостных выпусках,

и соответственно требовали людей, постоянно занимающихся определенной проблематикой, в том числе и военной. И если для «Итогов» разработкой той или иной темы занимались журналисты, работающие в новостях, то «Зеркало», аналитическое «Время» и «Дни» использовали для этого только своих журналистов. Правда, подобная практика не прижилась.

Укрепление жанровых позиций

Взлет жанра произошел в конце 1994 г. — начале 1995 г., когда молодая и хорошо финансирувавшаяся телекомпания НТВ полностью подавила телеконкурентов своими репортажами с чеченской войны. Хотя «подавила» — не совсем подходящее слово, просто первый и второй каналы, обеспеченные рейтингом за счет охвата аудитории, не считали нужным думать о конкуренции вообще. Более серьезное внимание чеченской тематике они начали уделять лишь в начале 1996 г. О том, что до этого НТВ было единственной телекомпанией, подробно рассказывавшей о войне в Югославии, нечего и говорить. Другие каналы события в Югославии практически никак не освещали. Но в первую чеченскую войну маховик был раскручен, и с 1996 г. все телекомпании стали посылать своих корреспондентов в любые «горячие точки» и конкурировать в скорости подачи информации. Впрочем, НТВ, имевшее лучшее финансирование, в этой борьбе неизменно было первым.

Первая чеченская война стала вехой не только в этом отношении. В это же время военная тележурналистика стала еще и объектом политической игры. Манипуляции Бориса Березовского, тогдашнего хозяина ОРТ, призывавшего к примирению с чеченскими боевиками, запомнились многим. Позиция, занятая НТВ в освещении первой чеченской войны, тоже была в значительной степени продудаевской. На канале чаще шли материалы со стороны боевиков, чем со стороны федеральных сил, и наши «ура-патриоты» немедленно обвинили НТВ в сговоре с враждебным дудаевским режимом.

Однако категоричность здесь неуместна. Наши военные с их любовью ко всевозможным запретам на той войне превзошли самих себя. Тот, кто там был, хорошо знает, как тяжело было работать на стороне федералов, как трудно было проехать в то или иное место, а тем более на позиции федеральных войск. За всю войну был всего один момент, когда работать в боевых порядках федеральных сил было легко, — во время январского 1999 г. штурма Грозного. Тогда из-за всеобщей неразберихи спецслужбы не могли контролировать работу журналистов, и те пробирались в самые опасные места. Все остальное время федералы всячески препятствовали работе кор-

респондентов. Руководство же Чечни поставило перед полевыми командирами прямо противоположную задачу — содействовать журналистам и инсценировать максимальную открытость. А так как на НТВ пытались следовать правилам западной журналистики, главное из которых — добыть информацию и выдать ее в эфир, обойдя конкурентов, то большинство репортеров этой телекомпании работало в отрядах боевиков.

Эта ситуация ярко иллюстрирует различие между военной тележурналистикой и военной газетной журналистикой. Ключевое слово здесь — «показать», т. е. газетчику достаточно просто поговорить со свидетелями тех или иных событий, с командованием, с простыми солдатами или с мирными жителями и составить более или менее ясную картину происходящего, основываясь на которой можно написать блестящий очерк или даже аналитическую статью. Телевидение таких поблажек не дает. Чтобы что-то показать, это надо снять, и желательно снять событие, потому что зрителя привлекает «живая картинка», которую на журналистском сленге именуют «экшн» (action — действие). Конечно, мировые телевизионные агентства АРТN или «Reuter» продают свое видео по всему миру, но монтажом комментариев из купленного видео занимаются редакторы в Москве. Задача же специального корреспондента — показать зрителю, что ты и твой канал в самой гуще событий. Тем более если это война. Каналы, работающие над своим имиджем, требуют от журналиста косвенными фразами в тексте и отдельными кадрами максимально обозначать присутствие съемочной группы в той точке, где происходит событие.

Как бы там ни было, именно с этого момента о военной тележурналистике стали говорить, хотя и прежде, как мы уже отмечали, было множество военных конфликтов, где работали российские журналисты, в том числе и телевизионные. Скажем так: военная тележурналистика стала заметной именно во время первой чеченской войны и укрепила свои позиции именно за счет усиленной работы в «горячих точках», а не в результате разработки других тем.

Чечня и другие «горячие точки»

Если говорить о первой и второй чеченских войнах, столкновения журналистов и руководства федеральных сил были неизбежны. Война — это не только победоносные наступления, но и кровь, грязь, человеческое горе, это поражения нашей армии (если говорить о первой чеченской войне) и совершенно некомпетентные высказывания высших командиров. Корреспонденты это показывали, когда могли, что, естественно, вызывало неудо-

вольствие и Минобороны, и ФСБ. Обвинения были взаимными. Журналисты обвиняли военных в нарушении свободы слова, военные говорили, что журналисты дискредитируют армию и этим помогают врагу.

Впрочем, ни одного серьезного процесса именно против тележурналистов инициировано не было. Во-первых, снятые кадры, за редким исключением, очевидны, и придаться можно только к монтажу, заявив, например, что самое важное вырезано. Но компании всегда хранят спорное видео и в любой момент готовы предъявить его в суде. К текстовым же ошибкам в видеосюжете отношение чаще более лояльное, чем к таким же промахам в газетной или журнальной статье. Ведь предложение, звучащее с экрана, в отличие от напечатанного живет всего несколько секунд.

В целом же специфика работы российских военных тележурналистов в различных «горячих точках» разнородна. Мы не будем здесь говорить об опасностях, с которыми может столкнуться корреспондент во время боевых действий, — о минах, снайперском и артиллерийском огне, обозленных боевиках и солдатах регулярных войск и т. д. Это тема для учебника по выживанию. Обратим внимание на жанровый и политический аспект.

У нас в качестве примера в основном фигурирует Чечня, и это неудивительно — ее влияние на развитие жанра трудно переоценить. Но можно вспомнить еще Приднестровье, Нагорный Карабах, гражданские войны в Грузии и Таджикистане, абхазо-грузинская и осетино-грузинские войны, осетино-ингушский конфликт. Там тоже было немало любопытных моментов. Если западному журналисту проще быть объективным, поскольку его видеосюжеты и комментарии в кадре показывают там, где их не видят стороны конфликта, то россиянам гораздо сложнее. На территории бывшего СССР практически все знают русский язык, и компрометирующий кадр или оценка событий в телематериале, не понравившиеся одной из сторон, могут стать роковыми для журналиста. Это в Израиле или Югославии неудобных журналистов высылают из страны. В наших же конфликтах все решается на месте.

Приведем пример. Допустим, вы работаете в качестве военного корреспондента на стороне абхазов. А во время следующей командировки попадаете на грузинскую сторону. И как бы объективны и непредвзяты вы ни были, грузины встретят вас недоверием, а у абхазской стороны, увидевшей вас по телевизору, возникнет, мягко сказать, недоумение. Здесь необходимо учитывать национальный характер народов Кавказа и Средней Азии, ведь относительно долгая работа в боевых порядках одной из сторон конфликта приводит к необходимости налаживания контактов. Другого выхо-

да нет — работать тебе дадут только благодаря хорошим личным отношениям. И если, скажем, в Таджикистане во время гражданской войны, которая закончилась по сути только к концу 1996 г., еще можно было опереться на российских пограничников, то в конфликтах Закавказья, чтобы работать, приходится выбирать какую-то сторону. Из-за этого российские тележурналисты сталкиваются с проблемой «эзопова языка», но, надо отметить, при этом в целом сохраняют объективность.

Другой интересный аспект военной тележурналистики — открытость информации. На телевидении не существует цензуры, но то, что связано с Минобороны и военно-промышленным комплексом, все еще составляет военную тайну. Добывать информацию в этой сфере было сложным делом даже во времена наибольшего расцвета гласности. Поэтому большинство журналистов, решивших сделать карьеру на этом поприще, пошли по пути тесного сотрудничества с Министерством обороны и ФСБ. Несомненно, передачи «Военная тайна» или «Забывтый полк» не могли бы выходить регулярно без информационной поддержки с их стороны.

В России сейчас свыше десятка силовых ведомств, и с большинством из них военным журналистам приходится работать постоянно. Естественно, все основные контакты — через пресс-службу. Нельзя сказать, что работники пресс-служб заинтересованы в закрытии любой информации, но они точно следуют указаниям руководства. В качестве примера можно привести деятельность пресс-службы Северо-Кавказского военного округа, которая активно руководила работой журналистов во время второй чеченской кампании. Учтя ошибки первой войны и осознав, что полностью лишать журналистов информации нельзя, пресс-офицеры выработали определенную схему работы.

Прежде всего они отсекали иностранных репортеров, которые в первую войну работали на территории Чечни довольно спокойно. Затем объявили правило, согласно которому любая съемочная группа или пишущие журналисты могут находиться в боевых порядках федеральных сил только при наличии соответствующего разрешения и в сопровождении офицера пресс-службы. Благодаря этим мерам теперь было точно известно местонахождение каждой съемочной группы, а также можно было отследить, чем именно она занимается.

В Москве был создан специальный информационный центр, который курировал помощник президента Сергей Ястржембский. Поначалу там собиралось немало журналистов, особенно иностранных, поскольку это был один из немногих каналов получения информации. Для российских же жур-

налистов постоянные брифинги в информационном центре были интересны тем, что представляли четкую отработанную официальную точку зрения Кремля на чеченские события, а также уточняли спорную информацию, например, о гибели того или иного известного полевого командира или боевых столкновениях федеральных войск и боевиков. В сочетании с информацией, получаемой из Чечни от корреспондентов, телеканал мог составить хотя бы относительно ясную картину того, что происходит в республике. Но слишком часто выступавшие в информационном центре генералы и политики делали чересчур обтекаемые и малосодержательные заявления, и постепенно брифинги стали собирать все меньше журналистов.

Конечно, части западных журналистов или российских стрингеров, работавших для западных СМИ, удавалось нелегально пробираться сначала в осажденный Грозный, а затем и в горы. Но большинство российских репортеров даже не пытались этого делать, поскольку похищение журналистов стало доходным бизнесом для чеченских боевиков еще в конце первой войны. К тому же общий тон репортажей раздражал боевиков — их чаще всего называли бандитами. Таким образом, основная информация о боевых действиях в Чечне шла с одной, федеральной, стороны (по крайней мере на российские экраны). Это был один из немногих стратегически верных ходов наших военных за всю историю чеченской войны начиная с 1994 г. — масхадовское правительство идеологически проиграло эту войну в отличие от первой.

И все же, несмотря на попытки военных установить тотальный контроль над журналистами, многим удавалось работать достаточно самостоятельно. Помогали личные контакты с офицерами боевых частей — те брали корреспондентов с собой на задания или помогали добраться до нужного места. Впрочем, серьезных столкновений с пресс-службами из-за этого не было, если их не слишком раздражало то, что выходило в эфир после такой самостоятельной работы. Примечательно, что во время штурма Грозного и, пожалуй, во время боев за село Комсомольское, как и в первую Чеченскую войну, контроль над съемочными группами был опять почти утрачен.

Однако в отличие от войны 1994—1996 гг. патриотический настрой выдаваемых в эфир материалов был гораздо выше. Нельзя сказать, что журналистов заставляли так поступать. Скорее, таким было их внутреннее осмысление этой войны. Нельзя отрицать, что поначалу все считали вторую чеченскую войну справедливой, и даже солдаты простыми словами объясняли это так: «Чеченцам дали шанс на три года самостоятельности. Но они так и не успокоились, не стали бороться с преступностью и даже вторглись в Дагестан. Надо уничтожить это осиное гнездо». Естественно, по

мере того как война затягивалась, настроения стали меняться. Сейчас о том, стоит или не стоит армии и МВД находиться в Чечне, спорят политики, но не журналисты и военные. Они от этой войны просто устали.

Говоря о работе военных корреспондентов в Чечне, необходимо отметить еще один феномен. Когда закончилась активная фаза боевых действий, пресс-служба стала просто возить всех журналистов в одном автобусе или на вертолете на одни и те же события. В итоге все каналы выдавали практически одинаковую картинку, и только от профессионализма репортера зависело, насколько авторским будет этот материал. Надо сказать, что это не изобретение наших военных — подобную практику применяли и югославские власти во время войны 1999 г., и американцы во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г. Проблема в том, что такие действия рожают у журналистов внутренний протест и нежелание в этом участвовать, даже если съемка важна. Некое подобие компромисса в Чечне было найдено лишь после того, как большинство съемочных групп переселилось с военной базы Ханкала под Грозным непосредственно в столицу Чечни. Там свободы передвижения стало чуть больше. Стоит также добавить, что работу журналистов в республике контролирует уже пресс-служба ФСБ — ныне именно это ведомство отвечает за проведение контртеррористической операции.

Пример приоритетов Кремля

Освещение событий, связанных с подъемом атомного подводного ракетного крейсера «Курск», стало еще одной вехой в истории взаимодействия журналистов и военных пресс-служб. Наверное, именно с этого момента стали говорить о четком разделении журналистов на «своих» и «чужих»: «свои» — это те, кто работает на государственные СМИ, «чужие» — все остальные. Право на равное получение информации было грубо нарушено. Непосредственно в зону гибели подлодки была допущена всего одна, «своя» съемочная группа — государственного телеканала РТР. Правда, к нынешнему времени, когда, собственно, не осталось ни одного крупного частного телеканала, деление «свои — чужие» несколько видоизменилось. Теперь можно говорить о некоей градации по степени приближенности к Кремлю: на первом месте — РТР, на втором — первый канал, на третьем — новое НТВ, а на четвертом — ТВЦ.

Подъем «Курска» примечателен еще и тем, что он показал и телезрителям, насколько трудно журналистам работать с армейскими и флотскими пресс-службами. Скандал вокруг получения информации был дополнен тем, что не только непосредственно в зону гибели субмарины, но и на военно-

морскую базу Видяево, откуда подлодка ушла в последний поход, поначалу тоже пропускали только телегруппы РТР. Лишь после огромного количества жалоб и телевыступлений как журналистов, так и политиков в Видяево стали пускать телегруппы других каналов. До этого им приходилось довольствоваться путаными комментариями пресс-служб Северного флота в Мурманске и ВМФ в Москве. Причем комментарии часто противоречили друг другу, и иногда все это превращалось в фарс.

Впрочем, то, что происходило вокруг подъема «Курска», можно назвать военной тележурналистикой лишь с натяжкой. Речь шла не о боевых действиях или армейских проблемах, а о гибели судна и его экипажа, о родственниках, которые верили, ждали, а потом потеряли надежду... Но так как «Курск» — военный корабль, весь фон телерепортажей был опосредованно-военным, а освещением этой темы занимались ведущие репортеры всех каналов, в том числе военные. Надо отметить, что эта тема стала самой длительной за все время существования российского телевидения. Ее ведут с момента гибели корабля по сегодняшний день.

«Военные» передачи

Сейчас ведущие телеканалы страны в новостных выпусках уделяют большое внимание военной тематике и «горячим точкам». Кроме того, все каналы имеют военные передачи, при этом абсолютно разнонаправленные: первый канал — «Служу России!» (наследницу «Служу Советскому Союзу!») и производимые студией «ВоенТВ» документальные фильмы, второй канал — «Военную программу», документальные фильмы ведущих журналистов, в основном на чеченскую тему. Имеющая свое время на частоте третьего канала телекомпания «Московия» («3 канал») выпускает программу «Линия фронта», военная тематика составляет серьезную часть программы этого же канала «Наша версия. Под грифом “секретно”». НТВ часто показывает военные фильмы в рубрике «Профессия — репортер». На этом же канале военная тематика — частый гость в программе «Совершенно секретно». Канал «Культура» демонстрирует документальные фильмы, в основном по истории российской армии. ТВ-6 в прошлом имел в своем активе одну из самых популярных программ «Забывтый полк». Из дециметровых каналов постоянную передачу такого направления имеет только REN-TV. Это «Военная тайна», во многом схожая с передачами «Наша версия. Под грифом “секретно”» и «Совершенно секретно». В них военная тематика рассматривается скорее через призму спецслужб и носит сенсационный характер. Однако говорить о каком-либо развитии этого направле-

ния тележурналистики смысла нет. Скорее оно уже исчезает, хотя и появилось совсем недавно.

В целом именно трудность получения информации у военных и работы на контролируемых ими территориях и обуславливают всю сложность создания военных программ. Чтобы быть популярными и запоминающимися, они должны выходить с периодичностью минимум раз в неделю. Набрать для этого информацию и видео, учитывая все сказанное, очень непросто. Поэтому наиболее легкий путь — съемка отдельных фильмов на военную тему. Так можно выкроить больше времени для сбора информации, съемок и работы в архиве.

Другое дело еженедельные передачи — здесь авторы стараются найти наиболее приемлемый путь, причем каждый свой. Мы не берем в качестве примера программу «Служу России!» — это абсолютно парадно-выходная передача, для просмотра которой солдат каждое воскресенье собирают в «ленинских комнатах» в казармах перед началом выходного дня. С точки зрения идеологической программа сделана очень верно — набор сюжетов с предельно малым авторским наполнением. Именно такая форма наиболее удобна для пропагандистских передач. У программы нет задачи нарабатывать рейтинг, она рассчитана не на гражданского зрителя, а исключительно на военную аудиторию. Кстати, это своего рода феномен, ведь на телевидении ведущих стран подобного нет — чтобы на общегосударственном канале шла передача, сделанная военными для военных и финансируемая Министерством обороны.

В какой-то мере к этому типу можно отнести также «Армейский магазин» (первый канал) и «Полевая почта» (ТВЦ). Хотя прямого отношения к рассматриваемому предмету они не имеют, но поскольку их делают, как и «Служу России!», военные для военных, о них нельзя не упомянуть. «Армейский магазин» — это сборник хохм и анекдотов на военную тему, а «Полевая почта» — что-то вроде телеконцерта по заявкам для военнослужащих. Никакой информационной нагрузки они не несут, но пользуются популярностью и, исходя из общей концепции пропаганды, как бы дополняют «Служу России!». Недавно Минобороны решило расширить список создаваемых «ВоенТВ» передач. На московском дециметровом канале «Столица» появилась программа «Щит Родины» — научно-популярный альманах, которому, по всей видимости, недостает финансирования. Авторы передачи пытаются рассказывать о новых вооружениях, о военной реформе, о различных родах войск также исключительно с точки зрения Минобороны. Пока она больше похожа на программы кабельного провинциального

телевидения — набор видео с очень поверхностным комментарием, отсутствие серьезных сюжетов и серьезной аналитики. С другой стороны, эта программа — яркий пример попыток новых политработников реализовать себя в качестве журналистов и телеведущих. Интересно, что ведущий одет в военный камуфляж.

Можно с уверенностью утверждать, что единственной по-настоящему военной за последнее десятилетие была авторская программа «Забывтый полк», которая выходила сначала на НТВ, а затем на ТВ-6. Ее автор Евгений Кириченко нашел беспроигрышный ход — в передаче не шел разговор о военно-политических вопросах, не анализировались военные конфликты, не выступали уже давно безнадежно отставшие от жизни военные эксперты. Главной темой стал солдат — неважно, какой войны. Тот, кто воевал, добивался побед или терпел поражение, но о ком всегда забывали. И поскольку все это подавалось в жанре ток-шоу с неплохими видеосюжетами, программа завоевала довольно большую аудиторию. В России трудно найти семью, так или иначе не связанную с войной — Великой Отечественной, афганской, чеченской или каким-нибудь локальным конфликтом. Но, опять же, программа носила, скорее, социальный характер. Кстати, Е. Кириченко сам определяет ее именно как военно-социальную. По его словам, передача создавалась без ориентации на зрительский рейтинг, как попытка исправить ситуацию, которая сложилась в нашей стране с ветеранами последних войн: «С одной стороны, наша программа не выглядит по-настоящему военной, поскольку она хоть и говорит о людях этой профессии, но по большей части об их житейских проблемах, но с другой стороны, по нашему мнению, основа армии — солдат и простой офицер-окопник, поскольку даже не имеют выбора — выполнять свой долг или нет. Они просто его исполняют. Но если мы сталкиваемся с историями людей, которым так же тяжело, как и забытым солдатам, мы тоже о них рассказываем и стараемся им помочь. Все они — из забытого полка».

Другая попытка создать исключительно военную программу была предпринята на «3 канале». «Линия фронта» Евгения Баранова рассказывала о мировых конфликтах независимо от того, где происходят события — на территории России или за рубежом. Но такая передача не может иметь серьезного рейтинга, так как рассчитана на узкий круг — зрителям хватает сюжетов из «горячих точек», которые идут в новостях. Кроме того, передача была очень короткой — всего десять минут, и серьезного разговора в ней просто не могло быть. К тому же она выходила каждую неделю, и подготовить материал к ней за несколько дней удавалось только поверхностный. Впро-

чем, нельзя не отметить, что это первая, пусть и неудачная попытка создать авторскую военно-аналитическую программу.

С «Линией фронта» переключается новая передача Александра Сладкова на РТР с простым названием «Военная программа». Она тоже авторская, еженедельная, с небольшим хронометражем и состоит из одного большого сюжета. Но здесь тематика больше внутрироссийская. Внимание автора сосредоточено на проблемах армии. И в этом случае ограниченность во времени не дает серьезно рассмотреть избранную тему. Остается ощущение незаконченности.

Передачи «Военная тайна», «Наша версия» и «Совершенно секретно», как мы уже отмечали, в чем-то схожи. Заметно использование в них информации, предоставленной спецслужбами. Сами названия передач говорят о том, что в них разговор чаще идет о тайнах, о секретных операциях и о нераскрытых преступлениях. Впрочем, в «Нашей версии» военные сюжеты чаще касаются таких тем, как коррупция в армии, незаконная торговля оружием, истоки развязанных на территории бывшего СССР конфликтов, расследование гибели военных журналистов и т. д.

А в «Военной тайне» наряду с большим количеством сюжетов о работе спецслужб есть и аналитически развернутые сюжеты как о конфликтах, так и об армиях разных стран. Автор программы Игорь Прокопенко называет ее информационно-аналитической. В ней рассказывается обо всем, что связано с обороноспособностью и безопасностью как России, так и всего мира. Интересно, что когда она создавалась, то была просто программой об армии. И. Прокопенко: «В названии самой программы заложен ее некий двойной смысл. С одной стороны — военная тайна как таковая. Тайны операций, тайны преступлений, секретные войны. А с другой стороны, военная тайна — это что-то такое гайдаровское, полуромантическое, даже, можно сказать, ностальгическое по некогда непобедимой Советской армии. А вообще-то, поскольку эта программа о безопасности, то мы трактуем это понятие широко, и речь может идти как о безопасности ядерных объектов, так и о вырубке леса в амазонской сельве».

Показательно, что на основе сюжетов, которые идут в этой программе, делаются документальные фильмы, в том числе и военные, которые потом прокатываются по REN-TV — неплохой пример полной отработки материала. И все же «Военная тайна» — программа прежде всего сенсационная: подробности событий, необыкновенные истории, загадки прошлого. Таким образом, о военной журналистике речь здесь может идти лишь как об одной из составляющих.

Примерно то же самое можно сказать о передаче ТВЦ «Особая папка». Ее автор Леонид Млечин каждую передачу делает цельной, не состоящей из разных сюжетов. И поскольку его основной тематикой также является работа спецслужб, их история и современность, то он часто касается военной темы. Интересно, что «исторические» передачи явно преобладают над «современными». Жанр «Особой папки» определен тоже как информационно-аналитический. И в последнее время военные проблемы в этой передаче вышли чуть ли не на первое место. В ней участвуют российские и иностранные военные эксперты, рассказывается о появлении новых военных технологий, об изменении стратегии и тактики современных военных действий. Название программы позволяет затрагивать любую тему, хоть немного связанную с обороноспособностью. Л. Млечин: «Космические двигатели, радиолокаторы, ядерное оружие — мне интересно разобраться во всем этом и популярно рассказать об этом зрителю. Важно не утонуть в цифрах, сложных технических терминах и характеристиках. Вот передача про лазерное оружие — это не только история про губительный луч, о котором знают в основном из фильма “Гиперболоид инженера Гарина”, это еще и драматичная судьба сына бывшего министра обороны Устинова — Николая, который руководил лазерными разработками. На таком стыке и работаем».

Перспективы

В целом, если взглянуть на неширокий в общем военно-журналистский спектр российского телевидения, можно отметить, что по популярности у широкого зрителя (а это немаловажно, о каких бы высоких целях мы ни говорили) военные программы проигрывают развлекательным, но при этом имеют свою стойкую аудиторию. Например, у «Забытого полка» это сами военные и их близкие, у «Военной тайны» и «Особой папки» — любители сенсаций и истории. Что касается выпусков новостей и аналитических программ, то в них интерес к военным сюжетам обычно очень высок в период начала какого-то конфликта или военной операции. Затем интерес к такому событию начинает угасать, и с первых позиций в выпусках новостей военные сюжеты перемещаются в конец. Но стоит отметить, что их все равно считают беспроектными в плане зрительских симпатий и почти никогда не убирают из эфира (заметим, что обычно в вечерние выпуски новостей не ставится до 40% подготовленных материалов). Что касается документальных фильмов на военную тематику, то они редко бывают популярными, если только это не фильм о тайне гибели подлодки «Курск» или уничтожении

генерала Дудаева. Зритель все-таки хочет сенсаций, тайн, расследований, чего-то познавательного или развлекательного, к тому же война многих просто отталкивает.

Наглядный пример эволюции военной тележурналистики как жанра — оборонная информация становится все более закрытой (см. приложение 3). О военных реформах и развитии военно-промышленного комплекса говорить становится все труднее. Скорее всего, военная журналистика в скором времени обратится к богатой военной истории России и других стран. Пока эта тема не получила серьезного развития, поскольку требует от журналиста большой подготовки и фундаментальных знаний, но рано или поздно к этому придет большинство телекомпаний. Президент Путин, правительство и парламент — сторонники усиления военно-патриотического воспитания молодежи, и руководство любого федерального канала и многих дециметровых воспользуется возможностью лишний раз доказать приверженность президентскому курсу. К тому же рассказывать о поражениях, например, Красной армии в зимней войне 1939 г. с финнами гораздо безопаснее, чем очередной раз поднимать тему армейской коррупции или затянувшейся чеченской войны. Проблема состоит в том, что лишь немногие репортеры, занимающиеся сейчас военной тематикой на телевидении, смогут создавать такие программы. Здесь скорее работа для историков, но они, к сожалению, не знакомы со спецификой работы на телевидении.

Итак, рассматривая вопрос, стала ли военная журналистика жанром телевидения, мы сейчас можем прийти лишь к одному выводу: формирование жанра продолжается. Заняв определенную нишу и в авторских программах, и в выпусках новостей, военная тележурналистика, пережив недолгий всплеск во время первой и второй чеченских войн, теперь вошла в русло более спокойного развития.

Военные конфликты в разных частях света идут и будут продолжаться, но сюжеты о них в новостных выпусках мы можем оценивать не как отдельный жанр, а как часть общего информационного потока. Авторские же программы, с учетом современной политической ситуации, скорее всего будут тяготеть к истории и военно-патриотическому воспитанию. В связи с этим очень серьезный шанс вновь появляется у военных тележурналистов-офицеров. Постепенно, с усилением завесы секретности, именно у Министерства обороны останется наибольшая свобода действий в освещении внутрироссийской военной тематики. Другое дело, использует ли «Воен-ТВ» этот шанс или снова будет ждать, что решат по этому поводу в «Арбатском военном округе». Серьезных финансовых затрат по сравнению с любой обыч-

ной телекомпаний не потребуется, учитывая помощь со стороны военных в отношении таких дорогостоящих мероприятий, как служебные командировки и перегон материалов. К тому же «Воен-ТВ» легко получить эфирное время на любом канале. Отношение к нему особое.

Пока же основную военную теленагрузку будут нести новостные выпуски. Но до тех пор, пока концептуально не изменится подход к подготовке материалов на военную тему, пока военная тележурналистика не получит «официальный» жанровый статус и пока ею будут заниматься случайные люди, качественного рывка, подобного «чеченскому» в 1995—1996 гг., не будет. Требования к журналистской работе повысились, и только на зрительском интересе к событиям рейтинг увеличить трудно. Теперь уже необходим достаточно высокий профессиональный уровень.

Политически поиск направлений развития значительно упростился. Функционально сюжеты и передачи о войне и военной проблематике абсолютно социальные, лишь отдельные передачи добиваются коммерческого успеха. Но уровень их влияния на социум трудно переоценить. И в этой связи можно констатировать, что время, когда военная тележурналистика использовалась как фактор в политической борьбе, уже прошло. Война — тема, на которой телеканалы всегда оппонировали руководству страны. Не стоит забывать, что в 1996 г. во время президентских выборов Кремль выкинул белый флаг перед НТВ и затем привлек его на свою сторону, не в последнюю очередь из-за определенного освещения событий в Чечне. Впрочем в 1999 г. и 2000 г. Кремль перед НТВ уже не капитулировал.

Другой аспект. Россия участвует на дипломатическом и военном уровнях в разрешении большинства мировых военных конфликтов, и телевизионное поддержание имиджа страна и ее руководства очень важно. Миротворческие миссии Виктора Черномырдина и Евгения Примакова во время войны в Югославии 1999 г. подверглись серьезной критике, в том числе и на телевидении.

Но теперь оппозиция невозможна. На примере НТВ и ТВ-6 способы укрощения строптивых телеканалов уже хорошо отработаны. Таким образом, оппозиционно-социальная составляющая утрачена. Хотя с другой стороны, военная тележурналистика представляет собой прекрасную возможность договориться с властью и, следовательно, получить определенные дивиденды. «Правильная» подача военных новостей в нашей воюющей стране с нищей полуразвалившейся армией и коррумпированным генералитетом стоит дорого. То же касается и поддержания шаткого международного военного авторитета страны в глазах телезрителей. Если учесть общее стрем-

ление телекомпаний доказать лояльность руководству страны, можно сделать вывод: военная тема используется и будет использоваться. Это видно хотя бы по расстановке нужных акцентов в чеченском вопросе и по полному отсутствию даже малейшего намека на оппозицию. Конечно, тележурналист волен иметь свое мнение, но самореализоваться он может только, так сказать, с разрешения руководства телекомпании, поскольку для этого ему нужно оборудование — в отличие от газетных журналистов, которые могут писать хотя бы «в стол». Телевидение — самый жестокий бизнес в СМИ.

Таким образом, нельзя сказать, что сегодня военная тележурналистика полностью перестала быть влиятельным жанром. Просто ее роль становится все менее самостоятельной и менее телекорпоративной, все более подчиненной правилам «государственной целесообразности». Но это судьба всех тележанров и российского телевидения в целом.

ГЛАВА 2

ПРЕССА И СИЛОВИКИ: В ТИСКАХ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ, ВЕДОМСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ЦЕНЗУРЫ

АКЦЕНТЫ РОССИЙСКИХ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ: что увидели и чего не заметили журналисты

В и т а л и й Ш л ы к о в

Можно ли реформировать армию России?

Проблема военной реформы в России прямо или косвенно затрагивает интересы подавляющего большинства граждан, что обуславливает популярность этой темы у политиков и объясняет непреходящий интерес СМИ. В целом диапазон оценок состояния дел с реформированием армии достаточно широк. Так, на страницах «Независимого военного обозрения» генерал-майор Валентин Рог и генерал армии Петр Дейнекин, оба доктора военных наук и профессора, заявляют, что «в последнем десятилетии XX в. в нашей стране началась выдающаяся по исторической значимости военная реформа».

Можно встретить и просто эйфорические оценки преобразований в армии и стране в целом. В одном из материалов интернет-сайта «Страна.ru» его автор Михаил Григорьев пишет, сравнивая бюджеты 2001 г. и 2002 г., что прежде всего бросается в глаза резкое, почти четырехкратное увеличение расходов по статье «военная реформа», наблюдается двукратный рост финансирования по таким статьям, как освоение космоса, строительство дорог и охрана природных ресурсов, т. е. «Россия стремится стать современным, прогрессивным государством — с эффективной армией, собственными космическими программами, хорошими дорогами и могущественной экологической службой».

Чаще все же встречаются материалы с критикой хода «военной реформы». Некоторые авторы убеждены даже, что в России она невозможна в принципе. Так, Иван Сафронов в статье «Русская армия от Иоанна до Иванова» в журнале «Коммерсантъ-Власть» пишет, что «военные преобразования в России удавались лишь тогда, когда страна точно знала, к какой войне ей готовиться», а в течение ближайшего десятилетия воевать она не собирается, поэтому-то «уже сейчас можно сказать, что к новой войне российская армия готова не будет... К настоящей войне Россия начнет готовиться в лучшем случае только тогда, когда да ее начала останутся считанные месяцы. Вот тогда и начнется новая реформа».

Еще более пессимистичен в отношении реформирования нынешней армии Александр Храмчихин, заведующий аналитическим отделом Института политического и военного анализа. В журнале «Полития» он пишет: «Провал нынешней “реформы”, как и всех предыдущих, вполне закономерен не только потому, что руководство страны не знает, чего хочет, но и потому, что НАШУ АРМИЮ РЕФОРМИРОВАТЬ НЕЛЬЗЯ (выделено автором. — В. Ш.), как бы ни стремился к этому Сергей Иванов (точно так же нельзя было реформировать КПСС). В наших ВС надо менять ВСЕ... Менять все — значит создавать новую параллельную армию».

Тезис о бессмысленности и даже невозможности реформировать Советскую армию, слепком которой является нынешняя российская, распространен гораздо шире, чем это принято считать. Доктор философских наук Иван Корсунцев предлагает в «Новой газете» создать принципиально новую армию — Российские Вооруженные Силы (РВС), «совершенно новые Вооруженные силы, живущие по новым уставам и распорядкам, имеющие новые воинские звания и новую форму одежды военнослужащих, новую символику, новый текст присяги... В новой армии нужно запретить выполнять строительную, коммерческую и иную подобную побочную деятельность. ...И реформа Вооруженных сил должна осуществляться одноразово, без стадий и этапов, растянутых на годы».

Похоже, начинают понимать это и в руководстве государства и Вооруженных сил. Так, 27 марта 2002 г. во время посещения дивизии РВСН в Тверской области министр обороны Сергей Иванов назвал части постоянной готовности «заделом новых Вооруженных сил, которые будут созданы через 10—15 лет». Если это, конечно, не оговорка и С. Иванов действительно задумывается о возможности создания именно новой, а не «реформированной» российской армии, то пора начинать говорить о целях, содержании, последовательности и темпах строительства такой армии.

Назначение С. Иванова министром обороны 28 марта 2001 г. вызвало прилив энтузиазма практически у всех представителей СМИ, пишущих на военные темы, даже у тех, кто весьма скептически относился к возможностям реформирования Вооруженных сил. «Появилась возможность, наконец, начать реальную военную реформу, что раньше было в принципе невозможно», — писал в «Московских новостях» Павел Фельгенгауэр. «Теперь мы знаем, что президент действительно считает реформирование “военной организации государства и всех отраслей, связанных с этой областью”, делом первостепенной важности», — утверждал Александр Гольц в «Итогах». В другой своей статье А. Гольц назвал нового министра обороны

«идеальным лицом для проведения серьезных перемен». «Армия ожидает перемен. Она связывает их с новым министром обороны», — так озаглавил свою статью, посвященную назначению С. Иванова, Михаил Ходаренок.

Справедливости ради надо отметить, что все упомянутые журналисты сопроводили свои надежды на реформаторский потенциал С. Иванова серьезными оговорками и быстро заметили, что реального плана военной реформы у него нет. Всего несколько месяцев спустя, в июле 2001 г., М. Ходаренок писал относительно создания Военно-космических сил, воссоздания главного командования Сухопутных войск, планов объединения Приволжского и Уральского военных округов и других реорганизаций, полностью одобренных новым министром обороны: «Невольно складывается впечатление, что в аналитических структурах Минобороны наблюдается определенный голод идей, и за исключением банального “сформировать — расформировать — перевести на другие штаты — передислоцировать”, ничего в белом здании на Арбатской площади пока придумать не могут. И какой-то злой волшебник водит высший руководящий состав Вооруженных сил по раз и навсегда определенному кругу: сначала разорить, а затем воссоздать через год (два) на том же месте. Причем, все это делают одни и те же военачальники, всякий раз находя соответствующие и, естественно, убедительные доводы».

Я подробно цитирую этих журналистов, пишущих на военные темы, поскольку именно их материалы всегда внимательно читаю, искренне удивляясь их наблюдательности и способности угадывать нюансы военной политики и мотивы действий Минобороны в условиях чрезвычайно скудной информации. Тем более обидно, что даже они при всем их здоровом скептицизме считают, что современную российскую армию, по крайней мере в обозримом будущем, можно реформировать сверху, с уровня министра обороны или даже президента.

Верховный — не Всемогущий

«Верховный главнокомандующий должен наконец четко высказаться о судьбе Вооруженных сил», — такие призывы нередко раздаются в прессе. Спрашивается: ну и что из того, что президент Владимир Путин выскажется на эту тему, как, впрочем, и на любую иную? Президент Борис Ельцин не раз куда как четко высказывался, неоднократно решительно признавая, что «мы опаздываем с военной реформой», что «сама жизнь требует реформирования армии» и что «тянуть дальше нельзя — армия начинает понемногу расшатываться».

Можно также напомнить не просто о «высказываниях», но о документах государственного управления, таких, как указ президента № 722 от 16 мая 1996 г. «О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных сил и других войск Российской Федерации на профессиональной основе», указ президента № 1592 от 25 ноября 1996 г. «О мерах по обеспечению военного строительства в Российской Федерации» и других «эпохальных» документах.

Неужели президент Путин сможет обещать что-то большее, чем уже наобещал первый президент России? Все, что В. Путин пока сказал о военной реформе, крайне невнятно. Выступая на сборах руководящего состава Вооруженных сил в ноябре 2000 г., он сам так охарактеризовал положение дел в этой области: «Нынешнее состояние в войсках и в их руководстве — моральное, дисциплинарное, военно-техническое — пока не соответствует ни целям, ни масштабу стоящих перед ним задач. Продолжаем говорить и заседать, а маховик реформ во многом прокручивается вхолостую».

Действительно, вот уже десять лет, как российские политики и руководство армии просто имитируют свое участие в унылой и бессмысленной игре в «военную реформу», игре, которая больше всего напоминает пинг-понг.

Игру начали политики, потребовавшие еще в начале 1990-х годов от руководства Вооруженных сил «приведения армии в соответствие с новой политической обстановкой в мире и сократившимися экономическими возможностями страны». Армия, в свою очередь, отвечала: для того, чтобы провести реформы, политики должны назвать ей противника, к войне с которым она должна готовиться, дать ей новую доктрину и т. д. Наиболее четко эту позицию выразил генерал Игорь Родионов, министр обороны с июля 1996 г. по май 1997 г.: «Мировая практика не раз доказала, что ВС не могут сами себя реформировать без четких, своевременных, продуманных и взаимосвязанных с необходимым ресурсным обеспечением политических установок и санкций военно-политического руководства государства».

Многие наблюдатели, в том числе журналисты, давно раскусили смысл этой игры, чаще всего сводившейся к манипуляции относительно армии терминами «компактная», «мобильная» на основе порожденных именно в 1990-х годах многочисленных стратегий, доктрин и концепций и иных основополагающих документов, разработкой которых руководили, как известно, бывшие военные журналисты. «Выстроить приоритеты в строительстве Вооруженных сил с помощью этих документов очень трудно, а может быть, даже и невозможно», поскольку кроме «правильных» слов и особенно эпи-

тетов взять оттуда в общем нечего, отмечает Михаил Ходаренок в «Независимой газете».

Конечно, каждая сторона в этом спектакле преследовала свои цели. Политики разговорами о реформе маскировали нежелание давать армии деньги, для которых, по их мнению, можно было найти лучшее применение. Генералы, не имевшие представления ни о какой другой армии, кроме советской, скрывали отсутствие каких-либо реформаторских идей утверждениями, что сначала армии нужно обеспечить достаточное финансирование, а уж затем реформировать. Разыгрывались шумные спектакли о «бедной армии» и «разрушителях» обороны, с одной стороны, и о косных корыстолюбивых генералах — с другой. «У нас получается так, что солдаты, понимаешь, худеют, а генералы жиреют, — восклицал Б. Ельцин в мае 1997 г. после снятия с постов Игоря Родионова и Виктора Самсонова, потребовавших для армии больше денег, чем правительство готово было дать. — Понастроили дач по всей России». Практический эффект от этих громовых раскатов, подхваченных и усиленных мегафонами отечественной прессы, был крайне невелик, «жирующих» генералов ни к моральной, ни к юридической ответственности за единичными исключениями так и не привлекли.

«Единственный способ заставить военных думать — это не давать им денег», — по свидетельству журнала «Эксперт» говаривал «отец молодых реформаторов» Евгений Ясин в бытность министром экономики. И действительно, сменивший И. Родионова на посту министра обороны Игорь Сергеев оказался, судя по всему, умнее своего предшественника и денег требовать от правительства не стал, а принялся «оптимизировать» армию, без излишней скромности утверждая, что именно ему удалось перевести реформу Вооруженных сил из области разговоров в сферу практической работы. В результате он стал маршалом и даже был в ряде СМИ признан реформатором...

Правда, как водится в России, провожая маршала в отставку с поста министра обороны, вдогонку официозная «Российская газета» оценивала итоги деятельности И. Сергеева уже в другой тональности: «Армия устала от безвременья и безденежья...».

Неудивительно, что в последнее время разговоры о планах военной реформы или достигнутых «переломах» в реформировании армии вызывают растущее отторжение как в СМИ, так и у многих военных, а по признанию некоторых журналистов, понятие «военная реформа» в обществе воспринимается как синоним выражений «потемкинская деревня», «имитация» и даже «профанация».

Реформа или профанация

Александр Храмчихин, заведующий аналитическим отделом Института политического и военного анализа, пишет в журнале «Полития»: «То, что нам недавно предложили в качестве военной реформы, можно расценить только как издевательство над Вооруженными силами».

Наталья Серова в обзоре центральной и региональной прессы, освещающей военную тематику, пишет на сайте «СМИ.ру» о реакции военнослужащих на готовящиеся реформы следующее: «СМИ, особенно региональные, транслируют негативные настроения в армейской среде, принимающие форму агрессивного раздражения. Главное, что подчеркивают СМИ, — постоянное чувство УНИЖЕНИЯ (выделено Н. Серовой. — *В. Ш.*), которое испытывают военные из-за “*нечеловеческих условий*” (курсив Н. Серовой. — *В. Ш.*) своего существования, — на политкорректном языке это принято называть отсутствием социальной защиты. А по-простому речь идет об отсутствии более-менее нормального жилья и зарплаты, которая позволяла бы без особого напряжения сводить концы с концами... Здесь важно отметить, что исходящие от власти обещания воспринимаются в качестве “*дополнительных оскорблений*”, так как вам с самого начала понятно, что “лучше не будет — не стало бы хуже”».

Неудивительно поэтому, что само понятие «военная реформа» тотально девальвируется. В последних федеральных бюджетах статьи «Расходы на военную реформу» подразумевают всего лишь выплату выходного пособия увольняемым из армии офицерам и прапорщикам, а также обеспечение их жильем. И тем не менее многие журналисты, ссылаясь на эту статью бюджета, без всяких кавычек и оговорок пишут о «росте расходов на военную реформу».

Сама же проблема военной реформы свелась в основной массе СМИ в сущности к простому отказу от призывной армии в пользу вооруженных сил, комплектуемых по контракту. А ведь это, как показывает хотя бы зарубежный опыт военного реформирования, всего лишь часть, притом далеко не основная, военной реформы в современных условиях.

Перечисление подобных критических замечаний можно продолжать бесконечно. Но что же предлагается взамен? Многочисленные политики, аналитики, эксперты предлагают, а журналисты добросовестно тиражируют, по определению профессора Олега Белькова, заведующего отделом военной политики журнала «Власть», имитацию «продукта напряженной интеллектуальной деятельности, проникнутой заботой о стране и ее воинах»,

углубленно обсуждая второстепенные по сути детали. Скажем, «...каким (например, 3,5% или 3,53% от ВВП) должен быть оптимальный объем военных расходов, какой — 1,5 и 1,2 млн или 400 тысяч человек — должна быть численность армии и т. п. Таким образом, создается видимость компетенции, для которой виртуальные построения становятся важнее поиска реалистичных и действенных решений». Типичным примером подобного «виртуального построения», создающего видимость компетенции, является разработанный генералом армии Андреем Николаевым план реформы армии, изложенный им в интервью «Независимому военному обозрению» под заголовком «Думский план военной реформы».

Причина такого парадоксального положения состоит в том, что каких-либо независимых аналитических или исследовательских центров, способных представить осмысленные и достаточно детальные предложения по выводу армии из кризиса, в России просто нет, как не было их и в Советском Союзе. Возникшие в истекшем десятилетии различные институты и центры «национальной безопасности», «стратегических исследований», «оборонного анализа» и т. п. на деле представляют собой театры одного, реже двух-трех актеров и не более того. Даже Совет безопасности, основная кузница «военных реформ», не имеет собственного исследовательского аппарата. К тому же вопросы военной безопасности растворены в нем во множестве других «безопасностей».

Новое российское руководство пришло к власти в 1991 г., совершенно не представляя себе, что такое современная армия и как она строит отношения с обществом, государством и экономикой. По-видимому, нехватка таких знаний российскими руководителями никак не ощущалась, ибо за истекшее десятилетие, по моим наблюдениям, они не предприняли ни малейших усилий для их пополнения. Ожидать реформаторских идей от российских военачальников, жалующихся на недофинансирование армии и одновременно заверяющих политическую власть и общественность, что вверенные им войска боеготовы и способны эффективно выполнить все свои задачи, по меньшей мере наивно.

А что под силу журналистам?

В то же время, по мнению Олега Белькова, внимание журналистов к данному вопросу, возможно, даже избыточно. «Рассуждения о военной реформе вошли в моду... О ней считают своим долгом говорить и “акулы пера”, и “премудрые пескари” различных массовок. На эту стезю устремились толпы. Но кто-то заметил: там, где проходит толпа, больше вытаптывают, чем

находят. ...Речь не идет о том, что военная сфера должна быть запретной темой для общественности. Напротив, давно сказано, что военное дело слишком серьезно, чтобы им занимались только профессиональные военные. Однако не менее верно и то, что оно очень специальное, чтобы отдать его на откуп журналистам, завлабам или даже академикам, чьи военные знания формировались на случайной информации» («Власть», 1998, № 10—11). И формально О. Бельков прав, заявляя, что проблемы российской армии — дело слишком серьезное, чтобы отдать его на откуп журналистам. Особенность российской действительности, однако, заключается в том, что им на практике в силу упомянутых выше причин приходится одновременно выступать в роли и корреспондентов, и аналитиков, и даже исследователей, что, в сущности, трудно совместимо.

Трудности эти зримо проявляются в субъективных проблемах самой российской военной журналистики. Если сравнить освещение вопросов военной реформы 10—12 лет назад, в конце 1980-х — начале 1990-х годов, и в настоящее время, нетрудно заметить резкое падение интереса СМИ к этой проблеме и к насущным проблемам военной сферы в целом. В значительной мере объяснение лежит в возросшем безразличии общества к судьбам Вооруженных сил и оборонного комплекса. Если в начале 1990-х годов предложения по реформированию армии и военной промышленности носили массовый характер и вносились, как правило, снизу (вспомним предложения по военной реформе 20 офицеров-парламентариев, вышедший в 1990 г. сборник «Армия и общество» под редакцией Никиты Чалдымова, вариант реформы Александра Котенкова, многочисленные предложения по конверсии ВПК), то сейчас проекты реформы составляет и вносит, как правило, само Министерство обороны, прикрываясь аморфными и анонимными решениями Совета безопасности. А столь популярный в прошлом десятилетии термин «конверсия» вообще исчез из лексикона политиков и журналистов.

Надо сказать, что немалая доля ответственности за равнодушие как общества, так и власти к вопросам создания эффективных оборонных структур лежит на самих СМИ. Отсутствие интереса к серьезной военной проблематике многие журналисты объясняют просто: «Нет читательского рынка». Приводятся также аргументы об отсутствии в стране школы военной аналитики, доступной справочной литературы по военной тематике типа издающихся на Западе «Белых книг по обороне», о мизерном числе периодических военных изданий, о свирепствовании военной цензуры, отсутствии спонсоров из числа политических, общественных или бизнес-структур и т. д.

Все это, конечно, верно. Но меня эти аргументы не убеждают. Рынки, как известно, создаются. Примером может служить тот же Том Кланси, который не брезгает и журналистикой. Думаю, что причина спада интереса российских СМИ в большой мере объясняется отсутствием у многих журналистов элементарной любознательности. А для журналиста это уже опасный признак профнепригодности.

Попытаюсь привести небольшой перечень вопросов, поиски ответа на которые могли бы заинтересовать не только публику, но и власть.

Возьмем такую любимую журналистами тему, как взаимоотношения министра обороны и начальника Генерального штаба (сначала маршала Игоря Сергеева и генерала Анатолия Квашнина, а теперь Сергея Иванова и того же А. Квашнина). На эту тему за последние годы написано больше статей, чем, скажем, о самой военной реформе. Между тем этот конфликт предопределен существующей структурой высшего военного управления, когда начальник Генштаба командует войсками, а министр обороны — непонятно чем. Между тем во всех демократических государствах действуют иные принципы военного управления. Неужели об этом было бы неинтересно узнать российскому читателю?

Другой пример — дискуссия о профессиональной армии, которая продолжается уже второе десятилетие. В качестве эталона такой армии приводятся обычно Вооруженные силы США. Однако лишь немногие читатели и журналисты знают, что сами американцы вовсе не считают и не называют свою армию «профессиональной», а официально именуют ее «полностью добровольческими вооруженными силами США». Почему?

А разве журналистам не интересен вопрос, почему все современные вооруженные силы мира имеют собственные контрразведывательные службы и только российская армия, вслед за советской, пользуется «услугами» другого ведомства, в настоящее время — ФСБ?

Утверждать, что ответы на эти вопросы и множество им подобных, относящихся к основам военного строительства, не заинтересуют читателя, в том числе военного, значит недооценивать его любознательность. Между тем, отвечая на них, можно нащупать и пути к реальной военной реформе.

Тем более что для получения таких ответов нет необходимости проводить глубокие аналитические исследования, достаточно спросить тех многочисленных зарубежных военачальников и военных экспертов, с которыми наши журналисты встречаются и которые, по моим наблюдениям, искренне готовы ответить на эти и подобные вопросы, а не довольствоваться обсуждением тривиальных, никого не волнующих проблем. При общении с

политиками, военными и экспертами по России я все чаще ощущаю их тревогу по поводу отсутствия у нас реальной военной реформы и прогрессирующей военной слабости России, которая, по их мнению, становится опасной и для Запада.

Все известные военные реформы в современном мире, в том числе и в России, всегда начинались с изучения опыта других стран. Сейчас, когда президент Путин взял курс на сближение с Западом, для такого изучения имеются самые благоприятные возможности.

Если же не будут приняты срочные и по-настоящему действенные меры по реформированию российской армии, она может окончательно выпасть из мирового военного развития. А современная российская военная журналистика рискует даже не заметить этого процесса.

ПРЕССА И СИЛОВЫЕ ВЕДОМСТВА: взаимотерпимость как форма сотрудничества

В л а д и м и р Е р м о л и н

Говорить о сотрудничестве между пресс-службами силовых ведомств и СМИ затруднительно. Само слово «сотрудничество» в данном случае нуждается в уточнении. Если оставить за скобками тех журналистов, что на определенных условиях являются в своих редакциях «агентами влияния» конкретного силового ведомства, то обычные труженики СМИ имеют дело с ведомственными пресс-службами не в режиме сотрудничества, а чаще всего в режиме жесткого противостояния. С одной стороны, журналист старается получить нужную ему информацию, с другой — коллектив пресс-службы старается информацию ему не дать.

Структуры с жестко выстроенной вертикалью подчиненности, где все определяет вышестоящее начальство, менее всего считают себя зависимыми от прессы. В этом смысле силовые ведомства все очевиднее уходят в тень, как бы при этом ни были активны и внешне дружелюбны их пресс-службы. Последние в наше время выполняют роль дымовой завесы, за которой общество не сразу и заметит, куда дрейфуют ФСБ или МВД, Генпрокуратура или Министерство обороны.

Ведомственные пресс-службы — инструменты непрекращающейся идеологической борьбы с прессой. В основе этой борьбы два разных подхода к пониманию свободы слова. Для ведомств это свобода, ограниченная интересами своей «конторы». Рамки этих интересов могут быть уже, шире, но они неизбежно присутствуют, что для независимой журналистики всегда покушение на свободу слова. Сказанное особенно верно для пресс-служб силовых структур.

Информационные стражи «конторских ворот»

Чем меньше ведомство зависит от общественного мнения, чем больше у него служебных секретов, тем очевиднее функции его пресс-службы — охранная, оградительная, запретительная. Словом, это роль своеобразной «вохры», занимающей оборону по всему периметру ведомства и обеспечивающая выполнение задачи, заключающейся, кажется, только в том, чтобы

максимально не информировать прессу. И сколько бы мы ни говорили о праве на информацию, о свободе слова и прочих благих вещах, реальность такова, что мы, журналисты, и они, пресс-службы, находимся по разные стороны баррикад. Не думаю, что это сугубо российская специфика. Отличие от других стран только в том, насколько активен закон, стоящий на страже прав граждан на получение информации. В России конца XX в. и начала XXI в. (скажу, опираясь на свой журналистский опыт) соответствующий закон, существовавший на бумаге, находился в состоянии анабиоза.

Это хорошо понимают те журналисты, кто волей судьбы имел дело с тематикой, касающейся обороны и безопасности. Сотрудники пресс-служб Минобороны, МВД, ФСБ, МЧС, ФПС, ФАПСи и других силовых ведомств могут отличаться уровнем компетентности и культуры общения. Но условия, определяющие степень их открытости, по сути для всех одинаковы. Открытость наличествует только в той степени, в какой это отвечает ведомственным интересам, т. е. минимальная, строго дозированная, плавно переходящая в свою противоположность — в закрытость.

Из перечисленных пресс-служб с наибольшим успехом, на мой субъективный взгляд, сочетали ведомственные интересы с уважительным отношением к интересам журналистов пограничники. Здесь в 1990-е годы не было явного деления журналистов на «своих» и «чужих». Хотя, конечно, первых от вторых отличали. Для постоянных, как бы прикрепленных к пограничной теме сотрудников СМИ было и более доверительное информационное обслуживание (общая практика). Но контактные телефоны действительно оборачивались контактом с пограничным ведомством, а не с автоответчиком. «Зеленые фуражки», наверное, как никто из их коллег, регулярно проводили брифинги, рассылали информацию по факсу, организовывали встречи с руководителями ФПС, поездки в пограничные гарнизоны. Доступен был и сам директор ФПС. Во всяком случае, в моей практике не было случая, чтобы просьба об интервью с руководством пограничников была проигнорирована. Это при том, что я не входил в «ближний круг» журналистов, оособо приближенных к этому ведомству.

Но описанное скорее приятное отступление от общепринятой практики. При этом допускаю, что чей-то личный опыт общения с пресс-службой ФПС оставил отнюдь не светлые воспоминания. Здесь тоже существует некая закономерность: даже при наличии закона о СМИ мы не равны в глазах ведомственных пресс-служб, наши права устанавливаются не законом, а тем, как нас воспринимает тот или иной сотрудник пресс-службы.

Хочет — к сердцу прижмет, хочет — к черту пошлет...

По такому принципу строило работу с пишущей и снимающей братией Минобороны. Справедливости ради надо сказать, что бывали времена, когда журналистов там пытались и «к сердцу прижать». Мне памятно, например, начальные шаги пресс-секретаря министра обороны Елены Агаповой. Профессиональный журналист, она, попав в аппарат Минобороны, на первых порах и вела себя соответствующим образом, стараясь быть полезной недавним коллегам. Но в жесткой оправе военного ведомства и она скоро стала чиновником, стоящим на страже интересов руководства. И немало на этом поприще преуспела.

Случавшиеся приступы демократизма и гласности в Минобороны быстро проходили, стоило очередному министру натолкнуться на «очернительские» статью или телесюжет, «разочароваться» в прессе. Так это было с Павлом Грачевым. И какими бы продвинутыми, порядочными и толковыми людьми ни были сотрудники пресс-службы, их неизбежно подминали под себя очередные генералы-начальники. И тогда все усилия сотрудников пресс-службы сводились к тому, чтобы избегать, как говорят военные, несанкционированных контактов. Знакомый офицер из пресс-службы Минобороны рассказывал мне, что лет пять назад на телефоне для прямых контактов с общественностью значилась указание: «Трубку не брать с 20.00 до 10.00», т. е. когда начальство находилось дома, а следовательно, нельзя было санкционировать «правильные» ответы докучливым журналистам. Даже простейшую информацию (скажем, подтвердить показанный по телевидению сюжет о прилете в Москву зарубежного министра обороны) необходимо было согласовывать с начальником пресс-службы. Эти строгости достигли пика во времена, когда пресс-службу возглавлял генерал-майор Анатолий Шаталов. В кругу коллег-журналистов ее тогда называли «бесконтактной пресс-службой».

Стоит вспомнить, что именно в те времена, в 1998 г., начальник Генштаба Анатолий Квашнин издал пресловутую директиву № 21, запрещавшую военнотружущими общение с прессой без команды начальства. Итог всех этих стараний был закономерен — российские и зарубежные средства массовой информации создали такой «унтер-пришибеевский» образ военного ведомства и его высших чинов, столько накопили разоблачительных для генералов фактов, что в пору было выбрасывать из окон Минобороны белые флаги. Да они, собственно, и были выброшены — свою драконовскую директиву спустя какое-то время А. Квашнин отменил, а А. Шаталова отправили в отставку.

Тогда в очередной раз двери военного ведомства со скрипом, на мизинец, но приоткрылись для прессы. Был даже создан своего рода пресс-клуб при Минобороны, который поначалу действительно баловал журналистов интересной, по форме подачи даже доверительной информацией (достаточно вспомнить брифинги с участием Валерия Манилова, Юрия Балуевского и других высокопоставленных чинов Минобороны и Генштаба). На полную же мощь пресс-клуб заработал, когда началось сражение между начальником Генштаба Анатолием Квашниным и главкомом РВСН Владимиром Яковлевым, за спиной которого стоял министр обороны Игорь Сергеев. Речь шла о реформировании РВСН. Это был первый и единственный в новейшей истории случай, когда генералы в своей внутриведомственной дискуссии столь активно прибегли к помощи СМИ. Настолько активно, что их был вынужден одернуть даже президент.

Пресс-клуб стал одним из немногих мест, где журналистам запросто предлагали обильные утечки информации, разнообразные эксклюзивы, готовых к общению военачальников. Конечно, в таких «бурных водах» журналисты чувствовали себя в своей стихии; это был своеобразный «золотой век» в истории общения Минобороны со СМИ. От себя скажу, что, будучи военным обозревателем «Известий», я был настолько активно востребован людьми в лампадах, что уже выбирал, с кем из высокопоставленных чинов встретиться, а кого проигнорировать. Не я к «военным источникам», а они ко мне приходили с разнообразными документами, секретность коих приходилось уже определять самому, чтобы не «залететь» с разглашением военной тайны.

Но как только «звездные войны» в Минобороны закончились, захлопнулось и «окно в Париж» — там, где когда-то были распахнутые двери с улыбочивыми хозяевами у порога, вновь возникла глухая стена. Вновь зазвучали в трубке «контактного телефона» долгие гудки. Опять самый простой вопрос надо было оформлять с печатями редакции и посылать по факсу, ожидая официального ответа в течение 15 дней. Вновь о происходящем в Вооруженных силах Минобороны цедило несколько слов и лишь тогда, когда о событии рассказали уже все агентства, телеканалы и газеты.

Позволю себе небольшое лирическое отступление. Выручали в периоды таких «мертвых сезонов» только личные контакты — золотой запас каждого профессионала, пишущего на военную тему. Во все времена даже в структурах с намертво закрученными гайками всегда находились люди при чинах и должностях, готовые под страхом увольнения оказывать посильную и, само собой, анонимную помощь средствам массовой информации.

Кто руководствовался материальными соображениями, кто рисковал за идею, за принципы, но всем им — и бывшим, и настоящим, и будущим — наше журналистское спасибо. Собственно, здесь к месту выразить и читательскую благодарность. Ведь все самое интересное, захватывающее, правдивое было написано и снято с помощью именно таких конфиденциальных источников.

Замечено: дистанция между ведомством и СМИ тем больше, тем сложнее между ними «полоса препятствий», чем меньше власть спрашивает с ведомства за его просчеты. Сколько всего обрушили на главкомат ВМФ средства массовой информации после гибели подлодки «Курск». Пресс-служба ВМФ, руководство флота поначалу старались с помощью прессы как-то объясниться с обществом, указать ему на объективную невозможность предотвратить трагедию, спасти подводников. Ожидалось, что крутого разбирательства с адмиралами не избежать. Однако время шло, а имена виновных в развале флота и, в частности, его аварийно-спасательной службы так никто и не называл. А когда стало ясно, что президент вполне доброжелательно относится к главкому ВМФ Владимиру Куроедову, что их связывает чуть ли не личная дружба, стала понятна и тщета усилий разнообразных СМИ, пытавшихся докопаться до истинных причин трагедии. И в главкомате, быстро смекнув, что шефу ничего не грозит, свернули и работу с прессой. В Большом Козловском поняли, что сами по себе никакие критические стрелы в СМИ, никакие разоблачения, обнародование убедительных фактов разгильдяйства и коррупции на их участь влияния не оказывают. Перепугавшиеся были адмиралы, чувствовавшие за собой вину, вдруг разом успокоились — над ними раскинулся защитный купол президентского благорасположения. И не ошиблись. И правительственная комиссия под руководством Ильи Клебанова, и Генпрокуратура, свалив всю вину за катастрофу на торпеду, дело закрыли.

В Кремле при определении судьбы сановника учитывают какие угодно резоны, но только не голос СМИ. Это обстоятельство и стало определяющим в работе силовых ведомств с прессой. Там, где сидит народ потоньше, поинтеллигентнее, отбреют вежливо, в форме участливого равнодушия. А там, где в силе персонажи, чье единственное достоинство — командирский голос, и на грубость можно нарваться.

Невлиятельные СМИ — достижение новейшего времени. Если государственные или независимые от государства издания и телеканалы не влияют на умонастроения в Кремле, пресс-службы могут расслабиться. Ведь в силовых ведомствах единоначалие. У них, строго говоря, один читатель, зритель и слу-

шатель — Верховный главнокомандующий. Он же президент. Все остальные занимают места согласно субординации. И в этой иерархии место прессы где-то на задворках, если говорить о реалиях новейшего времени.

Несколько иная картина наблюдается в тех государственных структурах, где еще сильна зависимость от общественного мнения.

Либеральный остров в море запретов и отказов

Государственная дума — не самое закрытое учреждение среди ветвей власти. Здесь ежегодно аккредитовано около 2 тысяч различных СМИ. И мой личный, без малого пятнадцатилетний опыт парламентского корреспондента позволяет утверждать, что задача борьбы с журналистами перед пресс-службой Думы никогда не стояла. Что касается доступности информации оборонного характера в стенах парламента — это скорее вопрос личной инициативы журналиста, его профессиональной оборотистости, чем организации работы думской пресс-службы. Комитет, занимающийся законодательством для армии и других силовых структур, сам решает, что ему предъявлять средствам массовой информации, и никакая думская пресс-служба ему не указ.

Конечно, официальный вариант получения любых сведений по оборонной тематике — это обращение в пресс-службу. Но самое большое, чем можно разжиться на этом пути, — документы, внесенные в повестку дня Госдумы, да и то лишь те, что сочтут выставить на всеобщее обозрение комитеты. Тексты законопроектов военного пакета, как правило, среди свободно распространяемых документов встретить трудно. Хотя подавляющее большинство из них не носят секретного характера. Строго говоря, единственный секрет, который депутаты обсуждают ежегодно за закрытыми дверями, — статьи оборонных расходов, не входящие в открытую часть бюджетного классификатора. Ну, могут появиться закрытые постановления, скажем, по частным вопросам, связанным с НИОКР, вооружением и снабжением. Однако такое случается крайне редко. Другие военные тайны, а тем более закрытые для общества оборонные законы в парламенте не обсуждаются.

Однако в комитетах (а в оборонном — сам бог велел), конечно, определенный режим секретности поддерживается всегда. И речь идет в большинстве случаев не о военной или государственной, а просто о служебной тайне. На которую, согласимся, любое учреждение, любой столоначальник имеют право. Именно это естественное право депутатов и работников аппарата решать, какой информацией можно делиться с прессой, а какой не сто-

ит, и лежит в основе взаимоотношений СМИ и парламентских комитетов. И никакие декларированные законами права журналистов на свободный доступ к общественно значимой информации не проломают ведомственные стены, за которыми всегда найдется множество лукавых, но неуязвимых толкователей закона в пользу «нельзя». Потому обычный журналист, не предрасположенный к боданию с чиновничьими запорами, всегда находит свои пути к закромам ведомственной, а потому зачастую конфиденциальной, эксклюзивной информации.

В основе результативной работы журналиста в стенах парламента, безусловно, лежат личные отношения либо с депутатами, либо с работниками аппарата. Во времена Верховного Совета РСФСР, в ту перестроечную пору, когда любые запреты казались рудиментом уходящей эпохи, я, тогда репортер газеты «Красная звезда», систематически получал интересующие меня бумаги прямоком из отдела подготовки и распространения документов. Исключительно за счет личных контактов. Эти вольности закончились в декабре 1993 г., когда была избрана Государственная дума первого созыва. Новый руководитель аппарата Госдумы предупредил подчиненных о недопустимости контактов с журналистами под страхом увольнения. Лозунг «Все контакты — только через пресс-службу!» с тех пор год от года лишь набирал силу, обрастая все новыми и новыми строгостями. И комитеты, занимавшиеся оборонным законодательством, были тут пионерами всевозможных нововведений.

Почему не прижилась «цензура вахтеров» в думских стенах

Первым «цензуру вахтеров» стал вводить Сергей Степашин, председатель комитета Верховного совета РСФСР по вопросам обороны и безопасности в 1991—1993 гг. Сверх контроля при входе в здание Верховного совета по приказанию С. Степашина был установлен пост и при входе на этаж, где размещался комитет. Могу свидетельствовать, что из списка под стеклом милиционера время от времени вычеркивались те или иные фамилии журналистов (в том числе и моя). Опала неизменным образом совпадала с появлением статьи, которая вызывала неудовольствие в комитете. Справедливости ради скажу, что «провинившийся» быстро восстанавливался в списке допущенных. Думается, не в последнюю очередь потому, что конкурирующий со степашинским комитет по делам инвалидов, ветеранов войны и труда, защите военнослужащих и их семей, возглавлявшийся Александром Коровниковым (1991—1993 гг.), к журналистам всяческим благоволил и от прессы никакими контрольно-пропускными пунктами не отгораживался.

Идея обзавестись собственной охраной по типу степашинской пришла однажды в голову и Льву Рохлину, председателю комитета Госдумы по обороне в 1995—1998 гг. Но тогда строгий привратник сидел у дверей десятого этажа недолго — мороки с пропусками было много, да и недемократично как-то.

К слову сказать, все руководители оборонного комитета — Сергей Степашин, Серей Юшенков, Лев Рохлин, Роман Попкович и Андрей Николаев — в конечном счете приходили к мысли, что с прессой надо дружить. Хотя начинали, на моей памяти, почти все (за исключением С. Юшенкова) именно с установления дистанции между собой и СМИ. С. Юшенков был «неправильным» председателем оборонного комитета, держа двери открытыми для любого представителя прессы, даже заведомого ругателя комитета и его руководителя. Явных гонителей прессы среди руководителей оборонного комитета не было. Здравый смысл и политический расчет брали свое.

Каждый шеф оборонного комитета, конечно, практиковал свой стиль общения с журналистами, но были и общие начала. В частности, просматривалось стремление сформировать круг «своих» — из числа ведущих информационных агентств, телеканалов и влиятельных газет. «Своим» всегда открыт доступ в кабинет шефа, для них регулярно проводятся брифинги, им конфиденциально сообщается самая свежая информация, они первыми получают на руки законопроекты, которые еще не скоро дойдут до пресс-службы Думы и пр. Однако у «своих» есть и кабала — они не могут позволить себе критических оттенков, освещая работу комитета. «Изгнание из рая» следует за проколом незамедлительно. Мне тоже доводилось в разное время быть как в «ближнем круге», так и выставленным за дверь за неблагонадежность. Тут все связано с особенностями характера председателя комитета. И, вновь подчеркнем, это не имеет никакого отношения к правовым нормам, отраженным в законах, приказах и инструкциях. Никакие законы о СМИ, никакие декларации о свободе слова не заставят начальника поделиться информацией с журналистом «через не хочу», потому что никакому журналисту не придет в голову судиться с нелюбезным начальником, хотя бы на стороне первого и были все мыслимые законы.

Итак, сам по себе оборонный комитет нижней палаты парламента доступен любому, кто прошел пропускной контроль на входе в здание Госдумы. Но информацию в этих стенах получить, возможно, труднее, чем в каком-либо другом комитете. Все-таки здесь не простая законодательная кухня, а кухня, определяющая облик национальной обороны. Впрочем, трудности

неизбежны лишь тогда, когда вы попадаете на заветный десятый этаж «дикарем». Другое дело — по приглашению председателя комитета или его пресс-секретаря. В этом случае вам гарантирован радушный прием, однако получите вы, естественно, лишь то, ради чего вас, собственно, и позвали. По части радушия по отношению к СМИ комитет по обороне всегда мог дать сто очков вперед многим другим комитетам.

Надо отметить, что в штате сотрудников комитетского аппарата нет должности пресс-секретаря. Но среди парламентских комитетов именно комитет по обороне одним из первых обзавелся своим пресс-секретарем. Это знак особого внимания, которое «оборонцы» придавали работе со СМИ. Первым собственным помощником по связям с прессой обзавелся Лев Рохлин. Примечательно, что с кадрами Л. Рохлину помогло Министерство обороны, откомандировав в распоряжение комитета военного журналиста Андрея Антипова. После него в комитет пришел другой военный журналист, посланец Минобороны Виталий Струговец. Будучи пресс-секретарем Андрея Николаева, он оставался в штате газеты «Красная звезда». Заметим: надежды Минобороны иметь таким образом «своего человека» в депутатском стане никогда не оправдывались. Все прикомандированные быстро проникались комитетским патриотизмом, утрачивая связь со своим ведомством. Для журналистов это означало, что попытка внедрить суровые министерские традиции «круговой обороны» от СМИ в Думе не приживались.

О пользе конкуренции во властных структурах

С точки зрения добычи информации наличие двух смежных, а значит, нередко конкурирующих комитетов — крайне полезная вещь. Например, два комитета, трудясь по сути над одними законами по социальной защите военнослужащих и пенсионеров, то и дело вынуждены были искать союзников среди пишущей и снимающей братии. Журналисты от таких борений депутатов только выигрывали — уходили из комитетов с такой эксклюзивной информацией, которую в бесконфликтное время раздобыть было бы крайне затруднительно.

Нежелание светиться перед телекамерами, объясняться с журналистами возникает, когда в комитете вызревает закон с непопулярными мерами. Скажем, законопроект «О ветеранах» в свое время с трудом делили два комитета, уже упомянутые мной, — С. Степашина и А. Коровникова. Законопроект расширял существующие льготы и на его фоне депутаты в глазах избирателей, безусловно, смотрелись выигрышно. Правда, когда закон

не выдержал испытания временем и почти на 40% оказался мертворожденным, в авторстве уже никому признаваться не хотелось. А вот любые коррективы в закон о призыве на военную службу (как правило, усечение числа льготников), о сокращении военных расходов, о распространении подоходного налога на военнослужащих и тому подобные акты депутаты, как правило, комментировали скупно. Но случаи, когда комитет принимает за основу законопроект, который в обществе вызовет явно негативную реакцию, очень редки.

В целом же депутаты независимо от партийной принадлежности становятся, как правило, на сторону общественности, противясь ведомственному давлению. Давило же на думский профильный комитет главным образом Министерство обороны. Гармоничное сотрудничество Минобороны и комитета по обороне, возможно, наличествовало только на уровне думских экспертов и специалистов военных управлений. За редким исключением министры обороны недолюбливали оборонные комитеты и вниманием законодателей не жаловали. Относительно благополучным в отношениях между министрами обороны и комитетом можно считать период, когда у руля думских оборонцев стоял Роман Попкович. Все остальные, включая и нынешнего председателя комитета Андрея Николаева, с военачальниками (бывшими своими коллегами) в теплых отношениях замечены не были. В частности, А. Николаев не устает обличать начальника Генштаба А. Квашнина, обвиняя его в ошибочном стратегическом планировании военного строительства в целом.

Для журналистов такая конфронтация всегда означает дополнительную интригу и возможность раздобыть информацию, пользуясь взаимными «контрами» сторон. Но если думские деятели уже давно и разнообразно работают с прессой, то Минобороны лишь год-два назад начало уделять внимание этой стороне дела. Впрочем, подвижки здесь невелики — так, робкий зондаж через журналистов, как оцениваются в парламенте законодательные инициативы военного ведомства. Даже с учреждением должности статс-секретаря — заместителя министра и соответствующего штата офицеров, работающих только в Думе, информационное присутствие Минобороны в нижней палате можно назвать нитевидным.

Это невыгодно отличает армейских от коллег из других силовых структур, и особенно из ФСБ и МВД. Люди из этих ведомств всегда как бы свои среди журналистов, активно ведут и «прослушку», и «слив», тем или иным способом лоббируя нужные их ведомствам законопроекты и постановления, вообще интересы своих «контор» как среди депутатов, так и сре-

ди парламентской прессы. Здесь, конечно, сказывается опыт работы в массах, профессиональные навыки секретных сотрудников. Все засланные в стан парламентских корреспондентов «казачки» — психологи, человековеды, мастера агентурной вербовки.

Представители же Минобороны к тесному общению с прессой не предрасположены. Скорее наоборот, они генетически ее сторонятся. И уже одним этим настраивают журналистов на подозрения — не замышляют ли генералы наступление на демократические завоевания в военном законодательстве. Впрочем, замечено, что в думских стенах теряли бдительность и представители Минобороны, вступая в несанкционированные контакты с прессой. Вероятно, в Думе военные эксперты, юристы в погонах как-то особо остро чувствовали, что для успешного проталкивания нужных законопроектов требуются союзники в средствах массовой информации. Таким образом, армейские мундиры в парламентских коридорах всегда могут стать для журналистов источником полезных сведений.

Собственно, разница между Думой и Минобороны в их отношениях со средствами массовой информации заключается в том, что законодатели зависимы от избирателей, а военные — только от президента. Общественное мнение для депутатов значит несоизмеримо больше, чем для военачальников, по определению людей непубличных, зависимых исключительно от командования. И все трения носят неизменный характер — военные хотят ужесточать законы, депутаты, в большинстве своем, — смягчать. Отсюда и разность в отношении к СМИ.

Практически все законопроекты военного пакета, попав в Думу, проходили и проходят нивелировку в сторону большей демократичности. Особенно это верно по отношению к началу 1990-х годов, когда разница между устремлениями Минобороны и Думы была особенно заметна.

Возьмем один эпизод законодательных борений с военными — установление перечня льгот, дающих право на отсрочку от призыва в Вооруженные силы. Военные стремились максимально сократить перечень, депутаты тянули в обратную сторону. В этой схватке парламентарии постоянно прибегали к помощи СМИ. Нам, пишущим и снимающим, ни в чем не было отказа — любая информация, касающаяся этого законопроекта («О военной службе и воинской обязанности»), буквально сама шла в руки. Общительны были все — и депутаты, и работники аппарата. Угрюмая неразговорчивость генералов лишь оттеняла бьющий в глаза демократизм народных избранников. И таких ситуаций, когда сам материал поощряет парламентариев на открытое общение со СМИ, повышает политическую мо-

тивацию такого общения, работает на репутацию депутата, возникало за эти годы немало. В этом смысле работа журналиста в Госдуме, вероятно, всегда отличалась от работы СМИ в ведомственных учреждениях в лучшую сторону.

Например, всегда открыто, с распространением документов и через пресс-службу нижней палаты, и через пресс-секретаря председателя комитета по обороне, шло обсуждение законопроектов по социальной защите военнослужащих и пенсионеров. За редкими исключениями нововведения улучшали положение людей в погонах и отставников. Другое дело, как это было с уже упомянутым законом «О ветеранах», что финансовые возможности страны не всегда могли обеспечить широкие жесты законодателей.

Пропаганда своей законотворческой работы — нормальное занятие для депутата. Преследуются при этом популистские цели или парламентарием руководит искреннее желание сделать свою работу предельно прозрачной для общественности — вопрос другой. Важно, что естественное для депутата желание быть на виду — верный союзник журналиста.

Кладезь информации

Можно утверждать: если бы не Госдума, не комитет по обороне, россияне не узнали бы об армии, о ее реальных проблемах, о драматических перипетиях борьбы за реальный военный бюджет и десятой доли того, что они знают. Кладезь информации — парламентские слушания по различным аспектам оборонной тематики. Случаются, конечно, и закрытые слушания. Но секретность их весьма условна. Всегда найдется депутат, который поделится впечатлениями от слушаний с прессой. Насколько известно, никто из парламентариев, участников закрытых слушаний, никакой подписки о неразглашении не дает. И, как правило, узнать содержание прений не составляет труда.

Видимо, хорошо отдавая себе в этом отчет, военные даже за закрытыми дверями откровенны с думцами строго в тех пределах, которые очерчены законом о государственной тайне. И получить нечто запретное, хотя бы частицу военной тайны, шансов у парламентских корреспондентов немного. Да и охотиться за такого рода информацией — себе дороже. Словом, Дума как публичное место по определению не может быть цитаделью, где в неприступности хранятся военные тайны. Если тайны здесь и появляются, то крайне редко и до уровня парламентских слушаний не доходят. Наверное, поэтому и слушаний в закрытом режиме здесь проходит немного.

Например, публично обсуждалось законодательство о военной реформе, о материально-техническом, тыловом обеспечении, не говоря уже о ряде

слушаний по финансовому довольствию и решению прочих социальных проблем служивых людей. Вся статистика, справочный материал, подготовленные управлениями Минобороны и Генштаба, как правило, попадают в руки прессы — вполне легально, через пресс-секретаря комитета по обороне. Опасность нарушить закон о государственной тайне (см. приложение 3) в таких случаях близка к нулю. Формально весь этот вспомогательный материал не помечен никакими грифами секретности. Самое грозное ограничение, которое мне случалось встретить на бумагах, полученных совершенно официальным путем, — «Для служебного пользования».

Видимо, сознавая, сколь беден выбор грифов секретности для бумаг, имеющих хождение в Думе, аппаратчики ввели в оборот следующее самодеятельное предостережение: «Не для распространения в СМИ». Бумаги с таким грифом попадались мне и в Комитете по обороне, при этом я с особым удовольствием публиковал их в своих материалах.

Так где же ныне «воз»?

Резюмируя все сказанное о доступности (недоступности) информации оборонного характера в стенах Госдумы, нужно прежде всего подчеркнуть: проблемы возникают только тогда, когда у депутатов нет политического резона делиться информацией с прессой. А это, в свою очередь, происходит, когда депутату выгоднее (в каком угодно смысле этого слова) потратить интересам силового ведомства, чем обширной части своего электората. Вот здесь туману напускается без меры. Во всех остальных случаях нет таких «военных тайн», которые не предъявили бы миру народные избранники.

С другой стороны, можно с определенностью утверждать, что ни одна из злокачественных проблем военных — коррупция, дедовщина, дезертирство, воровство и т. п. — не сдвинуты и на йоту усилиями прессы. Полистайте подшивки газет, найдите материалы о вопиющем дачном строительстве генералов, о злоупотреблениях того или иного генерала, о служебном бессилии высокого начальника, о растратах и бестолковщине, о кровавых ЧП и катастрофах из-за головотяпства. И оглядитесь вокруг — многие из героев этих публикаций остаются при своих должностях, а иные уже и повышены в чине.

Не стала повседневной практикой продуманная политика, основанная на понимании того, что чем активнее, плотнее работаешь с прессой, тем меньше риск «прокола», нежелательной утечки, неожиданной критической атаки со стороны СМИ, а как следствие — со стороны общества в целом. Слишком мало чиновники зависят от общественности.

Не было еще случая, чтобы в дело вступила статья закона о СМИ, предусматривающая наказание за отказ предоставить журналисту общественно значимую информацию (см. приложение 2). Хотя таких отказов, особенно от силовиков, сколько угодно — на любой вкус и в любое время. А вот журналисты и издания, писавшие о проблемах, злоупотреблениях, недостатках и лицах, виновных в этих бедах, занесены, как правило, в «черные списки» и навсегда отлучены от услуг «обиженной» ведомственной пресс-службы.

Можно сетовать и на несовершенство закона о СМИ, оставляющего лазейки для ревнителей служебных тайн, на судебную практику, еще ни разу не блеснувшую примерным наказанием нарушителей этого закона. Но первичен настрой самого общества на гласность. Вряд ли россиянин конца XX в. — начала XXI в. поставит свободу слова на одно из первых мест в ряду жизненно необходимых ценностей. Опросы этого времени показывают, что ущемление прессы большинство граждан России склонны властям простить. Этот настрой «низов» в сочетании со схожим настроем «верхов» и делает закон о СМИ документом неприкладного значения. Соответственно и отношение к пишущей-снимающей братии ведомств и их верных пресс-служб. О сотрудничестве речи нет. Удержаться бы на уровне терпимости.

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ: как работает пресс-служба Министерства обороны

Полковник Вячеслав СЕДОВ

Между молотом и наковальней — так определяют место информационных структур органов государственной власти сами журналисты. И действительно, люди сведущие вряд ли станут отрицать это и завидовать судьбе сотрудников пресс-служб, при этом отдавая должное их выдержке, умению взвешенно реагировать на порой неожиданные изменения ситуации.

В Министерстве обороны хорошо представляют роль и значение средств массовой информации в повседневной жизни страны. Отсюда — стремление строить с ними отношения на принципах максимальной открытости и заинтересованного партнерства.

Центральным органом военного управления по формированию и реализации информационной политики Минобороны, обеспечению функционирования системы информирования российской и зарубежной общественности о жизни и деятельности Вооруженных сил является пресс-служба. По количественному составу это всего три десятка сотрудников, треть которых — гражданские служащие (для сравнения: аналогичная структура в Германии насчитывает 80 человек, в Соединенных Штатах — 120). На них возложены задачи по организации информирования общества через СМИ о деятельности оборонного ведомства по реализации военной политики государства, важнейших событиях в жизни Вооруженных сил. Ведь общество вправе иметь доступ к разносторонней объективной информации о процессах, происходящих в армии и на флоте, о том, ради чего и на что именно расходуются деньги налогоплательщиков. Вполне понятно, что без этого просто невозможно рассчитывать на понимание и поддержку проводимых в Вооруженных силах преобразований.

Не числом, а умением

Приходится констатировать, однако, что разъяснять характер этих преобразований с каждым годом становится все труднее. Информационная составляющая в общественной жизни страны неуклонно растет, словно грибы (как и в природе, к сожалению, тут попадаются и червивые) на информаци-

онном поле плодятся и вырастают все новые газеты и журналы, причем теперь уже не только осязаемые, но и виртуальные, а штатная численность информационных структур неуклонно снижается по мере планового сокращения Вооруженных сил. И вот уже управление информации и печати Министерства обороны после очередной реорганизации преобразуется в пресс-службу Минобороны с сокращенным вдвое количественным составом сотрудников.

Когда пресс-секретарь министра обороны США очаровательная Тори Кларк назвала мне число, как они называют, пресс-офицеров, служащих только в центральном аппарате Пентагона, я искренне порадовался за нее. Узнав о ситуации в нашем ведомстве, она вдруг заявила, что для сопоставимого с российским количества военнослужащих в Америке сотня с лишним сотрудников управления по связям с общественностью и прессой, может быть, даже и очень большая цифра, которую следовало бы уменьшить. Я тут же постарался охладить ее эмоциональный порыв, посоветовав не во всем следовать примеру русских, мысленно сожалея, что мы не берем пример с американцев, которые при всех сокращениях армии не трогают структуры, нынче именуемые у нас «пиаровскими». Ведь работы у таких структур хоть отбавляй.

Основными задачами нашей пресс-службы являются: информационное обеспечение деятельности министра обороны и его заместителей; организация освещения в СМИ вопросов строительства, подготовки и применения Вооруженных сил, проведения мероприятий боевой и мобилизационной готовности, повседневной деятельности войск; организация информирования через СМИ российской и зарубежной общественности о деятельности Министерства обороны по реализации военной политики государства, важнейших событиях в жизни и деятельности Вооруженных сил; обеспечение объективного и оперативного информирования населения страны и зарубежной общественности о кризисных ситуациях и чрезвычайных происшествиях, имеющих общественную значимость; управление информационными структурами Вооруженных сил.

Исходя из этого, пресс-служба выполняет следующие основные функции:

- организация информирования российской и зарубежной общественности о жизни и деятельности Вооруженных сил, информационного обеспечения деятельности министра обороны и органов военного управления;
- организация связей министра обороны и его заместителей с представителями СМИ;
- организация освещения в СМИ официальных визитов, рабочих поездок, встреч министра обороны, его заместителей, начальников централь-

- ных органов военного управления и других открытых мероприятий с их участием;
- подготовка и проведение пресс-конференций, брифингов, заседаний пресс-клуба военных обозревателей при пресс-службе с участием министра обороны, руководящих должностных лиц Вооруженных сил;
 - подготовка во взаимодействии с соответствующими органами военного управления проектов публичных выступлений министра обороны;
 - организация выступлений руководящих должностных лиц Вооруженных сил в средствах массовой информации;
 - подготовка и распространение в СМИ официальных заявлений и сообщений Министерства обороны;
 - руководство систематизацией и размещением информации о жизни и деятельности Вооруженных сил, предоставляемой органами военного управления, на интернет-сайте Министерства обороны (<http://www.mil.ru>);
 - мониторинг СМИ, в том числе их электронных версий, а также интернет-ресурсов по вопросам жизни и деятельности Вооруженных сил;
 - систематический анализ и прогнозирование информационной ситуации вокруг Вооруженных сил;
 - информирование руководящих должностных лиц Министерства обороны о позиции СМИ по вопросам деятельности Министерства обороны, жизни и деятельности Вооруженных сил;
 - организация оперативного реагирования на выступления СМИ о деятельности Министерства обороны и событиях в жизни Вооруженных сил;
 - поддержание постоянных связей Министерства обороны со СМИ, информационными структурами органов государственной власти и управления, общественных объединений и других организаций;
 - координация деятельности по распространению информации о кризисных ситуациях и чрезвычайных происшествиях в Вооруженных силах, имеющих общественную значимость, с другими государственными информационными структурами;
 - организационно-методическое руководство деятельностью информационных структур Вооруженных сил;
 - организация информационно-рекламной деятельности в Вооруженных силах.

Информирование общественности о жизни и деятельности Вооруженных сил заключается в организации оперативного и широкого распространения объективной информации о реализации военной политики государства, строительстве, подготовке, применении армии и флота, боевой и мо-

билизационной готовности воинских частей, повседневной деятельности войск.

Официальная позиция Министерства обороны по тому или иному вопросу доводится до СМИ непосредственно министром обороны или начальником пресс-службы, а также другими должностными лицами по поручению главы военного ведомства. Материалы для информирования общественности о деятельности войск готовятся органами военного управления и направляются в СМИ через соответствующие пресс-службы по запросам редакций, а также посредством проведения пресс-конференций, брифингов, организации статей и интервью, рассылки справочных материалов.

«Пора выйти из тени»

Сей призыв мы пытались культивировать задолго до появления этого рекламного ролика на российском телевидении. По многолетнему опыту работы в пресс-службе знаю: журналисты гораздо благосклоннее относятся к тем военачальникам, кто запросто может общаться с прессой. Ведь они не только сами по себе интересны как личности, но и являются источником информации. А это слово в переводе с журналистского на русский означает «хлеб». Искренне хочется, чтобы уровень материалов таких людей и о таких людях соответствовал уровню занимаемого ими положения. А чтобы «раскрутить», как теперь говорят, человека в прессе, требуется «завести» его изнутри, подготовить к общению с журналистами. Понимание этого имеется, но носит чисто субъективный характер. В армиях некоторых стран такое понимание облечено в форму обязательной подготовки на специальных курсах.

В Академии информации и коммуникаций бундесвера, где мне посчастливилось пройти курс обучения по специальности офицера по связям с общественностью и прессой, на стене висят фотографии выпускников. С интересом изучал снимки и вдруг увидел человека в генеральских погонах. Прочитал подпись. Генеральный инспектор бундесвера... Преподаватель заметил мое удивление и пояснил, что все высшие чины независимо от ранга обязаны пройти курс общения с прессой. Это и называется у них «коммуникации». Причем обучают там не только умению владеть собой и правильно держаться перед камерой, находить нужные слова в непростых ситуациях, но и тому, куда девать руки, которые почему-то начинают мешать, шарить по карманам в поисках ключей, которые, в свою очередь, звенят так, что запотевают очки, а вы срываете их с носа и в раздумье закатываете глаза под потолок... «Вы вряд ли найдете там ответ на мой вопрос!» —

иронично замечает преподаватель, выступающий в роли занудливого корреспондента, на которого никак не влияют генеральские лампы, должствующие по определению оказывать гипнотическое воздействие на собеседника. Такие курсы обязаны проходить все без исключения генералы высшего командного состава немецких вооруженных сил.

Действительно, тяжело приходится в первое время с вновь назначенными военными руководителями. Это и понятно: надо осмотреться, войти в курс дела, а затем, как говорится, «выходить в люди». И понятно это всем, кроме журналистов. Вернее, понимать-то они понимают, но профессия требует своего: интервью с новым лицом нужно мне, лучше мне первому, а еще лучше мне единственному для моего лучшего в мире издания.

Ажиотаж вокруг новых назначений у нас прежде сбивался категорическим отказом генералов «идти на контакт» с прессой. Такая позиция, как правило, бумерангом возвращалась на их столы в виде газет с публикациями, в которых они не могли себя узнать. Отсюда — еще большее нежелание встречаться с журналистами, подогреваемое последующими статьями негативного характера.

Ситуацию удалось переломить с выходом «Инструкции о порядке организации информирования представителей средств массовой информации, российской и зарубежной общественности о жизни и деятельности Вооруженных сил Российской Федерации», которая была утверждена министром обороны Сергеем Ивановым 14 декабря 2001 г. По этому поводу в ней говорится следующее: «Должностные лица Вооруженных сил обязаны информировать в установленном порядке представителей СМИ, российской и зарубежной общественности о жизни и деятельности Вооруженных сил в пределах своей компетенции».

Такого не было никогда — обязаны! Далее: «Они несут ответственность за оперативную и качественную подготовку достоверных сведений для освещения в СМИ жизни и деятельности Вооруженных сил...». Для тех, кто при чтении документа на этой фразе моргнул или «случайно» пропустил абзац, заготовлена еще одна «мина» в виде следующего отдельной строкой предложения: «Требования Инструкции являются обязательными при организации информирования представителей СМИ, российской и зарубежной общественности о жизни и деятельности Вооруженных сил для всех должностных лиц Вооруженных сил».

Согласно новому порядку пресс-служба разрабатывает ежеквартальный план-график выступлений руководящего состава в средствах массовой информации в соответствии с поступающими от них обращениями и предло-

жениями самих должностных лиц. Понятно, что на всякое новое дело смотришь с известной опаской. При разработке первых планов поступающие от военных руководителей предложения сводились лишь к выступлениям в «Красной звезде» и других профильных военных изданиях. Это не укрылось от зоркого глаза министра. При утверждении очередного графика выступлений во II квартале 2002 г. на его титульном листе появилась надпись следующего содержания: «Необходимо стремиться к тому, чтобы замы, главнокомандующие (как минимум) выходили на центральные, а не только на специализированные СМИ. С. Иванов». И уж коль зашла речь о министре, возможно, мало кто знает, что резолюция «Прошу разобраться и доложить предложения» время от времени появляется на ксерокопиях статей из газет и журналов, материалы которых практически ежедневно представляет ему начальник пресс-службы — пресс-секретарь. Безусловно, речь идет о серьезных публикациях критического характера, пронизанных искренним желанием исправить положение к лучшему. Мы — за критику, но, подчеркну, при одном условии: критика должна быть конструктивной.

Разобраться в той или иной ситуации, когда информационный поток в сегодняшней России столь многослоен, а часто его надводное и подводное течения устремляются в диаметрально противоположных направлениях, — весьма непростое дело без соответствующего анализа происходящих в обществе и армии процессов. Вот почему большим подспорьем в этом призваны служить подготавливаемые сотрудниками пресс-службы на основе выступлений в печати аналитические записки. Это совершенно другая, невидимая часть нашей деятельности, которая находит своих почитателей (и читателей) в начальственных кабинетах военного ведомства. Выводы и предложения по формированию информационной политики Минобороны, содержащиеся в записках и одобренные указаниями руководителей самого высокого ранга, помогают правильно выбирать ориентиры в нашей работе. Уместно привести в качестве примера отношение к этому роду занятий в британском военном ведомстве — правда, памятуя о том, что всякое сравнение хромает (и хромает, к сожалению, опять не в нашу сторону). Там при главном управлении корпоративных связей («аналог» нашей пресс-службы численностью 130 человек) существует целое управление планирования, курирующее все эти вопросы...

Возвращаясь к теме контактов прессы с руководителями различного ранга, стоит упомянуть вот еще о чем. Много вопросов вызывают ситуации, при которых журналисты в угоду оперативности стремятся опубликовать полученные материалы без согласования с должностным лицом Вооружен-

ных сил, предоставившим их. По этому поводу у Минобороны имеется четкая позиция: в тех случаях, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым, оно лично или через представителя соответствующей пресс-службы обязано потребовать от редакции перед опубликованием или выходом в эфир предварительного согласования с ним по сути авторского материала *. В других же случаях подобные требования, равно как и наложение запрета на распространение сообщений и материалов, просто недопустимы.

Мост, а не шлагбаум

Теперь о порядке обращения средств массовой информации с просьбами о посещении воинских частей. Эти обращения оформляются в виде письменных заявок на официальном бланке за подписью главного редактора (руководителя) СМИ или его заместителя и направляются на имя начальника пресс-службы — пресс-секретаря министра обороны или начальников пресс-служб видов Вооруженных сил, родов войск, тыла Вооруженных сил, военных округов, флотов (см. приложение 5). В заявке указываются: перечень вопросов к интервью, тем, сюжетов, объектов съемок; предполагаемые сроки командировки и список корреспондентов (для представителей иностранных СМИ — с указанием номеров аккредитационных карточек, выданных Министерством иностранных дел); перечень планируемых к использованию технических средств; сведения о СМИ, для которого готовится материал.

Надо сказать, что опытные журналисты, взаимодействующие с пресс-службой на постоянной основе, знают, что прежде чем направить заявку в Минобороны, продуктивнее предварительно обсудить детали предстоящей поездки с сотрудниками отдела по связям со СМИ. Они знают положение на местах, особенности и детали лучшей организации работы корреспондентов, подскажут возможные пути реализации редакционных планов и задумок.

При этом надо всегда иметь в виду, что пресс-служба здесь выступает в качестве связующего звена между СМИ и представителями органов военного управления. Необходимо понимать, что причина неудовлетворения той или иной заявки заключается не в нежелании оказать помощь своим коллегам в подготовке материала или нерадивости сотрудников информационных структур. Гораздо приятнее сообщать о готовности военачальников дать

* Это предусмотрено, кстати, и законом о СМИ — см. приложение 2. — *Ред.*

ответы на любые интересующие журналистов вопросы, о возможности организовать посещение воинской части или побывать там, где не ступала нога даже офицера по связям с прессой.

Исполнение заявки — акт совсем не формальный. Мало кто знает, сколько усилий приходится прилагать для достижения конечной цели — услышать простое дружеское «спасибо». Иной раз надо произвести целый ряд согласований, сделать десятки звонков, переговорить с представителями различных ведомств и структур, чтобы довести дело до конца. Это надо делать и в силу необходимости выполнения существующих инструкций, без которых невозможно обойтись даже с чисто формальной точки зрения, и, как показывает опыт, не только ради этого.

Следуя «духу и букве» методических указаний, как ни странно, оберегаешь себя от... разоблачений тех, для кого все это затеял. Великолепным уроком для меня послужила проработка заявки одного немецкого журнала, корреспондент которого пожелал покопаться в архивных документах Минобороны. «Легко!» — подумал я и направил документы на согласование. Выяснилось, однако, что запрашиваемые материалы по сроку давности еще не могут быть опубликованы (и не только в иностранной печати). С сожалением сообщил об этом в московское бюро журнала. С таким же сожалением это известие было воспринято на другом конце провода. Обычно все на этом заканчивается, и мы продолжаем дальше работать по другим темам. Но не на сей раз!

Сейчас я довольно спокойно воспроизвожу на бумаге последовавшие за этим события, но тогда... Не буду излагать подробности. Достаточно сказать, что спустя непродолжительное время от журнала поступило еще одно письмо, но на этот раз на имя министра обороны. Так, мол, и так, дорогой и многоуважаемый... вы всегда... мы всегда... Но вот есть такой представитель пресс-службы полковник Седов, который почему-то отказывает нам в просьбе ознакомиться со старыми и никому не нужными бумагами. На письме рукой маршала — указание: «Разобраться и доложить». Тот, кто служил в армии, поймет мои чувства. И только завизированное в Генеральном штабе мнение сотрудников архива о невозможности допуска журналиста по режимным соображениям не дали разгуляться вконец моим (и не только моим) нервам.

Пример этот я привел не для того, чтобы показать, насколько «наша служба и опасна, и трудна». Просто хотелось бы обратиться к начинающим журналистам, только «встающим на тропу войны», т. е. будущим военкорам: мы с вами, мы за то, чтобы из-под вашего пера выходили добротные

материалы, объективно отражающие действительность, какой бы она ни была, мы принимаем конструктивную критику журналистов, заинтересованных в решении тех или иных проблем. Но если мы с сожалением говорим: что-то не получается ввиду известных причин, — не обессудьте. Значит, на то есть свои основания.

Относится это и к так называемым «информационщикам». Казалось бы, вот самая что ни на есть нейтральная в смысле пристрастий журналистская работа. Подавай себе события и высказывания различных деятелей, как они есть. И вот тут-то начинается «выкручивание рук». Иной раз сам не знаешь ответа на вопросы сообщения информационного жанра, те самые классические четыре W: «Who? What? When? Where?». Но тебя нещадно продолжают выжимать: «Кто? Что? Когда? Где?». Понимаю — работа такая.

В связи с этим приходит на память анекдотичный случай, достойный пера Михаила Задорнова. Дело было 6 февраля 2000 г. Дежурю по пресс-службе, так сказать, отслеживаю информационную ситуацию. Вдруг разом — какой-то вал звонков. «Рейтер», «Ассошиэйтед пресс», «Франс пресс», наперебой и все наши: самолет с заложниками угнан из Кабула, направляется в Душанбе. Отвечаю: вопросы не к нам. Далее: самолет вылетел из Душанбе, летит в сторону Урала. Отвечаю: видим, отслеживаем, остальные вопросы к другим ведомствам. Далее: самолет приземлился в Москве. Отвечаю: Сан Саныч уже в аэропорту и общается с прессой. Казалось бы, ну что еще? Ан нет! Ну кто может дать в такой сложной ситуации ответ на вопрос: «А куда террористы полетят дальше?». Только сами террористы. Я не выдерживаю натиска и сдаюсь: «Да они сейчас дозаправятся и полетят куда угодно, хоть в Лондон!». В трубке — сухое «спасибо» и затем гудки. Кладу трубку на рычаги, но телефон почему-то молчит. Слава богу, кажется, кончилось!

По телевизору — новости. Усиливаю громкость. Уже самому интересно стало, так куда же они полетят дальше? Вдруг слышу возбужденный голос диктора: «И как только что стало известно корреспонденту агентства ... из компетентных источников, после дозаправки самолета террористы намерены вылететь из Москвы в Лондон». Классика!

Как выяснилось позже, в Лондон мечтали попасть не только террористы, но и сами заложники. Однако на этом цепочка совпадений не порвалась. Спустя ровно два года передавший сообщение о прибытии захваченного самолета в британскую столицу журналист благополучно приземлился в лондонском аэропорту в качестве собкора крупнейшего мирового информационного агентства.

Если серьезно, это из-за таких случаев и возникают различного рода синдромы, влияющие самым непосредственным образом на взаимоотношения сотрудников пресс-службы со средствами массовой информации. Порой журналисты, сами того не желая, ставят нас в неловкое положение, после чего сто раз подумаешь, прежде чем общаться. Ведь иногда получается, что доверительный разговор, а зачастую и просто бесшабашный треп двух коллег-приятелей вдруг неожиданно всплывает, как правило, в самый неподходящий момент, который впоследствии становится точкой отсчета того времени, с которого ты начинаешь лишь воспроизводить сухие строки официальных сообщений, прочитанных плохо поставленным голосом индифферентного диктора.

И служба, и дружба

Почти за девять лет работы в пресс-службе отношения, близкие к дружеским, сложились у меня со многими журналистами. Им я благодарен прежде всего за то, что даже при столь тесном, а порой ежедневном общении никогда не возникало ситуации, когда бы, панибратски хлопнув меня по плечу, кто-то сказал: «Да ладно тебе, давай колись!». Потому что знают — не расколуюсь хотя бы потому, что они первые перестанут после этого меня уважать. Вот за такое понимание — низкий поклон и самое доброе расположение с моей стороны. И именно они первые в свое время узнают из моих уст о том или ином событии. Но — в свое время. И именно они первые будут приглашены в журналистский пул, формируемый для поездки в те места, куда иным репортерам путь заказан.

Военная проблематика сегодня в центре внимания средств массовой информации. Об этом убедительно свидетельствует статистика. Только в центральных печатных и электронных масс-медиа по вопросам военного строительства, повседневной жизнедеятельности войск и сил флота выступают около 900 журналистов! * Ведущие печатные издания страны опубликовали на своих страницах в прошлом году почти 20 тысяч материалов по военной тематике. Этот показатель не снижается и сегодня.

Пресс-служба Минобороны стремится оказывать всемерное содействие журналистам в их творческой деятельности. Так, в 2001 г. военным ведомством было организовано более 400 выездов представителей россий-

* Многие рядовые журналисты и руководители российских СМИ были в 2000—2002 гг. поощрены министром обороны за активное освещение военной тематики в печати — см. приложение 4. — Ред.

ских и зарубежных СМИ в войска. При этом имеются в виду наиболее значимые мероприятия. Только в Объединенной группировке войск на Северном Кавказе, в 201-й мотострелковой дивизии, дислоцированной в Таджикистане, российских миротворческих силах в Абхазии, Косово, Боснии и Герцеговине побывали около 2 тысяч журналистов. Находясь рядом с ними в «горячих точках», сотрудники информационных структур Вооруженных сил отвечают не только за создание для журналистов необходимых для сбора материалов условий, но порой и за их личную безопасность.

Вот почему в пресс-службе родилась и активно прорабатывается идея проведения на базе одного из военно-учебных заведений специальных курсов для представителей СМИ по обучению действиям в экстремальных ситуациях. Кстати, подобного рода просьбы давно поступали от самих военкоров, творческих журналистских организаций. Это совершенно новое направление нашей деятельности.

В процессе обучения мы планируем вооружить военкоров знаниями и навыками, которые помогут сохранить жизнь и здоровье, позволят адекватно действовать в экстремальных ситуациях. При этом журналисты будут ознакомлены с законодательной базой международного гуманитарного права о защите корреспондентов, освещающих вооруженные конфликты, а также с порядком взаимодействия с органами военного и местного управления.

Со слушателями предусматривается провести ряд учебно-практических занятий по таким, например, темам, как «Особенности работы журналистов в ходе уличных беспорядков, при проведении спецопераций по проверке паспортного режима в населенных пунктах», «Порядок использования средств связи в районах ведения боевых действий с учетом соблюдения правил обеспечения безопасности», «Порядок действий при непосредственном нападении бандгруппы и угрозе захвата в заложники», «Оказание первой медицинской помощи при ранении, травмах, отравлениях, укусах, ожогах, поражениях электричеством, при тепловом ударе, обезвоживании организма, утоплении и удушье», «Действия при обстреле стрелковым оружием, ведении огня снайпером, минометном обстреле и бомбардировке», «Назначение, общее устройство и принцип действия взрывных устройств, в том числе самодельных и мин-ловушек. Демаскирующие признаки минно-взрывных заграждений, места их возможной установки, меры предосторожности во взрывоопасных районах. Действия в случае обнаружения мин и взрывных устройств, при попадании в район минной опасности до и после подрыва на mine». Кроме того, журналистам расскажут о методах эмоционально-

волевой саморегуляции и путях преодоления стресса (помимо общеизвестного). Таким образом, речь здесь идет не о милитаризации журналистского корпуса, как это могут представить некоторые несведущие или заряженные на сенсации «перья», а прежде всего об обеспечении безопасности военков в боевой обстановке, в которой, к сожалению, им приходится бывать.

Нам совершенно непонятна та неприглядная возня вокруг курсов, которую затеяли некоторые издания. Со всей ответственностью могу заявить, что никогда в процессе проработки проекта программы занятий речь не шла о том, чтобы научить журналистов виртуозно «владеть пером и шпагой», при этом отдавая предпочтение холодному оружию. Хочешь пострелять? Пожалуйста — в тир. Но чтобы «к перу приравнять штык»? Постеснялись бы своих коллег, что ли, тех, кто находился под обстрелом, подрывался на минах, попадал в заложники. Эти люди как раз и не хотят, чтобы все это повторилось с другими. Не хотим этого и мы. А вот те, кто стряпает подобные байки, наверняка перед выходом во двор первыми напялят на себя майки с неоновой надписью «Не стреляйте! Я — журналист!». И тут же, что называется, «почувствуют разницу».

Приятно, что поддержку в этом начинании мы получили и от представителей родственных информационных структур других силовых ведомств, для которых эта проблема столь же актуальна. Ведь координировать работу журналистов в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе нам приходилось плечом к плечу. И в Грозном нам доводилось встречаться гораздо чаще, чем в Москве. В столице же подобное взаимодействие не обрело устоявшихся форм и принципов и строится чаще всего на личной основе.

Если же говорить о других формах взаимодействия со средствами массовой информации, то кроме традиционных (проведение пресс-конференций и брифингов, подготовка пресс-релизов, исполнение заявок редакций), в Минобороны принята и получила полную поддержку в журналистской среде идея пресс-клуба военных обозревателей СМИ, который теперь действует на постоянной основе. В ходе его заседаний пишущая братия имеет возможность в неформальной обстановке встретиться с представителями руководства оборонного ведомства, начальниками различных служб и управлений. Здесь идет открытый, заинтересованный разговор о проблемах армии, путях их решения.

Эти беседы полезны не только для журналистов. Они позволяют военачальникам посмотреть на ту или иную проблему глазами порой едкого и ключевого собеседника. Свежий взгляд со стороны всегда полезен, он помога-

ет иной раз переосмыслить некоторые аспекты обсуждаемой проблемы, что в силу субъективных причин не всегда удается сделать. И как тут не вспомнить надпись министра на первом листе плана-графика: «Необходимо стремиться к тому...». Ведь в конечном счете выигрывают все.

И в этом смысл всей деятельности пресс-службы Минобороны, а также и других информационных структур Вооруженных сил.

ЦЕНзуРА — ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В и к т о р Л И Т О В К И Н

История и современность

«Российский энциклопедический словарь» определяет, что *цензура* (лат. *censura*) — это система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. Он сообщает, что в Западной Европе цензура «...возникла в XV в., в России — в начале XVIII в. По формам контроля подразделялась на предварительную и карательную. С 1804 г. регулировалась цензурными уставами и временными правилами. Делилась на общую (внутреннюю и иностранную) и ведомственную (духовную, военную, театральную и др.). В 1865 г. на основе “Временных правил о печати” проведена цензурная реформа, по которой для ряда столичных изданий вводилась карательная цензура вместо предварительной (в 1872 г. она была урезана в связи с возобновлением преследования печати в административном порядке). В СССР с 1922 г. цензура осуществлялась Главлитом. По российскому закону “О средствах массовой информации” (1992 г.) цензура массовой информации не допускается».

А «Советская военная энциклопедия», выпущенная Воениздатом в 1980 г. (т. 8, с. 407—408), утверждает: «*Цензура военная* (лат. *censura*, от *senseo* — делаю опись, перепись), одна из форм контроля (надзора) со стороны военных и других государственных органов открытых видов информации (печать, радио, телевидение, кино, произведения изобразительного искусства, экспозиции музеев и т. д.), а иногда и частной переписки с целью не допустить опубликования и оглашения в них сведений, составляющих тайну военную и тайну государственную; составная часть общегосударственных мер по охране государственной и военной тайны. Подразделяется на предварительную (разрешительную) и последующую (контрольно-карательную)». Далее СВЭ рассказывает об истории цензуры, системе и аппарате цензуры в современных буржуазных государствах, о том, как осуществлялась цензура в дореволюционной России, и заканчивает свой рассказ сообщением: «Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец царской и буржуазной цензуре. Победивший пролетариат установил свои нормы политической и революционной бдительности, обес-

печил подлинную свободу слова и печати, создал действительно народные органы контроля с целью сохранить государственную и военную тайну в открытых видах информации и не допустить распространения сведений, наносящих ущерб обороне страны и боевой мощи ее Вооруженных сил».

Вот так. Не больше и не меньше. При этом старая СВЭ не вспоминает, что «нормы политической и революционной бдительности» мало чем отличались от «царской и буржуазной цензуры», разве что в более жесткую сторону. А свобода печати была ограничена одним из первых ленинских декретов от 10 ноября 1917 г. И о том, что первое «Положение о военной цензуре», созданное в Советской России в декабре 1918 г. и утвержденное приказом РВСР № 346 от 23 декабря 1918 г., было подписано председателем Реввоенсовета и наркомвоенмором Львом Троцким, а также главнокомандующим Вооруженными силами Советской России Иоакимом Вацетисом и начальником разведуправления Полевого штаба РВСР Семеном Араловым.

Именно Л. Троцкий, которого советские издания упорно называли «идеологом и лидером мелкобуржуазного течения, враждебного марксизму-ленинизму», и утвердил «Положение о военной цензуре газет, журналов и всех произведений печати повременной» (так оно тогда называлось) с приложением «Перечня сведений, подлежащих предварительному просмотру Военной цензурой». Положение требовало: «а) предварительного осмотра всех произведений печати, рисунков, фотографических и кинематографических снимков, предназначенных к выпуску в свет, в коих сообщаются сведения военного характера; б) просмотра, в видах контроля, вышедших в свет произведений, указанных в п. а); в) предварительного осмотра предложенных к опубликованию всякого рода приказов, официальных сообщений и проч., содержащих военные сведения; г) просмотра международных и, по мере необходимости, внутренних почтовых отправок и телеграмм; д) просмотра материала, указанного в п. а), при перевозке его через границы Республики; е) контроля над переговорами по иногороднему телефону».

И хотя советская власть и КПСС всячески открещивались от наследия Л. Троцкого, называя его «антикоммунистическим», на цензурно-контрольные идеи первого председателя Реввоенсовета советская военная цензура, как и «Министерство правды» — Главлит, опиралась все годы своей истории. Ими — и это можно утверждать без особой натяжки — военная цензура руководствуется и сегодня.

Несмотря даже на то, что в связи с принятием Верховным Советом РСФСР закона «О печати и других СМИ» (1990 г.), а в 1992 г. закона

«О средствах массовой информации» (см. приложение 2), по которым цензура массовой информации была запрещена, главная военная цензура не расформирована, а просто преобразована в отдел Генерального штаба по охране тайн в печати и других средствах массовой информации. А в 1997 г. была создана служба информационной безопасности в средствах массовой информации Минобороны. Идеология и задачи этой службы остались в принципе теми же, что и раньше, хотя они и выражены другими словами. А именно: «Организация и совершенствование системы информационной безопасности в СМИ ВС РФ; защита от разглашения в СМИ сведений, составляющих государственную тайну или конфиденциальную информацию о ВС РФ; координация деятельности органов военного управления, соединений, воинских частей, учреждений, военно-учебных заведений, предприятий и организаций МО по вопросам информационной безопасности в СМИ; планирование мероприятий по переводу органов информационной безопасности с мирного на военное время».

Здесь нет слов о политической и идеологической составляющей контроля над средствами массовой информации, но есть упоминание о «конфиденциальной информации». А под такое «конфиденциальное» определение, как показывает опыт, можно подвести любые сведения, опубликованные в печати или собранные и проанализированные журналистом или ученым для подготовки своих собственных выводов и умозаключений по тому или иному интересующему общественность вопросу.

Скандалные уголовные процессы последних лет — против капитана I ранга запаса Александра Никитина, капитана II ранга Григория Пасько, старшего научного сотрудника Института США и Канады РАН Игоря Суягина, обвиненных в государственной измене и шпионаже, а также инициированные отделом Генштаба по охране тайн в печати следственные мероприятия ФСБ в отношении многих журналистов — все это свидетельствует, что военная цензура в самом ее неприглядном виде в России не умерла.

Практика опровергает теорию

Это становится очевидным даже при самом поверхностном анализе многих публичных примеров, когда люди, занимающиеся научной или журналистской деятельностью, становятся жертвами так называемой «шпиономании», которая, кстати, развернута не без участия военной цензуры. Сами представители данного ведомства в принципе этого и не скрывают. И один из самых ярких примеров — обвинение в измене Родине в форме шпионажа

И. Сутягина. Принципиально здесь то, что он никогда не был допущен к секретному делопроизводству, никогда не служил в армии, все сведения, которые, как утверждает управление ФСБ по Калужской области, он якобы передал иностранной разведке, ученый собрал из открытых источников — газет, журналов, книг...

Никто из правоохранительных органов не ставит перед следствием, судом и общественностью очевидный вопрос: как эти «закрытые сведения», если они, естественно, существуют (что тоже должно быть предметом специального исследования), попали на страницы общедоступной печати? Чем занималась служба информационной безопасности Минобороны, если допустила такой просчет? Кто конкретно из военных, призванных по служебному положению оберегать как зеницу ока государственную тайну, ответственен за эту преднамеренную или непреднамеренную утечку, а может быть, преступную халатность, превышение должностных полномочий или злой умысел?

Но «виноватых», как правило, сразу же находят — и не среди тех, кто реально обязан защищать и беречь от чужого взгляда и уха «конфиденциальные знания» и получает за это зарплату, а среди посторонних людей, абсолютно не причастных ни к каким государственным секретам. Среди тех, кто умеет читать, сопоставлять факты, анализировать их, доносить свои выводы до других, т. е. на законном основании осуществляет свое, подчеркнем, конституционное право на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации (Конституция Российской Федерации, ч. 4, ст. 29). Это одна из основных свобод, закрепленных не только российскими, но и многочисленными международными законами, соглашениями и документами, подписанными Россией в качестве члена Совета Европы, ООН и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

А грустная ирония всей этой нелепой с точки зрения здравого смысла ситуации заключается именно в том, что основанием для привлечения к ответственности журналиста или ученого за разглашения государственной тайны как раз и является «экспертная оценка степени секретности тех или иных фактов, опубликованных в печати» сотрудниками службы информационной безопасности Минобороны, т. е. военной цензуры, которые зачастую и как правило руководствуются в своей работе не общегосударственными, официально опубликованными документами, а внутриведомственными, закрытыми от общественности инструкциями и приказами. В том числе и пресловутым приказом министра обороны № 055 от 10 августа 1996 г. «О введении Перечня сведений, подлежащих засекречиванию в Вооруженных силах

РФ»*, некоторые положения которого были отменены решением Верховного суда России еще 12 сентября 2001 г. Затем это решение было поддержано Кассационной коллегией того же суда 6 ноября 2001 г. И в третий раз оставлено в силе уже 7 мая 2002 г.

За последнее время в центральных газетах и журналах опубликован ряд выступлений бывших сотрудников ФСБ, так называемых «экспертов по правовым проблемам», профессоров юридических факультетов, а также представителей отделов информационной безопасности Генерального штаба и главных штабов видов Вооруженных сил, в которых они излагают идеологию собственной работы, по-своему отстаивают необходимость бдительной и настойчивой охраны государственных тайн и других сведений конфиденциального характера, способных нанести ущерб безопасности страны. Примерами таких публикаций может служить статья «Строгий закон» сотрудника Дальневосточного государственного университета профессора Семена Улицкого в «Независимом военном обозрении» (№ 6, 16—22 февраля 2001 г.), интервью «ФСБ умеет отличить аналитиков от шпионов» бывшего сотрудника КГБ-ФСБ генерал-лейтенанта в отставке Сергея Дьякова той же газете (№ 14, 20—26 апреля 2001 г.), материал «Секреты не только в сейфах», в котором свои взгляды на взаимоотношения между СМИ и военными излагает старший офицер Главного штаба ВМФ по информационной безопасности в СМИ капитан I ранга Андрей Кучеровский («Красная звезда», № 155, 22 августа 2001 г.), а также выступление начальника отдела информационной безопасности Генерального штаба полковника Сергея Каплина «Оком бдительным, но разумным» в «НВО» (№ 34, 14—20 сентября 2001 г.) и другие публикации.

Спору нет, государственную тайну необходимо беречь. И трудно представить кого-либо из здравомыслящих и законопослушных людей, которые подвергали бы сомнению этот тезис, скорее похожий на правовую аксиому, чем на теорему. У любого государства должны быть секреты, которые известны только очень узкому кругу лиц и используются с целью сохранения приоритетов в политической, научной, технической, технологической, военной, коммерческих и других областях жизни. В том числе и с целью укрепления внешней и внутренней безопасности государства.

* Приказ секретный, поэтому в настоящем издании не приводится и не цитируется. Однако общегражданский «Перечень...» аналогичного характера вводится в действие указом президента России и имеет открытый характер. Он приведен в приложении 3. — Ред.

Но вот что настораживает. Авторы названных публикаций, требующие каких-либо ограничений свободы слова, доказывающие, что без жесткой военной цензуры, т. е. без возвращения ситуации к советским временам, невозможно укрепление безопасности страны, в той или иной мере, сознательно или нет, выходят за рамки правового поля, толкуют законодательные положения и нормы априори с обвинительным уклоном по отношению к собственным гражданам и не в соответствии с истинными интересами демократического государства, а исключительно в пользу своего ведомства. Если говорить конкретнее, они фактически требуют юридического преследования тех, кто занимается сбором и распространением информации.

Вот, например, что утверждает со страниц печати генерал-лейтенант ФСБ в отставке С. Дьяков: «Практика деятельности оперативных подразделений ФСБ показывает, что существует целая когорта людей, которые неправомерно занимаются коллекционированием данных, содержащих государственную тайну, например, о подводных лодках, ракетах и так далее. Это создает объективные условия утечки информации, содержащей государственную тайну...». И дальше: «...Разглашение сведений, составляющих государственную тайну, теперь является преступлением, если совершается только умышленно. В то же время жизнь показывает, что значительную часть фактов разглашения составляют деяния, совершенные по неосторожности. Но неосторожность — это форма вины, она лишь подчеркивает меньшую общественную опасность лица, а объективно — ущерб государству один и тот же...». «По моему мнению, необходимо ввести квалифицирующий признак при разглашении сведений, если использовались средства массовой информации, то есть разглашение совершено способом широкой огласки и при реальной угрозе наступления тяжких последствий», — говорит отставной генерал. И еще одна цитата: «В то же время ясно, что борьбу с разглашением надо вести в ситуациях, когда уже идет к этому приготовление (например, накопление информации, для того чтобы в дальнейшем предать ее огласке, сделать достоянием посторонних лиц)».

Таким образом генерал ФСБ фактически требует не только изъятия ст. 29 ч. 4 Конституции, но и абсолютного запрета журналистам на их профессию. Кроме того, закрытия библиотек, запрещения Интернета, распространения печатной и электронной продукции СМИ и тем более собирания кем-либо архива по тем или иным отраслям знаний. Особенно об оружии и боевой технике. Ведь, по словам С. Дьякова, это и есть «накопление информации для того, чтобы в дальнейшем предать ее огласке, сделать достоянием посторонних лиц» (т. е. читателей газеты или журнала), что для

журналиста является сутью и содержанием его работы. Бывший сотрудник КГБ-ФСБ убежден: все это приготовление к преступлению с особо тяжкими последствиями. А именно с «использованием средств массовой информации».

Любопытно, что на подобной логике зачастую и зиждется правовая цензурная практика в отношении работников СМИ и ученых, занимающихся проблемами армии, безопасности, экологии и других общественно значимых институтов, задевающих, как правило, коренные интересы не государства как такового, а того или иного полузакрытого ведомства.

Приведем еще один образчик «ведомственного», я бы сказал, цензурного взгляда на накопление и распространение информации. Вот цитата из упомянутого выше интервью капитана I ранга А. Кучеровского. «Как все-таки быть с той информацией, которая ранее была опубликована в центральных или региональных СМИ, но, по вашему мнению, является закрытой?», — спрашивает А. Кучеровского корреспондент. И тот, не замечая подвоха, скрытого в вопросе (информация закрытая не в соответствии с требованием закона, а по мнению сотрудника штаба ВМФ), отвечает: «Если она (информация. — В. Л.) не является официальной информацией Министерства обороны или другого ведомства, то ее дальнейшее использование и распространение противоречит российскому законодательству (вот так! — В. Л.). Надо четко проводить эту грань и пресекать распространение этой информации. Другое дело, когда информация поступает от неофициальных источников. Авторы, используя закрытые, порой сенсационные материалы, пишут статьи, издаются книги и получают за это хорошие гонорары, не получая на публикацию разрешения истинного собственника информации. В дальнейшем это позволяет другим авторам делать ссылки на то, что представленные ими сведения ранее уже были опубликованы в открытых источниках. Такие действия не могут являться основанием для разрешения в последующем опубликовании этих сведений в центральных печатных органах Министерства обороны и других СМИ. С подобными фактами “свободы слова” необходимо бороться».

Я сознательно заковычил и оставил без изменения орфографию и смысловую путаницу этого цензурского заявления. Что можно или нельзя печатать, из рассуждений капитана I ранга понять непросто. Но ведь и не этим был озабочен военный цензор, его, как становится ясно, волновало совсем другое. Главный вывод из сказанного им по зрелом размышлении таков. Больше всего сотрудника Главного штаба ВМФ по информационной безопасности беспокоит, что некоторые авторы зарабатывают на своих пуб-

ликациях — книгах и статьях — хорошие гонорары, не получив разрешения на это у «истинного собственника информации».

Конечно, цензора можно понять: это, наверное, не очень справедливо, когда кто-то занимается творчеством, которое, кроме всего прочего, еще и оплачивается неплохим гонораром, а другие корпят на службе только за одну, не столь большую зарплату. Можно ему посочувствовать. Но тут ничего не поделаешь, что называется, кто на что учился, тот тем и зарабатывает себе на жизнь. Хотя, с другой стороны, никто не мешает и сотруднику Главного штаба ВМФ в свободное от служебных обязанностей время заняться литературными упражнениями или чем-то подобным и получать дополнительный заработок. Это право каждого человека, не противоречащее, кстати, и закону «О статусе военнослужащего».

Настораживает другое. Стремление некоторых сотрудников силовых и прочих ведомств без всякого на то законного основания присвоить себе монополию собственника на ту или иную информацию. В отличие от капитана I ранга Кучеровского наиболее внятно и открыто об этих претензиях заявил в «НВО» (№ 34, 14—20 сентября 2001 г.) начальник отдела информационной безопасности Генерального штаба кандидат военных наук полковник С. Каплин: «С моей точки зрения неправомерное распространение информации, задевающее интересы собственника такой информации, сродни банальному воровству или торговле краденным, чем бы такие действия ни прикрывались. Ведь некоторые статьи на военные темы напоминают отчет по научно-исследовательской работе или о госиспытаниях вооружения. И не надо делать вид, что происхождение и собственник этого товара неизвестен. Ну, в самом деле, если речь идет о конкретных параметрах реформы Вооруженных сил, или о технических характеристиках военного спутника или танка, то любому здравомыслящему человеку понятно, что речь идет о сведениях, принадлежащих Министерству обороны. Это оно является собственником этой информации, на его деньги проводились научные исследования и выпускалась военная продукция...».

Прервем длинную цитату. По логике полковника Каплина получается, что у Минобороны есть завизированное у нотариуса свидетельство о праве собственности на информацию о том или ином виде боевой техники. Что, увы, не соответствует действительности. Более того, начальник отдела информационной безопасности Генштаба и кандидат наук, как оказывается, не знает элементарных вещей — того, что Министерство обороны не имеет собственных денег ни на что. Все средства поступают к нему из государственного бюджета, который формируется в том числе и из налогов на граж-

дан. Так что фактически конструкторская разработка того или иного вида вооружений, если быть предельно точным, производится на деньги каждого трудоспособного гражданина, в нее вкладывается интеллектуальный багаж конкретных инженеров и техников, рабочих, испытателей и, естественно, военных, которые задают ей определенные тактико-технические характеристики, принимают ее на вооружение...

Конечно, в ходе разгосударствления оборонно-промышленной отрасли, с возникновением частных компаний, вовлеченных в процесс производства товаров и услуг военного назначения, вопрос о собственности на информацию теряет однозначность. Наверное, он требует дальнейшей юридической проработки. Одно очевидно: военная цензура не имела, не имеет и не может иметь прав собственности на информацию. Тем более на ту, что давным-давно уже разошлась в тысячах книг и журналов, в энциклопедиях и газетных статьях, запечатлена на интернет-сайтах и широко доступна любому ищущему ее там, а также в библиотеках и в научных изданиях, в российской и зарубежной печати. В обращении с такой информацией принято опираться на требования авторского права, на закон о СМИ, а отнюдь не на изыски узковедомственного приказа № 055. И внушать журналистам, ученым, другим исследователям, подчеркнем для точности, не состоящим на военной службе и не имеющим допуска к секретному делопроизводству, мысль о необходимости испрашивать разрешение на использование в своей работе того или иного «выкопанного» из открытых источников информации факта — это по меньшей мере превышение работниками военной цензуры должностных полномочий. Если не сказать большего.

Что за словами?

Почему же военная цензура столь упорно цепляется за свои неявные и противозаконные полномочия навязывать демократической прессе свои взгляды на государственную тайну и другую специально охраняемую законом информацию? Почему с таким упорством пытаются так или иначе преследовать журналистов, пишущих на военную тему? Почему так часто «сигнализирует» в правоохранительные органы и Минпечати о фактах разглашения этой самой тайны в средствах массовой информации, что, как правило, потом не подтверждается следственными мероприятиями?

Ответ, увы, очевиден. В основе таких действий — не забота о сохранении секретных сведений, влияющих на безопасность страны и боеготовность армии, а очевидные попытки вернуть себе то политически высокое и влиятельное место во властной вертикали, которое занимала цензура, в том чис-

ле и военная, до 1991 г. Но и не только. За этими действиями можно разглядеть и элементарный корыстный интерес некоторых лиц из отделов информационной безопасности, а иногда и неприкрытую зависть к творческим людям и личную коммерческую заинтересованность в распределении доходов от их литературной или научной деятельности.

Об этом свидетельствуют и постоянные сетования со страниц печатных изданий сотрудников военной цензуры на то, что «журналисты продают добытую информацию», «получают за это хорошие гонорары», и то, что к авторам книг, написанных под руководством того или иного военного деятеля — министра обороны, начальника Генерального штаба или руководителя одного из главных управлений военного или другого силового ведомства, претензий никогда не бывает. А вот к так называемым посторонним лицам — журналистам, ученым, исследователям, не проходящим по спискам оборонного департамента, вопросов у военной цензуры всегда много. Как и у следователей ФСБ, которые действуют по их наветам.

Вывод для «чужаков» напрашивается простой — не перебегай дорогу большому начальникам. Не публикуй того, на чем не успели или не сумели заработать они или их окружение.

Действительно, многостраничные, красочные, со вкусом исполненные (и отпечатанные за рубежом) тома энциклопедий, посвященных российскому оружию и боевой технике, стоят на нашем книжном рынке от 20—30 до 200—300 у. е., а на Западе — до 500 долл. за экземпляр. Достаточно вспомнить многотомные серии «Оружие России», «Оружие и технологии. XXI век» и им подобные издания. Книжки, газеты и журналы, а также брошюры, выпущенные небольшими издательствами, — намного, в десятки раз дешевле. Да и написаны они, как правило, более ярко, доступно и куда интереснее, чем официозные издания. Книга «Стратегические ядерные силы России», выпущенная группой авторов, в числе которых был и И. Сулягин, — убедительный пример этого; не случайно после ареста ученого она под благовидным предлогом — «содержит сведения, составляющие государственную тайну» — была тут же изъята со складов книжных магазинов.

Очевидно, какая продукция пользуется большим спросом, какую будет чаще и охотнее покупать широкий читатель — молодые офицеры, студенты, любители военной истории и всего, что с ней связано. Понимая это, некоторые авторы дорогих фолиантов, да и люди, близкие к отделам по охране тайн в печати Генерального штаба, штабов видов и родов войск, к режимным отделам конструкторских бюро и оборонных предприятий, привычно продолжают бороться с неприрученными конкурентами элементар-

ными доносами «о фактах разглашения государственной тайны и иной конфиденциальной информации» в том или ином органе СМИ.

Другая, не менее весомая причина обращений чиновников в ФСБ с «сигналами» о разглашении государственной тайны в печати — болезненная реакция на критику, которая звучит со страниц газет и журналов в адрес больших начальников или конструкторов, авторских коллективов ВПК, потративших большие средства, но так и не создавших тех образцов оружия, за которые они брались и которые они обещали правительству. Примеры такой неадекватной и мстительно-мелочной реакции могут привести многие журналисты. Есть они и в моей газетной практике.

Помню, как на меня «обиделись» сотрудники Миасского конструкторского бюро имени Макеева, когда я, сославшись в «Известиях» на мнение главнокомандующего ВМФ адмирала Владимира Куроедова, попытался разобраться, почему у них не заладилась работа над новой стратегической ракетой «для атомного подводного крейсера XXI века» «Юрий Долгорукий», заложенной на Северодвинской верфи в присутствии Юрия Лужкова и Анатолия Чубайса. Что именно не понравилось конструкторам, мне неизвестно до сих пор. Возможно, предположение, что они не умеют делать твердотопливных ракет (КБ всегда занималось жидкостными). Может быть, ссылка на то, что в годы безденежья и неопределенности относительно будущего подводного ракетостроения предприятие покинула большая группа ведущих специалистов, а оставшиеся не проявили необходимой тщательности в столь ответственной работе, что и привело к трем подряд неудачам на испытаниях...

Не знаю точно, кто на меня, что называется, «накапал». Но из песни слов не выкинешь. Через несколько месяцев после той публикации меня вызвали на допрос в следственное управление ФСБ как свидетеля по уголовному делу, открытому в связи с разглашением государственной тайны в моем собственном газетном материале. И мне нелегко было доказать, что информация об этих неудачах в пусках ракет получена на пресс-конференции главкома ВМФ, а также из сообщений информационных агентств, а о причинах неудач я сделал собственное умозаключение, и только. Что, в принципе, не является и не может являться преступлением или даже проступком, так как Конституция (ст. 29) гарантирует каждому «свободу мысли и слова»...

Правда, о том, что на меня «обиделись» именно сотрудники Миасского КБ, я могу только догадываться по косвенным признакам. Мне в следственном управлении ФСБ так и не назвали ни организацию, ни имен тех,

кто обвинил меня в «разглашении в печати сведений, составляющих государственную тайну». Что по-своему интересно и симптоматично. Закон тщательно охраняет от огласки имена доносчиков. Более того, освобождает их от ответственности за клевету, когда в ходе следственных действий выясняется, что никакого разглашения тайн не было, а время и усилия профессионалов из органов по обеспечению безопасности государства было потрачено понапрасну. Потрачено не на охрану тайн и борьбу с первопричинами утечек конфиденциальной информации, а с последствиями этих утечек, если, конечно, эти утечки были, — что каждый раз надо оговаривать отдельно. Ведь только с ними, как правило, уже имеют дело журналисты и ученые.

Любопытна и такая деталь. Абсолютное большинство сотрудников печатных органов — журналисты, редакторы, а также ученые, военные историки, никогда не имевшие дела с секретной документацией и государственной тайной, не могут знать и практически не имеют понятия, что вычитанная ими из того или иного источника информация, факты, почерпнутые из Интернета, телепередачи, газеты или брошюры, могут носить закрытый характер. А сумма этих фактов, проанализированная пытливым умом, сделанные на основе этого анализа выводы и умозаключения (истинные или ложные — тоже вопрос), способны составить новые сведения, которые некоторые чиновники в военном или ином силовом ведомстве тут же занесут в разряд тщательно охраняемых законом государственных секретов.

Узнают журналисты о своем «нечаянном открытии», как правило, из письма Минпечати, инициированного отделом информационной безопасности Генштаба, где указывается, что экспертная комиссия Генерального штаба Вооруженных сил России своим заключением номер такой-то от такого-то числа установила, что сведения, изложенные в такой-то статье такого-то автора, являются секретными и что «Министерство РФ по делам печати, согласно своим полномочиям и на основании ст. 16 законодательства РФ о СМИ выносит официальное предупреждение редакции за нарушении статьи 4 Закона РФ “О средствах массовой информации”, выразившееся в разглашении сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну».

Журналист и его товарищи начинают заново перечитывать указанную статью и в конце концов догадываются или, точнее, могут догадаться, где и в каком месте материала «закопана» та самая тайна, о которой им было сообщено. И, что самое смешное, никто ни в органах военной цензуры Генштаба, ни в Минпечати не думает о том, что о наличии этих государственных секретов люди (подчеркнем еще раз, не допущенные к секретному де-

лопроизводству) узнали только после письменного указания на это. Получается, что должностные лица, призванные профессионально оберегать сведения, составляющие «государственную или иную специально охраняемую законом тайну», беззастенчиво разглашают ее посторонним — через те же выводы экспертной комиссии, через переписку отдела информационной безопасности Генштаба, Минпечати с редакцией газеты...

И ничего. Все довольны. Никого за такие противоправные действия не привлекают к ответственности. Не заводят уголовное дело... Парадоксы нашей действительности? И да, и нет.

Закон — что дышло

Проблема не только в том, что органы военной цензуры оказывают давление на журналистов и средства массовой информации, чтобы вернуть себе высокое место во властной государственной иерархии и общественной жизни. Не только в коммерческих интересах тех или иных сотрудников Генерального штаба и штабов видов Вооруженных сил и родов войск, правоохранительных органов, конструкторских бюро и других специальных структур. И не всегда в мелочной мстительности обиженных прессой чиновников. Дело еще и в том, что поступать так им позволяет несовершенство законов, связанных с охраной государственных секретов страны.

Начнем с Основного закона. К теме этого разговора относятся, как минимум, две нормы ст. 29 Конституции России. Одна из них утверждает, что «каждому гарантируется свобода мысли и слова», другая — что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», а «перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом».

Это закон «О государственной тайне» (с поправками от 9 октября 1997 г.), который «регулирует отношения, возникающие в связи с отнесением сведений к государственной тайне, их рассекречиванием и защитой в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации». В соответствии с его требованиями «государственная тайна — защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». Но какие именно эти сведения? Их, как оказывается, формирует Межведомственная комиссия по защите государственной тайны, она же составляет «Перечень» соответствующих сведений. Он

утвержден президентом и состоит из пяти разделов (см. приложение 3). Первый включает в себя общие сведения и разъяснения таких понятий, как «военные объекты», «режимные объекты», «военная техника» и т. д. Второй уточняет те данные, которые подпадают под понятие «сведения из военной области». Это информация, «раскрывающая планы применения войск, оперативные планы, документы боевого управления, документы по приведению войск в различные степени боевой готовности». Полномочия по распоряжению этими сведениями имеют МВД, Минобороны, МЧС, ФАПСИ, ФПС и прочие силовые структуры. Очевидно, что публиковать документы боевого управления — себе дороже. Это действительно, видимо, тайна. И раскрывать ее, если она вдруг, без санкции глав перечисленных ведомств, оказалась в руках журналиста, наверное, неправильно. Если, конечно, речь не идет об угрозе здоровью и жизни собственных граждан.

Но, с другой стороны, как понимать сведения, «раскрывающие планы применения войск»? Если журналист, например, станет рассуждать, как поступят расчеты ПВО в случае приближения к Москве вражеского бомбардировщика, и напишет, что они его обязательно собьют? Это будет разглашением «планов применения войск» или нет? Совпадут умозаключения непрофессионала с реальной практикой боевых расчетов ПВО или нет? А вдруг совпадут? Значит, газетчика можно привлекать к уголовной ответственности?

А вот более серьезные вопросы. «Перечень» запрещает раскрывать «сведения о стратегическом развертывании Вооруженных сил Российской Федерации». Но как быть с Договорами по СНВ-1 и СНВ-2? С приложениями к ним, где информация о нашем стратегическом оружии изложена более чем подробно, даже с указанием географических координат пусковых установок стратегических ракет? С указанием пунктов базирования стратегических атомных подводных лодок? А как быть с Договором об обычных вооруженных силах в Европе, где тоже есть сведения о всех частях и органах управления нашей армии, ВМФ, десантных войск, внутренних войск МВД, стратегической авиации и РВСН, размещенных на территории страны вплоть до Волги и Урала? С перечислением всех видов тяжелого (калибра свыше 100 мм) вооружения, их количества в той или иной части, с координатами штабов полков и дивизий.

Так же открыты для произвольного толкования и другие позиции «Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне». Запрещается, к примеру, обнародовать информацию, «раскрывающую существо новейших достижений в области науки и техники, которые могут быть использованы в

создании принципиально новых изделий, технологических процессов в различных отраслях экономики... раскрывающие содержание и (или) направленность научно-исследовательских, опытно-конструкторских или проектных работ, проводимых в интересах обороны и обеспечения безопасности государства... о кооперативных связях предприятий, о разработчиках или изготовителях вооружения и военной техники, если эти сведения раскрывают данные о производственных мощностях по их выпуску и (или) основные тактико-технические характеристики вооружения и военной техники»... Словом, запрещено все, что уже давно изложено в энциклопедиях оружия и в прочей литературе на эту тему. Эти сведения «Перечень» публиковать запрещает, иначе — в кутузку.

Но как тогда быть с буклетами различных международных выставок оружия и боевой техники? С календарями и открытками, которые с удовольствием раскупают их посетители? С каталогами этих биеналле, где раскрыты не только кооперативные связи оборонных предприятий, но и указывается их адреса, телефоны, фамилии ведущих сотрудников? Да и в упомянутых выше фолиантах, рассчитанных прежде всего на западных покупателей, можно обнаружить рекламу с адресами и телефонами этих самых режимных КБ и предприятий, по-прежнему закрытых для российской общественности.

Как обойтись без этого в условиях рынка? Без скрытой и явной рекламы, без (извините за ветхозаветный термин) «пропаганды достижений российской науки и техники»? Увы, прямого ответа на этот вопрос «Перечень» не дает. А правоприменительная практика предоставляет широкий простор для любых лжеюридических обвинений, которые регулярно выдвигают против журналистов и ученых отдельные сотрудники генштабовских отделов информационной безопасности, точнее — военной цензуры, а также ФСБ.

С одной стороны, в «Перечне» не говорится о конкретной информации, везде речь идет о понятиях, классах, категориях, терминах. Более точен здесь только пресловутый приказ № 055, но он, как мы уже знаем по постановлению Верховного суда, носит внутриведомственный характер и не может распространяться на все общество. С другой стороны, когда вчитываешься в содержание «Перечня», там везде — тайны. Как быть нормальному человеку, который хочет осуществить свои конституционные права и возможности на сбор, получение и распространение информации? Ответа нет.

Генерал-лейтенант ФСБ в отставке С. Дьяков, интервью которого «НВО» мы уже упоминали, говорит: «Фактическое же ее (государственной тайны) наличие, конечно, устанавливается экспертами, ибо уровень гри-

фа не может отражать реальное содержание документа». В законе «О государственной тайне» предусмотрено проведение экспертизы при решении вопроса об обосновании засекречивания. А вот использование экспертизы для выяснения вопроса об уровне секретности документа, не имеющего грифа, весьма сомнительно. Да и Конституция говорит, что отнесение информации к государственной тайне определяется федеральным законом, а вовсе не экспертизой. Так что и тут наличествует произвольное толкование законодательства.

Как считает один из авторов «Независимого военного обозрения» Иван Моисеев (№ 25, 13—19 июля 2001 г.), из-за слишком общих формулировок «Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» на основании только одного законодательства нельзя принять объективное решение о секретности той или иной информации. Авторы законодательных документов о государственных секретах, полагает он, сделали детскую ошибку — пытаясь правовым способом засекретить все на свете, они фактически не засекретили ничего, позволив решать вопрос о секретности или ее отсутствии не праву, а амбициям.

Но проблема еще и в том, что в стране нет независимой экспертизы по вопросам обоснованности засекречивания тех или иных материалов. Все эксперты — это бывшие или нынешние сотрудники силовых ведомств, т. е. люди, так или иначе связанные корпоративными интересами. Ожидать от них объективности, взвешенности, непредвзятости было бы наивностью и непростительной ошибкой. Но вот беда, — других-то у нас нет.

Отсутствие таких экспертов влечет за собой еще одну серьезную проблему: в России предусмотрено уголовное преследование лиц, разгласивших государственную тайну, но нет никаких санкций по отношению к тем, кто необоснованно засекретил данные, прямо влияющие на здоровье людей, экологию, состояние здравоохранения, санитарии, демографии, образования и культуры. То есть всего того, от чего реально зависит наше настоящее и будущее. Более того, выведение из-под гласности огромного количества «закрытых», а потому спрятанных от общественного анализа и критики НИОКР, других проектов и их практического воплощения наносит огромный вред не только обороне и экономике страны, но и развитию гражданского общества, которое не имеет возможности проконтролировать, как обстоят дела в самых чувствительных областях жизни. Нельзя забывать, что и распад СССР был обусловлен не заговором, не только экономическим коллапсом, не межнациональными трениями, а систематическим перекрытием внутренних информационных потоков, запретом всяческой

критики, особенно руководящих органов страны, армии и военно-промышленного комплекса.

Мне, например, совершенно очевидно, что и промахи с реформированием Вооруженных сил связаны именно с закрытостью этой темы на высшем государственном уровне. Если армия и общество, люди в погонах и члены их семей не знают и не понимают конечных целей этой реформы, не представляют ее этапов, реальных результатов каждого из них, не могут оценить полезность или вред тех или иных «сокращений, ликвидаций, оптимизаций, объединений или разъединений», не знают, лучше или хуже им будет от проведенных преобразований, как планируемые меры отразятся на их социальном положении, то трудно рассчитывать, что они станут союзниками верховной власти в этой работе.

А без поддержки снизу, без обсуждения и принятия их всем народом любые решения верхов, как известно каждому, обречены на провал. Так же обречен на безрадостное будущее и любой организм, в том числе и структура государственной власти, лишенный возможности правильно воспринимать болевые импульсы своих внутренних и внешних систем и адекватно реагировать на них. Эта истина, по-моему, не нуждается в доказательствах.

Что делать?

Если наша страна хочет выйти на передовые рубежи общественного, политического, экономического прогресса, сделать рывок в научных достижениях и в области высоких технологий, провести подлинную, а не показушную реформу Вооруженных сил, ей необходимо решительным образом избавляться от любых рецидивов излишней подозрительности к собственным гражданам, резко ограничить всевластие цензуры, в первую очередь военной, и усовершенствовать теорию и практику применения законодательных ограничений в области государственной тайны, стать более открытой, чем сегодня.

Для этого существует много путей. Одни из них — долгий и трудный: довести до ума законодательство о государственной тайне, как предлагают некоторые авторы, в том числе и упомянутый нами И. Моисеев, изъять из Уголовного кодекса ст. 275 «Государственная измена» и ст. 276 «Шпионаж» как бессодержательные и не дающие возможности объективно установить состав преступления. Для реальной защиты государственной тайны, считает он, вполне достаточно ст. 283 «Разглашение государственной тайны» (лицом, допущенным к ней. — В. Л.) и ст. 284 «Утрата документов, содержащих государственную тайну» (их тоже может утратить только тот, кто с ними работает, а отнюдь не тот, кто не имеет права на подобную дея-

тельность. — В. Л.). А соответствующим органам необходимо сосредоточить внимание на организации работы с документами и материалами, содержащими государственную тайну или другую чувствительную для обороноспособности страны информацию, и прекратить юридический и цензурный произвол в отношении журналистов, историков, популяризаторов оружия и боевой техники, а также ученых, не имеющих и не имевших допуска к работе с закрытыми материалами.

Правоохранительным и другим режимным органам важно сосредоточить свою работу на совершенствовании методов и способов охраны государственной тайны, создать такие условия (финансовые, социальные, административные и пр.), чтобы люди, вовлеченные в эту систему, были заинтересованы в сохранении секретов и не пытались изменить свое положение в обществе, «отомстить» собственному руководству за те или иные обиды, передав закрытую информацию в СМИ или как-то по-другому допустив преднамеренную утечку чувствительных для того или иного ведомства и для государства в целом сведений. Здесь действительно полный простор для поиска самых точных и эффективных мероприятий по сохранению и сбережению тайн, содержащихся в документах лабораторий, конструкторских бюро, штабов и т. д.

Но при этом надо четко отделять зерна от плевел. Не бить по хвостам, видя опасность в СМИ и журналистах, преследуя юридическим путем их и только их, а сосредоточить внимание именно на первоисточниках закрытой информации, на так называемых секретоносителях. Потому что с них все и начинается. И в военной цензуре должны это отчетливо понимать.

Необходимо, как мне представляется, провести и «круглые столы», семинары, совещания (их можно назвать как угодно) с участием журналистов, пишущих на военную тематику, ученых, работающих в области оборонных проблем, историков боевой техники и сотрудников органов военной цензуры, представителей ФСБ, независимых экспертов и юристов по проблемам сохранения государственных тайн в печати, депутатов Государственной думы, авторов закона о печати и возникающих время от времени в недрах парламента поправок к нему (часто вовсе не на пользу обществу). Пусть на этих мероприятиях — а не на допросах в Лефортове — они выскажут друг другу претензии, обсудят их с позиций закона, здравого смысла и действительных, а не мнимых интересов общества и личности — что называется, договорятся о правилах игры.

Это, конечно, более трудная и кропотливая работа, чем придумывание и ловля «аналитических шпионов», которые не только ни от кого, тем более

от ФСБ и отделов по охране тайн в печати, не прячутся, но и открыто публикуют свои материалы в СМИ, делают их доступными общественному вниманию и оценке. Но предлагаемая программа действий — крайне необходимая для укрепления демократического имиджа нашей страны, действительно реальный правоохранительный государственный труд. Иного пути в конце концов нет.

Все остальное, как мне думается, от нечистой совести, неправедных целей и от лукавого.

ГЛАВА 3

ОТ ИНФОРМАЦИИ ДО ПРОПАГАНДЫ, ОТ PR ДО «ЗАКАЗУХИ»

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ВОЕННЫХ ВОПРОСОВ

М и х а и л П О Г О Р Е Л Ы Й

Буржуазно-демократическая революция 1991—1993 гг. в России, проходившая под лозунгами возвращения страны в лоно цивилизации, на столбовую магистраль развития человечества, породила множество ожиданий среди широких масс населения. Однако произошедшие в последовавшее десятилетие радикальные перемены в социально-общественном строе, системе и персональном составе властных и управленческих структур, порядке и результатах перераспределения общественного богатства, в организации функционирования большинства надстроечных элементов, включая систему социальной защиты, медицинского обеспечения, образования, не оправдали многие надежды, и во многих случаях спровоцировали подъем уровня разочарования в массовом сознании.

Попытки реформирования Вооруженных сил, создание которых «на руинах» Советской армии и Военно-морского флота официально было провозглашено 7 мая 2002 г., также не дали видимых положительных результатов, не затормозили процесса разложения старых и не привели к формированию новых структур, не смогли оздоровить морально-нравственную атмосферу в армейской среде и отношение к ней среди гражданской части общества, в том числе призывников. Не способствовало оздоровлению Вооруженных сил и участие их частей и персонала в двух чеченских кампаниях, где им приходилось сталкиваться с задачами, не совпадающими с требованиями уставов, наставлений и учебников военного искусства.

Свою лепту внесли и резкие перемены во внешней политике, попытки России выстроить новую систему отношений с бывшими противниками и союзниками, поиски нового места под «мировым солнцем» в соответствии с нынешними взглядами и возможностями государства, изменившимися политическими, экономическими и военными приоритетами.

Все эти факторы, всколыхнувшие общество в целом и оборонный комплекс страны в частности, сказались, без сомнения, и на освещении в российской прессе военной тематики, в том числе процесса военного реформирования. Саму прессу, кстати, реформы также затронули в немалой степени.

Кто заказывает музыку

Известно, что советская пресса создавалась и действовала в качестве идеологического оружия Коммунистической партии, доводя до народных масс «правильные» решения руководства и одновременно разоблачая «неправильные» взгляды зарубежных и доморощенных идеологических противников. Та пресса не столько сообщала новости, сколько предлагала комментарии и оценки, подсказывая читателям, как именно нужно воспринимать сообщаемое, какие выводы делать из преподносимой информации.

Новая российская пресса неоднородна по своей принадлежности и, соответственно, выполняет разнородные задачи. Это, в свою очередь, проявляется в принципиально различающихся подходах к освещению действительности, в том числе военной политики государства, жизни, деятельности и перспектив развития Вооруженных сил, профессиональных и социальных проблем военнослужащих. Реализуются эти различия в особенностях редакционной политики того или иного конкретного СМИ.

Редакционная политика в основном заключается в отборе и препарировании информации заданного качества и формировании определенного смыслового и экспрессивно-оценочного ряда восприятия специфической читательской аудиторией с целью оказания того или иного влияния на нее, а порой и в попытках оказания давления силой общественного мнения на властные, распорядительно-исполнительные структуры для достижения тех или иных целей.

Не так много (буквально единицы) в настоящее время в стране журналов и бюллетеней, еще меньше газет, узко специализирующихся на освещении жизни армии, флота, оборонной промышленности и науки. Вопросы военной политики, политической и военной стратегии, планы развития военной организации государства, ее реформирования, социальные аспекты жизни армии, флота и ряда иных военизированных ведомств и структур, систематически и в существенном объеме присутствуют на страницах буквально двух-трех десятков изданий, среди которых ныне, безусловно, лидируют «Независимое военное обозрение» и (*noblesse oblige!*) ведомственный орган Минобороны «Красная звезда».

Проблемы военно-промышленного комплекса, пожалуй, наиболее полно представлены на страницах профильных изданий, да и то речь идет не более чем о десятке журналов, преимущественно рекламирующих продукцию экспортно-ориентированных оборонных предприятий. «Военный парад», наверное, самый яркий представитель этого немногочисленного семейства.

Вместе с тем есть широкий круг проблем несистемного характера, охватывающих лишь отдельные эпизоды жизни и деятельности как Вооруженных сил, так и страны в целом применительно к ее оборонным и иным военным нуждам. Скажем, регулярные всплески публикаций по проблеме комплектования, совпадающие по срокам с началом кампаний по призыву на срочную службу, реагирование на участвовавшие случаи катастроф, расстрелов и прочих чрезвычайных происшествий в Вооруженных силах, периодическое обострение интереса к силовым акциям и вооруженным конфликтам с участием наших соотечественников. Публикации на эти темы многочисленны и многообразны и появляются на страницах практически всех российских СМИ, отличаясь, естественно, углом зрения и оценками описываемых событий.

Разумеется, сколько изданий, столько и индивидуальных особенностей в отборе и подаче материалов. Политика каждой редакции по-своему уникальна. Однако в принципе есть немало общего в их трактовке действительности и освещении текущих событий.

Как показывает практика, содержание материалов по военной проблематике (их тематика, форма подачи, тональность) во всем многообразии современной российской прессы зависит не столько от профиля, специализации изданий, сколько от практических интересов их собственников. По этому критерию среди 30 тысяч официально зарегистрированных печатных изданий России последнего десятилетия выделяются, как минимум, три крупные группы:

- государственные, включающие официозные «Российскую газету» и «Парламентскую газету», значительную часть региональных изданий, соучредителем которых неизменно выступают местные администрации, а также основную часть ведомственных изданий Минобороны и иных силовых структур;
- элементы олигархических медиаимперий, находящиеся в руках частных лиц или финансовых и промышленных структур; не по формальным признакам, но по характеру изданий к этой группе примыкают и печатные органы политических партий;
- независимые, издаваемые частными лицами или коллективами (в том числе редакционными), акционерными обществами.

Обособленной группой стоят, но по сути близко примыкают к последней категории и распространяемые в России СМИ, принадлежащие иностранным собственникам.

В каждой из этих групп господствуют свои принципы и правила подачи новостей и иной информации военного характера.

Пропаганда или информация

Редакционную политику государственных и ведомственных СМИ можно охарактеризовать одним емким словом: пропаганда. В условиях резкого имущественного и правового расслоения населения и при отсутствии сформировавшейся национальной идеи (каковыми были строительство коммунизма в прошлом веке или до этого православие на протяжении нескольких веков) только идея сильной харизматической личности, персонально воплощающей государственную власть, помогает объединять общество, мобилизовать его на решение практических задач. А отсутствие системы политических партий и влиятельных неправительственных организаций вынудило правящие круги в 1990-х годах опираться в значительной степени на СМИ, которые формировали нужную поддержку среди народных масс.

На пресс-конференции в июле 2001 г. президент Владимир Путин признал, что на наше население легко влиять, используя средства массовой информации, потому что у него мало ориентиров (см.: <http://president.kremlin.ru/events/264.html>). Речь идет, разумеется, об ориентирах политических, идеологических, да и просто нравственных — в условиях резкой, революционной смены общественно-экономической формации и системы ценностей.

Наверное, исходя из этого, Росинформцентр, пропагандистско-информационный орган Кремля, созданный для «правильного» освещения второй чеченской кампании, в полном соответствии с оруэлловскими рецептами разработал систему «правильных» же терминов и понятий для описания боевых действий в Чечне. Скажем, вместо «федеральных войск» предписывалось использовать термин «части Вооруженных сил и Внутренних войск, воюющих против формирований сепаратистов и террористов», вместо «ударов» — «усилия по ликвидации инфраструктуры и живой силы международных террористов», а выражения «фильтрационные лагеря» и «беженцы» и вовсе были запрещены к употреблению на страницах печати («Коммерсантъ», 16 октября 1999 г.).

То же справедливо и в отношении пропаганды военной реформы и, шире, решения военного блока проблем государства. Знакомство с подшивкой «Российской газеты» или «Красной звезды» подарит читателю немало откровений о том, что при очередном руководителе наконец успешно начала осуществляться «военная реформа», о том, как несколько раз благополучно был завершён «первый этап военной реформы», а также о том, что жизнь военнослужащих все-таки стала лучше.

Как соотносятся такие рапорты с жизнью, очевидно каждому. Интереснее сравнить, как они освещаются прессой из других перечисленных выше групп. Вот что «Красная звезда» рассказывает о дислоцированной в Чечне дивизии, цитируя посетившего это соединение министра обороны Сергея Иванова: «Позавчера я сам был в Чечне и видел, как с хорошим настроением служат наши воины 42-й мотострелковой дивизии. Это сегодня одна из лучших дивизий Вооруженных сил, хорошо оснащенная, подготовленная, полностью укомплектованная личным составом» («Красная звезда», 8 мая 2001 г.).

По этому же информационному поводу «Известия», входящие, по-видимому, во вторую из упомянутых групп, пишут: «Как только стало известно, что выплаты (так называемые «боевые». — М. П.) отменили, рапорты о прерывании контрактов потекли на столы командования бурным потоком. В одной только 42-й мотострелковой дивизии, которая на постоянной основе дислоцируется в Чечне, рапорты подало около двух тысяч человек — почти треть личного состава» («Известия», 5 мая 2001 г.).

Вот вам и лучшее объединение, обученное и полностью укомплектованное...

Между тем оба источника — серьезные газеты и предлагают информацию и рядовым читателям, и людям, которые делают политику и принимают решения, оказывающие определяющее влияние на жизнь страны, ее внутреннюю и внешнюю политику. И когда на страницах государственных изданий, финансируемых правительством и имеющих статус официальных печатных органов, появляются выражения типа «натофашизм» или «угрозы России исходят от государств и военных союзов, стремящихся к мировому господству», это воспринимается как сигнал. И в России, и за ее рубежами.

Редакционная политика изданий олигархических медиаимперий за десятилетие новейшей российской истории была нацелена прежде всего на информационное обеспечение нужного уровня влияния владельцев «газет и пароходов» на процессы принятия важнейших политических и экономических решений в стране. Отсюда с неизбежностью вытекает функция СМИ как орудий информационных войн, ибо различные олигархические группы постоянно ведут борьбу за передел сфер влияния, усиление собственной роли и снижение роли конкурентов, за доступ к первым лицам государства.

В перерывах между информационными сражениями эти издания, находясь, образно говоря, в резерве, стремятся освещать действительность в значительной степени объективно, наработывая авторитет у аудитории, который призван обеспечивать достоверность сведений, предлагаемых чита-

телям в моменты наибольшей востребованности этой категории СМИ — президентских и парламентских выборов, смены власти в широком смысле, значительных кадровых перестановок во властных структурах и т. д.

В целом, по свидетельству авторитетных источников, в ведущих СМИ до 80% всех публикаций посвящены различным аспектам борьбы за власть, и лишь незначительная часть материалов — проблемам, имеющим действительно жизненно важное значение для подавляющего большинства населения страны («Союз журналистов», 25 мая 2001 г.).

В какой степени это касается военной проблематики? Весьма наглядным примером стала трагическая ситуация с атомоходом «Курск». В первые часы и дни после катастрофы в августе 2000 г. Кремль сделал несколько крупных ошибок в информационном освещении этого события, не на высоте оказались и советники президента. Да и он сам, по позднейшему признанию, не сразу оценил масштаб информационной атаки со стороны части прессы.

Между тем именно так — в виде скоординированных наступательных действий — выглядели выступления электронных и печатных СМИ медиаимперии Владимира Гусинского. По-видимому, также тонко уловив оплошность президентских и правительственных пресс-служб, глава «Мост-медиа» принял решение нанести контрудар, ответить на покушение на его имущественные права со стороны конкурентов из «Газпром-медиа», за которыми стояли высокопоставленные кремлевские фигуры.

В какой степени акции «Мост-медиа» способствовали решению стоящих перед Вооруженными силами, Военно-морским флотом, семьями моряков того же «Курска» проблем — вопрос спорный, а вот престиж президента, уровень доверия к нему, в том числе среди военнослужащих, во второй половине августа 2000 г., по свидетельству различных источников, был низок как никогда.

Своеобразным отражением конкурентной борьбы крупных капиталистов и финансово-промышленных группировок в 1990-х годах стал новый жанр российской журналистики — «слив» компромата, публикация порочащих конкурентов и их ставленников в правительстве и органах власти сведений под видом «журналистики расследований». Наиболее незатейливые формы, практиковавшиеся в этом жанре, — распечатки телефонных разговоров, публикация выдержек из протоколов допросов и иных следственных материалов, обнародование неблагоприятных эпизодов частной жизни и пр.

Разумеется, принятие решения, предавать гласности эти материалы или нет, — тоже часть редакционной политики СМИ, не только и не столько

отражающая поиск своей ниши на рынке газетно-журнальной продукции, сколько связанная с позиционированием самого редакционного коллектива, его руководства среди родственных изданий, выработкой той или иной позиции в отношении государственной власти. Показательны изрядные дозы подобного компромата не только в олигархических, но и в независимых от них и государства изданиях, например, в «Стрингере», «Версии», «Московском комсомольце», «Новой газете» и др.

В военной области весьма показательной стала конфронтация министра обороны маршала Игоря Сергеева и начальника Генштаба генерала Анатолия Квашнина. В ход шли рассказы в прессе о попустительстве со стороны И. Сергеева воровству стратегических материалов в войсках, о строительстве завода его сыном на бюджетные деньги и т. д., равно как и «разоблачение» некомпетентности А. Квашнина во время руководства чеченской кампанией, его наполеоновских замашек и даже высмеивание попыток отыскать свои боярско-дворянские корни.

Между тем, по свидетельству иных СМИ, речь шла не о планах военной реформы, а о дележе бюджетных денег, которые предназначались на разработку и будущее производство новых стратегических ракет: эти средства могли достаться «сухопутчикам», которых лоббировали И. Сергеев и главком РВСН Владимир Яковлев, либо «морякам», которых поддерживали главком ВМФ Владимир Куроедов, замминистра Николай Михайлов и которых привлек на свою сторону начальник Генштаба.

Интересно, что только в третьей группе изданий более или менее успешно начали реализовываться принципы рыночной экономики, когда информация перестает быть оружием пропаганды, а становится товаром, объектом товарно-денежных отношений. Соответственно редакционная политика таких изданий строится исходя из того, что лучше продается на рынке и покупается читателем.

Изрядная доля «желтизны» и «бульварности» не мешает, а скорее помогает независимым изданиям лидировать и в рейтингах популярности среди широких читательских масс, и, как следствие, в объемах тиражей. Некоторые из них, скажем, газеты «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», журнал «Профиль», информационное агентство «Интерфакс», интернет-издание «СМИ.ру», пользуются определенным влиянием и в правящих кругах — во всяком случае, публикации в этих изданиях привлекают внимание политической и военной элиты (другой вопрос, насколько эффективны эти СМИ, т. е. в какой мере их выступления учитываются при принятии тех или иных решений).

По-видимому, военная информация в редакциях независимых СМИ так же может пользоваться спросом, но будет в большинстве случаев носить скандальный характер — убийства, дезертирства, кражи, дачи, взятки и т. п.

Отчасти это положение определяется тем, что рынок потребителей сервизной, качественной военной информации в стране сегодня весьма мал, к тому же пользуется иными, нежели публикации в прессе, источниками. Очевидно, формирование читательского рынка — жизненно важная задача для тех изданий, которые намерены заметную часть своих материалов посвящать военной проблематике.

Об источниках информации

Еще один аспект редакционной политики — использование источников информации. Когда речь идет о военной тематике, понимается, круг экспертов заметно сужается по сравнению с дискуссиями о литературных достоинствах книг Владимира Сорокина или экономических теорий Егора Гайдара.

Специалисты, находящиеся на действительной военной службе, редко готовы высказаться откровенно и нелицеприятно, когда обсуждаются проблемы и недостатки армейской действительности, тем более строить несанкционированные планы военного реформирования. Известны случаи, когда даже высокопоставленные военачальники за такие публичные рассуждения получали нахлобучку и даже изгонялись с руководящих постов (скажем, министр обороны Игорь Родионов и начальник Генштаба Виктор Самсонов). Ситуацию кратко и четко охарактеризовал один из руководителей ФСБ: «Кто знает — не говорит, кто говорит — не знает» («Красная звезда», 19 декабря 1998 г.).

Кстати, в какой-то мере позиция «воздержания» характерна для большей части госаппарата и служащих властных структур. Перенимают ее и в редакциях государственных СМИ, где журналисты — тоже отчасти чиновники. Как удачно сформулировал один из руководящих работников военной печати, «мы должны публиковать информацию, проверенную... другими СМИ». Не вызвала статья или интервью высочайшей немилости — и у нас, стало быть, можно. В противном случае лучше ничего не писать по поводу важных, но спорных событий, нежели напечатать нечто крамольное, что может не понравиться «наверху».

На ситуацию с источниками информации влияет и практическое отсутствие в стране института независимой экспертизы по военным вопросам. Пока не прижилась распространенная на Западе практика создания квазиофициальных, но реально независимых от государственных структур ко-

миссий и комитетов, состоящих из политиков, экономистов, отставных военнослужащих. Они не только готовят для правительственных структур рекомендации, но и активно влияют на общественное мнение через многочисленные выступления в прессе, не будучи связаны ограничениями, характерными для государственных служащих.

Существующую нишу заполняют «эксперты», с готовностью и равной компетентностью рассуждающие о проблемах экономики России, самобытной культуре татар, болезнях пингвинов в Антарктиде — и о реформировании армии, разумеется, тоже. СМИ, «покупающиеся» на модные имена таких авторов, вольно или невольно способствуют профанации важных идей, подменяют аргументированные серьезные дискуссии спекуляциями и саморекламой псевдоэкспертов.

Своеобразной проблемой последнего десятилетия стало также самоназначение некоторых журналистов на должности ведущих военных экспертов и специалистов в области оборонно-промышленного комплекса. Переказывая некоторое время чужие мнения и рассуждения и набив руку в манипулировании терминами (впрочем, не всегда точно и к месту), некоторые коллеги порой начинают мнить себя стратегами, достаточно компетентными для оценки (как правило, критической) военной политики страны, практических шагов политического и военного руководства в области военного строительства, комплектования, оснащения, обучения частей армии и флота.

Но это полбеда — мало ли кто себя кем полагает. Сложнее, когда таких самодеятельных стратегов воспринимают как истинных экспертов в редакциях, с которыми те сотрудничают. Немало язвительных стрел газетами и журналами было выпущено в адрес «журналиста-военачальника» Валерия Манилова, сыгравшего ведущую роль в подготовке текстов «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» и «Военной доктрины Российской Федерации», однако в повседневной практике «военным экспертом» стали называть всякого, кто имел какое-либо отношение к службе (хоть в пожарных частях) либо научился складно писать на одну из модных тем.

Пресса и власть

Разумеется, редакционная политика куда многограннее тех немногих проблем, которые упомянуты в этих заметках. Отдельного разговора, скажем, заслуживает деятельность редакционных коллективов, собственников и издателей СМИ, направленная на достижение экономической независимости, материальной основы подлинной свободы слова.

Эту особенность неоднократно отмечали и государственные лидеры, скажем, президент Путин во время июньской 2002 г. встречи с журналистами и пресс-конференции в Кремле (см.: <http://president.kremlin.ru/text/АРРТемplAppearlId16748.shtml>), и неправительственные организации и объединения. Так, Всероссийский чрезвычайный съезд в защиту гражданских прав в январе 2001 г. признавал: «В последние полтора года государственные средства массовой информации превращаются в инструмент пропаганды, а негосударственные СМИ подвергаются систематическим преследованиям... экономическому удушению, административному и судебному преследованию» («Правозащитник», 2001 г., № 1). Добавим, что в околокремлевских кругах сформировалось и быстро распространилось в чиновном мире мнение, что негосударственные СМИ — суть антигосударственные СМИ. Соответственно и отношения с такими изданиями строятся исходя из принципа «кто не с нами — тот против нас».

В свою очередь, многие проблемы нынешней власти коренятся не только в неправильных действиях или ошибочной политике, но и, по признанию президента России, «в недооценке гражданского общества и неспособности властей разговаривать с обществом и сотрудничать с ним» (цит. по: <http://www.mid.ru/mid/putin8072000.html>). Точнее не скажешь. Но многое ли изменилось за два года после того, как эти справедливые слова были произнесены?

По-прежнему основной аудиторией и государственных, и ведомственных, и олигархических СМИ остаются административно-бюрократические структуры. Лицом к обществу, к публике повернуты только независимые СМИ, основной задачей которых является продавать информацию и зарабатывать на этом деньги в отличие от первых двух категорий, существующих за счет потребления гарантированных бюджетных средств или ассигнований «богатых дядюшек».

Очевидно, что и в решении задачи реформирования Вооруженных сил, а по сути коренного изменения образа мышления и образа жизни общества, изначально строившегося и развивавшегося на принципах оборонного сознания, в решении задачи коренной демилитаризации общества невозможно добиться успеха без активного участия СМИ. Но оно должно быть конструктивным и компетентным. И, конечно, журналисты не должны забывать, что четвертая власть — это не они, а общественное мнение, а СМИ лишь улавливают, усиливают и транслируют его.

Сегодня уровень и качество обсуждения в прессе военных проблем далеки от оптимальных показателей. Есть отдельные яркие публикации в раз-

ных СМИ, но они не имеют системного характера и не сложились пока в единый жанр военной журналистики. Размыт даже объект освещения — то ли это военная политика государства, то ли повседневная жизнь армии и флота, а может быть, и события в очагах напряженности внутри и за пределами страны. Очевидно недостает компетентных журналистских и квалифицированных экспертных кадров. Политика редакций в освещении военной проблематики слишком часто зависит от политической конъюнктуры и не всегда отражает реалии жизни.

Но прогресс за период 1992—2002 гг. очевиден. Если в советской прессе, во всех 9500 печатных изданиях царил единая — и единственная — идеология, то ныне более чем 30 тысяч газет и журналов России стоят на тысячах разных позиций и политических платформ. Ни у кого нет монополии на истину, она рождается в переплетении и взаимодействии разных мнений, оценок, точек зрения. И распространяя их, делая достоянием обществу, СМИ вносят свою весомую лепту в общественный прогресс.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ В ПРАКТИКЕ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

М и х а и л Л У К И Н

И заказные, и стихийно возникающие кампании в прессе часто описываются исследователями в военных терминах — «атака на Чубайса», «контрнаступление молодых реформаторов». Самые яркие из них даже получили название «информационные войны». Часть этих кампаний прямо или косвенно затрагивает деятельность армии и смежных с ней общественных и политических институтов.

Однако до настоящего времени никто не пытался анализировать деятельность СМИ в освещении военной проблематики. Отсутствует даже необходимый понятийный аппарат для такого анализа, в связи с чем автору данной работы приходится вводить собственные, порой упрощенные понятия типа «военных информационных кампаний».

Ниже будет предпринята попытка довольно кратко, в некоторых случаях тезисно определить основные элементы информационных кампаний, связанных с Вооруженными силами, мотивацию их участников и результативность.

Автор сознательно не рассматривает кампании, связанные с военно-техническим сотрудничеством, военно-промышленным комплексом, военными связями с другими государствами. Эти достаточно специфические вопросы являются темой отдельного, досконального исследования.

На возникновение же и ход медийных кампаний, связанных с военной тематикой, оказывает влияние целый ряд факторов, существующих лишь в данной сфере. На них предлагается остановиться подробнее.

Общие характеристики

Строго говоря, спонтанность большинства информационных кампаний в военной области не позволяет однозначно причислить их к результатам деятельности специалистов по общественным связям (public relations). Это скорее «всплески» интереса к той или иной проблеме, инициированные различными группировками в своих целях. При этом большинство информационных кампаний в военной журналистике строится по принципу «ввяжемся в бой, а там посмотрим». Это, кстати, делает их отчасти похожими на прове-

дение советской (российской) армией боевых операций во второй половине XX в. Впрочем, невозможность реализовать свои планы — извечная проблема не только журналистов. Однако в военной журналистике отсутствие продуманности, планомерности в ведении кампании особенно заметно.

И даже в ходе самой кампании, когда ясны ее участники и их цели, исчезает эффект неожиданности и появляется возможность вести продуманную политику, стороны по-прежнему скорее реагируют на возникающие ситуации, «сливая» журналистам имеющиеся сведения в своих интересах и затем по ходу самостоятельного развития событий пытаясь «корректировать» их ход (не всегда успешно).

Следует отметить, что информационные войны необходимо рассматривать как частный случай медийных кампаний (т. е. воздействия на общественное мнение через СМИ). Их отличием является то, что целью такой войны является дискредитация того или иного физического лица, группы лиц, общественного или властного института. К тому же информационная война требует большей, чем обычная информационная кампания, концентрации ресурсов (интеллектуальных, финансовых, медийных) и более четкой продуманности. В то же время почти все информационные войны 1990-х годов развивались совсем не так, как предполагали их заказчики. Даже достижение намеченного результата (как в «деле писателей») происходило весьма неожиданно для организаторов войны.

В то же время нельзя не отметить, что многие стихийно возникающие кампании в СМИ ошибочно оцениваются как информационные войны, имеющие заказчика и управляемые извне. Особенно в таких оценках преуспели журналисты и эксперты «конспирологического» толка. Однако, думается, они преувеличивают способности мастеров слова.

Для понимания принципов возникновения и хода пропагандистских войн необходимо понять мотивацию их участников — как журналистов и военных, так и их аудитории — общественных институтов и лиц, принимающих решения.

Типология военных информационных кампаний

На основании изучения публикаций СМИ за 1991—2002 гг. можно выделить следующие виды медийных кампаний, посвященных деятельности Вооруженных сил:

1. Кампании вокруг структурных преобразований (упразднения главкомата Сухопутных войск, сокращение ВДВ или РВСН). Обычно иницируются группировками военных чиновников, недовольных характером и

масштабами предстоящих реформ. Могут длиться по несколько лет, при этом в условиях отсутствия четкого представления о приоритетах военного строительства вырождаются в дискуссии о «крутизне» тех или иных родов войск и видов Вооруженных сил. Любопытно, что практически никогда кампания не направлена на отмену уже принятого решения (к числу исключений относятся, например, решения о создании Объединенного главного командования Стратегических сил сдерживания (ОГК ССС) и о радикальном сокращении РВСН).

2. Кампании «личностного» характера (обоюдная критика Игоря Родионова и Александра Лебеда, противостояние Игоря Сергеева и Анатолия Квашнина, ситуация вокруг назначения генерала Виктора Чечеватова, отставка главкома Сухопутных войск Владимира Семенова). Обычно короче по продолжительности, но сильнее по накалу. При этом сами первые лица по сложившейся традиции предпочитают отмалчиваться и выходят на контакт со СМИ лишь по окончании кризисной фазы кампании (исключением может служить командующий ВДВ генерал Георгий Шпак, после каждого решения о сокращении выступающий с интервью в поддержку данной инициативы). Эффективность этих кампаний низка — в особенности по сравнению с аналогичными информационными войнами в политической сфере. Трудно вспомнить какое-либо кадровое решение, принятое после публикаций в СМИ. Здесь масс-медиа скорее вторичны по отношению к властным институтам.

Кампании «структурного» и «личностного» характера могут быть взаимосвязаны. Пример — противостояние А. Квашнина и И. Сергеева. В этом случае информационная война неожиданно оказалась успешной — как уже говорилось, решение о создании ОГК ССС было отменено. Впрочем, и здесь большую роль сыграла чисто административная борьба, а публикации служили скорее для подогрева интереса к теме.

Примеры информационных кампаний приведены в табл. 1.

Таблица 1

Информационные кампании по военной тематике

Тема	Участники	Аудитория	Краткая характеристика	Примерная продолжительность	Результаты
Сокращение ВДВ	Группа высших офицеров ВДВ, руководство Главкомата Сухопутных войск, Генштаба	Политические и военные элиты	В ходе кампании практически все участвовавшие в ней СМИ активно выступали против сокращения ВДВ	Конец 1994 г. — настоящее время	Все плановые сокращения и структурные реформы ВДВ проведены
Создание ОГК СССР	Министр обороны Игорь Сергеев, начальник Генштаба Анатолий Квашнин, руководство РВСН	Президент России	А. Квашнин сумел добиться фактической отмены указа президента о создании ОГК СССР и предложил ликвидировать РВСН как самостоятельный вид Вооруженных сил, одновременно сократив их	Ноябрь 1999 г. — сентябрь 2000 г.	Решение о создании ОГК СССР не реализовано, РВСН стали родом войск

Продолжение табл. 1

Тема	Участники	Аудитория	Краткая характеристика	Примерная продолжительность	Результаты
Назначение генерала Виктора Чечева	Группировки в руководстве Минобороны и Дальневосточного военного округа, окружение президента России	Политические и военные элиты	В ходе кампании неоднократно сообщалось о назначении В. Чечева на посты начальника Генштаба, главнокомандующего Сухопутных войск, замминистра обороны, командующего группировкой войск в Чечне и ряд других постов. Кампания инициировалась окружением В. Чечева, основными «признаками» будущих назначений были встречи генерала с президентом России	Февраль 1995 г. — май 1997 г.	В августе 1999 г. В. Чечев назначен начальником Академии Генштаба

<p>Отставка Владимира Семенова</p>	<p>Группировки в руководстве Минобороны, окружение президента России</p>	<p>Руководство Минобороны, политическое руководство страны</p>	<p>В ходе кампании против В. Семенова выдвигались обвинения в коррупции, злоупотреблении служебным положением и пр. В числе компрометирующих фактов фигурировала коммерческая деятельность супруги В. Семенова. Неоднократные попытки генерала сохранить пост не увенчались успехом</p>	<p>Июль 1996 г. — апрель 1997 г.</p>	<p>Главком Сухопутных войск уволен с занимаемой должности</p>
<p>Конфликт министра обороны и начальника Генштаба Анатолий Квашнин</p>	<p>Министр обороны Игорь Сергеев, начальник Генштаба Анатолий Квашнин</p>	<p>Президент России, политические и военные элиты</p>	<p>Конфликт развивался параллельно с конфликтом вокруг структурной реформы армии. Компромат личного характера в СМИ практически не использовался, конфликт подавался как идеологический, основанный на разных подходах к реформированию Вооруженных сил</p>	<p>Август 1998 г. — март 2001 г.</p>	<p>И. Сергеев уволен с поста министра, А. Квашнин сохранил свою должность</p>

Продолжение табл. 1

Тема	Участники	Аудитория	Краткая характеристика	Примерная продолжительность	Результаты
Коррупция в Западной группе войск	Газета «Московский комсомолец», правоохранительные органы	Политические и военные элиты	Кампания основывалась на «слитых» в СМИ материалах правоохранительных структур. В числе лиц, причастных к коррупции, назывались высшие чины Министерства обороны и ЗГВ. Основным инициатором кампании был журналист «Московского комсомольца» Дмитрий Холодов, в связи с чем расследование коррупции в ЗГВ называлось главной причиной покушения на него	Январь 1992 г. — январь 1995 г.	Основные фигуранты публикаций не подверглись уголовному преследованию

Мотивация авторов публикаций и руководителей СМИ

Как правило, за военные темы в редакциях ведущих центральных и региональных СМИ отвечают постоянные авторы (военные обозреватели). Это объясняется тем, что в большинстве случаев руководство СМИ осознает «специфичность» данной тематики и потребность в ее квалифицированном освещении.

Профильные авторы обычно связаны с конкретными военнослужащими разных уровней. Эта связь в большинстве случаев носит личный характер и является основным источником информации для военного обозревателя. Попадание в круг «своих» журналистов (степень доверия к которым у военных существенно выше) означает для автора не только возможность доступа к интересной информации, но и определенные обязательства — прежде всего необходимость отстаивать интересы источников. В отличие от информационных войн в сфере бизнеса здесь мало заказных, прямо оплаченных заметок. В результате авторы руководствуются личными пристрастиями, симпатиями и антипатиями.

В свою очередь, военные специалисты по связям с общественностью зачастую действуют шаблонно, работая с «прикормленными» журналистами и жестко ограничивая контакты своих оппонентов. Целевая работа с авторами практически не ведется, если не считать приглашения в поездки к высокопоставленным военными чинами.

Отдельного анализа требует мотивация журналиста, решающего освещать военную тематику в неспециализированных изданиях — т. е. тех, для которых деятельность армии не является главным направлением деятельности.

Военная тема, в отличие от бизнеса и политики, меньше «насыщена» деньгами и карьерными перспективами. Если выпускник факультета журналистики берется освещать проблемы сотовой связи, то помимо оплаченных поездок на конференции и регулярных бизнес-ужинов с менеджерами он может рассчитывать и на карьерный рост — например, стать сотрудником и даже руководителем департамента общественных связей одной из компаний, работающих на этом рынке. Подобным же образом политический обозреватель получает престижные и полезные знакомства, а также возможность попасть на работу в администрацию президента или Государственную думу.

В военной сфере все иначе — вряд ли обозреватели СМИ всерьез надеются стать сотрудниками Министерства обороны (пресс-секретарем того

или иного главкомата). Скорее срабатывают эмоциональные факторы — престижно дружить с военными, ходить с ними в баню и ездить на стрельбы. К тому же журналист начинает психологически ощущать себя лицом, выполняющим важную общественную функцию — защиту российской армии как основы российской же государственности (с этой точкой зрения можно поспорить, однако факты такой мотивации налицо).

Таким образом, военный обозреватель может получить известность, «сделать себе имя» не как глубокий специалист в своей теме, а как публицист патриотического (в классическом смысле этого слова) направления.

Что же касается глубокого понимания военной тематики, то здесь в российской журналистике проблем более чем достаточно. Даже среди журналистов, служивших офицерами (в основном это выпускники военно-политических вузов), мало кто стремится анализировать проблемы с точки зрения военного строительства, задач, стоящих перед армией и государством, изменения характера современных боевых действий.

Крайне малое количество авторов профессионально разбираются в проблемах военного строительства, стратегических и тактических вопросах, военной истории, технике и т. д. Это зачастую приводит к грубым ошибкам, путанице в терминологии и пр.

Хорошей иллюстрацией к сказанному служит одна из наиболее длительных информационных войн по военной тематике — продолжающаяся с 1994 г. кампания «в защиту ВДВ». В строгом смысле слова эта кампания не является классической информационной войной, так как и ее заказчики, и исполнители на протяжении этих лет менялись или корректировали свои точки зрения. Однако сам подход журналистов к обсуждаемой проблеме здесь представляется показательным.

Подавляющее большинство заметок на эту тему носит любительский характер, их аргументация довольно дилетантская (да и рассчитана на дилетантов). В основном она сводится к лозунгам «ВДВ — элита российской армии», «Не дадим уничтожить десант, который рано или поздно спасет Россию» и т. п. Появляются единичные публикации, в которых потребность российской армии в Воздушно-десантных войсках анализируется с точки зрения военного строительства, опыта применения ВДВ в настоящем и прошлом, характера угроз национальной безопасности, необходимой тактики действий в локальных конфликтах и пр.

Военнослужащие выступают не как носители конкретной профессии, а как обыватели, существующие при этом в некоем замкнутом мире. Более того, при попытке анализа авторы не стараются занять объективную точку

зрения и подгоняют факты под уже имеющуюся теорию (что, в принципе, нельзя назвать ошибкой). Так, по мнению одних авторов, опыт войн второй половины XX в. убедительно доказывает превосходство «мобильных сил» (читай — ВДВ) над «обычными». Другим авторам опыт тех же войн доказывает обратное. В реальности и те, и другие журналисты (эксперты) не утруждали себя подробным изучением, например, тактики ведения боевых действий ВДВ за указанный период.

Данный материал не ставит целью дать ответ на вопрос, нужны ли российской армии десантные войска и в каких количествах. Но практически полное отсутствие в прессе даже робких попыток взглянуть на тему профессионально говорит о многом.

Еще один важный фактор — большинство журналистов, пишущих на военные темы, находятся вне Вооруженных сил, рассматривают их как некую внешнюю, обособленную и иногда чуждую по отношению к «нормальному» обществу среду. Это частично связано и с определенного рода закрытостью, обособленностью армии как общественного института. Даже журналисты, бывшие в прошлом кадровыми военными, уходя в отставку, становятся в большей степени «работниками СМИ», чем «отставными офицерами».

На деятельность военных обозревателей, несомненно, оказывает влияние и позиция руководителей СМИ. Для них военная тема зачастую становится, выражаясь профессиональным языком, «проходной», «дежурной». Мотивация военных публикаций сводится к принципу «народ любит читать про военных».

В качестве яркого примера такого подхода можно назвать сезонный характер публикаций о ВДВ: в начале августа, в день профессионального праздника десантников практически все центральные и региональные СМИ любят публиковать «аналитическую» заметку о сложностях «крылатой пехоты». Такая «аналитика» обычно хорошо дополняет статьи о бесчинствах бывших десантников в городских парках культуры и отдыха.

Мотивация участников информационных кампаний

Информационные войны последнего десятилетия в бизнесе и политической жизни были достаточно эффективным инструментом давления на противников (конкурентов) и реализации изначально поставленных задач. Однако этого нельзя сказать о военных информационных кампаниях. Здесь достижения ведущих эти войны группировок были скромными, а результаты собственно публикаций — сомнительными.

Это объяснимо. Основной аудиторией медийных кампаний по военной тематике, без сомнения, являются властные структуры и персоналии — как чисто военные (Министерство обороны, Генеральный штаб), так и политические (администрация президента, правительство, парламент). Именно они способны принять и принимают нужные решения, и повлиять на них — главная задача публикаций.

При этом специфической чертой информационных кампаний в военной сфере является то, что их субъекты зачастую связаны между собой административными, а то и просто уставными отношениями. Эти рычаги влияния часто задействовались параллельно с пропагандистскими или в ответ на них. Роль публикаций в СМИ в формировании четких представлений по какому-то конкретному вопросу у лиц, принимающих решения, невелика. А ведь именно это рассматривается многими специалистами в качестве основной задачи информационных войн.

Тем более что формирование нужного общественного мнения (вторая по важности задача «штатских» информационных кампаний) в военной тематике практически не востребована. Сложно представить себе ситуацию, чтобы решения по военным вопросам принимались на основе общественных настроений.

К тому же в политической жизни и в бизнесе противостоящие группировки в большинстве случаев не входят в состав единой структуры, их взаимоотношения носят внешний характер. А военные являются в определенном смысле «монолитом», все они — служащие одной организации с вытекающими отсюда последствиями.

Таким образом, если в информационных войнах в сфере бизнеса противостоящие стороны зачастую не имеют других средств воздействия друг на друга, кроме публикации компроматов на конкурента, «сливов» и лоббирования во властных структурах, то в военных информационных кампаниях атакованная сторона может просто пренебречь чисто пропагандистскими технологиями и СМИ как их инструментом. Здесь органичнее аппаратный инструментарий.

В результате самодостаточное значение в пропагандистских действиях приобретает «вброс» нужной темы в любом ее виде, создание ситуации, при которой высокопоставленный чиновник, прочитав утренний обзор СМИ, просто не сможет не спросить у подчиненных: «Что же происходит с РВСН (ВДВ, генералом Шамановым и пр.)?»». Дальнейшее развитие ситуации и управление ею осуществляются чисто административными методами — «подковерной борьбой».

Это становится ясно и при изучении административных последствий информационных войн. Например, сокращение ВДВ, вызывавшее столько шумихи в прессе, все же было проведено. Причем в моменты реального сокращения количество публикаций об этом было существенно меньше, чем в предыдущие периоды. Аналогичная ситуация сложилась при переподчинении Воздушно-десантных войск главкомату Сухопутных войск — пресса практически не заметила эту структурную реформу, без сомнения, играющую важную роль в судьбе армии.

Уместно заметить, что чисто военные темы становятся поводом информационной войны в том случае, когда они приобретают политический характер и направлены вне Министерства обороны. Так, основной интерес СМИ к сокращению ВДВ был проявлен в октябре 1996 г. и в основном связан с личностью Александра Лебеда (занимавшего тогда пост секретаря Совета безопасности), который охотно и весьма резко комментировал соответствующие планы. Даже само намерение сократить ВДВ интерпретировалось журналистами как атака на А. Лебеда.

Аналогичная ситуация сложилась и в мае 1997 г., когда военная тематика стала актуальной в связи с чисто политическим решением президента России о снятии с постов министра обороны Игоря Родионова и начальника Генерального штаба Виктора Самсонова. Резкое заявление Бориса Ельцина в защиту десантников весной 1997 г., которое журналисты приписывают организованной ими кампании, было вызвано скорее политическими причинами и стало реакцией на оппозиционные заявления министра обороны.

Отдельные же попытки военных применить пропагандистские ходы в аппаратных интригах парировались успешными административными контр-ударами — здесь уместно вспомнить осень 1996 г., когда недовольный сокращениями десантных войск замкомандующего ВДВ генерал-майор Владимир Казанцев дал пресс-конференцию с критикой этого решения. На следующий же день он был снят с должности, отклика в прессе это не вызвало, а ВДВ были сокращены.

Можно вспомнить и войну газеты «Московский комсомолец» с коррупцией в Западной группе войск и с министром обороны Павлом Грачевым. Большое количество пафосных заметок по поводу ЗГВ не привело к громким процессам над расхитителями. Главная мишень информационной войны — командующий ЗГВ Матвей Бурлаков был назначен заместителем министра обороны, а потом тихо отправлен в отставку.

Аналогичным образом все обвинения в адрес П. Грачева в 1993—1995 гг. не привели к какому-либо административному результату, несмотря на ус-

пешно внедренный в общественное сознание миф о «Паше-Мерседесе» и существенное ухудшение имиджа министра. Информационная война закончилась тем, что главный редактор газеты Павел Гусев публично пожал руку П. Грачеву в эфире Московского телеканала в октябре 1995 г.

В отчетах менеджеров информационных кампаний подобные результаты обтекаемо характеризуются так: «Удалось привлечь внимание общественности к данной теме».

Следует отметить, что в данном случае имеется в виду информационная кампания по обвинению П. Грачева в коррупции. Война «Московского комсомольца» против Министерства обороны по поводу гибели журналиста Дмитрия Холодова не имеет отношения к рассматриваемой тематике. К тому же существенно, что эта «война» велась в суде (безуспешно для газеты), что накладывало ограничения на освещение проблемы в СМИ.

Взаимоотношения СМИ (журналистов) и аудитории

Как уже говорилось, общество и его институты (кроме властных) являются далеко не основной аудиторией военных информационных кампаний. Это объяснимо — военное строительство не зависит прямо от общественных настроений. Армия — замкнутая и самодостаточная структура, в которой к тому же не существует традиций «пиарить» свою деятельность. А ведь наличие школы обычного PR — необходимое условие для успешного ведения информационных войн. Справедливости ради надо сказать, что большинство армий мира мало занималось пропагандистским обеспечением своей деятельности, направленным «вовне», на общество и его институты. В частности, необходимость создания соответствующих служб в американской армии осознали только в 1970-х годах.

Налицо парадокс. С одной стороны, военная тематика представляется интересующей довольно большие слои населения. Про армию «любят читать». С другой — информация о сути происходящего в армии, путях ее развития, задачах Вооруженных сил мало востребована в обществе. Большинство читателей СМИ интересуется скорее бытовым аспектом, дающий возможность соотнести себя с героями публикаций, вспомнить собственную военную службу, ознакомиться с жизнью других людей, весьма отличающейся от их собственной.

Сложности возникают и с формированием в обществе устойчивых мифологем или их корректировкой. Как известно, это одна из целей любой информационной кампании. Однако большинство военных мифологем сложилось до 1991 г., и корректируются они весьма спонтанно. Так, никто все-

ръем не занимался созданием образа П. Грачева и его окружения как «команды профессионалов-афганцев», хотя внедрение подобного мифа могло бы способствовать улучшению имиджа первого российского министра обороны в кризисные моменты. Вместо этого достаточно спонтанно сложилась другая мифологема — про «Пашу-Мерседеса», человека в целом порядочного, но недалекого, покрывающего жуликов и обещающего «одним парашютно-десантным полком взять Грозный».

Единственным случаем успешного воздействия СМИ на общественное сознание следует признать кампанию по пропагандистскому обеспечению второй войны в Чечне осенью — зимой 1999 г. Однако здесь проблема носила не только военный, но и политический (общественный) характер. Кроме того, к ее решению были подключены мощные информационные структуры вне военного ведомства. Формирование в обществе нужных представлений о войне рассматривалось как важный фактор победы на выборах Владимира Путина. К тому же после неудач и грубых ошибок в пропагандистском обеспечении первой чеченской войны стало понятно, как важно правильно работать со СМИ.

Впрочем, к настоящему времени, после достижения первоначального результата кампания была пущена на самотек, и характер освещения военных действий в Чечне вновь становится критичным.

Востребованность военной тематики в обществе и у лиц, принимающих решения

Низкая эффективность информационных войн в военной сфере объясняется не только дилетантизмом авторов, слабой заинтересованностью противостоящих группировок и малым интересом общества. Эти факторы скорее вторичны. Главное же — невостребованность пропагандистских кампаний данной тематики у лиц, контролирующих масштабные финансовые и административные ресурсы.

Ведь именно интерес чиновников, политических деятелей и олигархов к информационным войнам как инструменту решения различных задач сделал их столь популярными в последнее десятилетие. Появлялись новые авторы (да и целые издания), пишущие на «востребованную» тему: общественный интерес постоянно подогревался, и процесс становился самовоспроизводящимся.

В военной тематике все оказалось наоборот. Отсутствие интереса у финансовых и административных олигархов снижает мотивацию авторов и руководителей СМИ. А сами военные, понимая низкую эффективность

пропагандистских кампаний, не используют их при решении своих задач, понимая, что сколько бы ни вышло «нужных» публикаций, проблемы это не решит. Общество, не получая нужной информационной «подпитки», относится к теме равнодушно.

Таким образом, отсутствие заказчика информационной кампании (войны) предопределяет ее «вялотекучесть», малое количество подключенных ресурсов (в том числе денежных) и, как следствие — низкую эффективность.

Но как только военная тематика приобретает политический или экономический характер, к ней сразу проявляют интерес политики, чиновники или бизнесмены. После этого обычно происходит количественный и качественный всплеск публикаций, и кампания приобретает классические черты информационной войны.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В СФЕРЕ ВПК РОССИИ

Руслан ПУХОВ

Основной задачей данной статьи является не столько описание информационных войн, которые велись вокруг предприятий военно-промышленного комплекса и торговли оружием, сколько попытка анализа их движущих сил, мотивации участников, эффективности и, самое главное, экономических, политических, имиджевых и социальных последствий их проведения.

Поэтому я ограничусь лишь самым поверхностным описанием выбранных для примера информационных войн, как они виделись не обладающему инсайдерской информацией читателю. Моя цель состоит в попытке сформулировать общие закономерности этих войн и оценить их общественное и политическое влияние.

Прежде следует описать среду, в которой эти войны происходили и которая, как будет видно из дальнейшего, отчасти сама провоцировала острые конфликтные взаимодействия на информационном поле ВПК.

Становление и развитие сообщества военно-промышленных журналистов

Становление и развитие сообщества журналистов, пишущих на тему военно-технического сотрудничества и военно-промышленного комплекса, тесно связано с ростом транспарентности в этих областях. В начале 1990-х годов торговля оружием и проблемы оборонной промышленности были вне зоны внимания журналистов и, соответственно, общества. Военно-техническая тематика присутствовала на страницах газет в основном в виде рассказов о различных видах российского оружия, причем повествование велось исключительно в мажорных тонах. Такой подход был унаследован еще с советских времен, когда в сознании общества, в том числе и журналистов, сформировался опасный миф о необыкновенных качествах советского оружия, которое провозглашалось непревзойденным и лучшим в мире. С одной стороны, такая бравада формировала у деморализованной нарастающими экономическими трудностями и очевидным политическим маразмом системы необходимое чувство гордости, тем более уместное, что на протяжении жизни двух поколений народ концентрировал сверхусилия для по-

строения мощного ВПК и армии. Но другая сторона медали состояла в том, что у общественности и даже специалистов сформировались столь же завышенные «военно-технические» ожидания, как это было накануне немецкого вторжения в СССР в отношении мощи Красной армии. Штамп «не имеющий аналогов, соответствующий лучшим зарубежным образцам, а по ряду параметров превосходящий их» стал современной калькой идиотского предвоенного лозунга о разгроме врага малой кровью на его территории.

Пожалуй, именно момент смены неоправданных восторгов на более спокойный и академичный тон можно считать началом формирования современного журналистского военно-технического сообщества. Важнейшую роль в этом сыграла серия статей Виктора Литовкина в «Известиях» под рубрикой «Новое оружие России». Это был первый случай, когда широкая общественность получила возможность из российских, а не зарубежных источников узнать хотя бы самые общие сведения о российском же вооружении. Годом позже, в 1994 г., эта тема была с успехом продолжена Валентином Руденко, который начал выпускать в газете «Красная звезда» тематические вклады «Русское оружие» и «Авиация России».

В 1996 г. эта линия была на гораздо более высоком профессиональном уровне поддержана журналом «Военный парад» и многочисленными авиационными журналами. В целом такая «техническая» тематика преобладала до середины 1996 г., а ее персональным символом можно назвать В. Литовкина.

Наступление следующего этапа формирования качественного журналистского сообщества оказалось связано с тремя обстоятельствами. Ставший в 1994 г. генеральным директором Государственной компании «Росвооружение» Александр Котёлкин начал активно общаться с журналистами, следствием чего стали бурный рост интереса к теме торговли оружием и ее транспарентности. В 1995—1996 гг. освещение проблематики военно-технического сотрудничества (ВТС) велось в тональности почти исключительно возбужденно-радостной, подавляющее большинство статей отличалось низким качеством, но именно в этот период сама тема торговли оружием оказалась введена в поле общественного интереса и дискуссий, что и создало предпосылки для формирования более профессионального сообщества журналистов. Главное, было снято табу на обсуждение, хотя бы весьма поверхностное, прежде абсолютно закрытой темы.

Еще одним фактором стал запуск в июле 1996 г. научно-технической редакцией ИТАР-ТАСС нового издания «Военно-техническое сотрудничество». Оно существует до сих пор и представляет собой еженедельный

дайджест российской и специализированной зарубежной прессы. Несмотря на ряд недостатков — неряшливый, а иногда и просто никуда не годный перевод иностранных источников, проблемность юридической чистоты самого дайджеста, некачественную селекцию при отборе материалов — еженедельник совершил настоящий информационный переворот, обеспечив профессиональное и околопрофессиональное сообщество качественной и дешевой иностранной информацией. Фактически именно появление «Военно-технического сотрудничества» создало принципиально новую информационную среду, в которой, собственно, и произошло формирование уникального журналистского сообщества, пишущего на тему ВТС и ВПК.

В 1997 г. возник неправительственный Центр анализа стратегий и технологий (АСТ), который, как мне хотелось бы надеяться, внес немалый вклад в формирование серьезной содержательной общественной дискуссии по вопросам ВПК и ВТС. Издаваемый Центром АСТ журнал «Экспорт вооружений» до сих пор является единственным научным изданием, регулярно публикующим аналитические статьи о торговле оружием и функционировании оборонных предприятий.

В 1996—1998 гг. уровень медийного обсуждения темы совершил скачок от эйфории по поводу успехов на рынке вооружений к весьма компетентному анализу проблем системы ВТС и ВПК России. В обсуждение темы втянулись качественные издания «Коммерсантъ», «Русский телеграф», «Деловые люди». На телевидении (сначала на канале ТВЦ, затем на ОРТ) вопросы ВТС и ВПК стал активно поднимать популярный правый обозреватель Михаил Леонтьев. Тогда же, в 1996—1997 гг., начавшиеся информационные войны имели следствием рост числа утечек из «Росвооружения» и других государственных органов. Этот информационный поток несколько извращенным образом, но все же способствовал дальнейшему росту прозрачности темы.

Этап собственно развития и взросления сообщества начался в 1999 г., и был связан с появлением единственной на сегодняшний момент независимой от российских групп влияния газеты «Ведомости». Если научно-техническая редакция ИТАР-ТАСС и Центр АСТ инициировали серьезную дискуссию по вопросам торговли оружием, то «Ведомостям» принадлежит заслуга рождения качественной национальной полемики о бизнес-процессах в оборонной промышленности. Кроме того, к 2001 г. «Ведомости» перехватили у ИТАР-ТАСС информационное лидерство. Если до этого момента основным источником информации о новых контрактах и поставках было государственное информационное агентство, то в 2001 г. и первой по-

ловине 2002 г. информация о всех крупных контрактах впервые была получена «Ведомостями».

В начале 2002 г. появились признаки наступления нового этапа в развитии соответствующего сегмента медиасообщества, который можно было бы назвать «стагнационным». Во-первых, стало очевидно, что органы власти начали кампанию по информационному закрытию темы ВПК и особенно ВТС. Источники, близкие к тогдашнему вице-премьеру по оборонным отраслям промышленности Илье Клебанову, официальные лица в «Рособоронэкспорте» и даже Министерстве иностранных дел в конце 2001 г. — начале 2002 г. стали посылать недвусмысленные сигналы об изменении информационной политики в области ВТС в сторону максимальной закрытости.

Летом 2002 г. появились сообщения о тотальном засекречивании ВТС между Россией и Китаем. Ранее Комитет по военно-техническому сотрудничеству получил право по своему усмотрению засекречивать любые сведения, относящиеся к этой области. Буквально все опрошенные мной журналисты сходятся во мнении, что начиная с поздней осени 2001 г. поток утечек из собственно государственных органов резко сократился. Впрочем, нет никакой уверенности, что импотентная российская бюрократическая машина сможет реализовать эту политику, не ограничившись проведением очередной бесплодной кампании. На фоне предупреждений и угроз, идущих из госорганов в адрес журналистов, газета «Ведомости» продолжала публиковать информацию о новых китайских заказах на системы ПВО С-300ПМУ-2 и подводные лодки класса «Kilo», а также впервые в истории предала гласности структуру российского экспорта вооружений по субъектам ВТС. По всей видимости, основным источником информации в период увеличения закрытости государственных органов стали промышленные компании и банковские структуры.

Второй особенностью новейшего периода развития военно-промышленного сообщества журналистов является заметный творческий застой в некоторых авторитетных изданиях. Так, кажется, полностью исчерпала себя идея «Военного парада», который все более напоминает сброшюрованный сборник рекламных флаеров различных предприятий. Единственной газетой, где все еще можно найти качественные материалы, является «Независимое военное обозрение».

В-третьих, впервые стал заметен новый феномен оттока наиболее способных журналистов из сферы, которая до сих пор была весьма привлекательной для амбициозных и талантливых перьев. Летом 2002 г. Михаил

Козырев, ставший после Виктора Литовкина и Николая Новичкова творцом третьей информационной революции в сфере ВПК и ВТС, перестал курировать в «Ведомостях» это направление, сосредоточившись на проблемах РАО ЕЭС, а позднее и вовсе ушел из журналистики. Практически не затрагивает военно-промышленную тему Михаил Леонтьев, хотя, казалось бы, мог удвоить активность с появлением программы «Другое время». Лишь обозреватель «НВО» Игорь Коротченко остался верен военно-технической тематике.

Процесс развития медиасообщества, освещающего проблемы ВПК и ВТС, можно, таким образом, формализованно представить в виде табл. 2.

Информационные войны в российской системе ВТС

Для выявления устойчивых закономерностей информационного противоборства в системе ВТС и ВПК необходимо дать краткое описание нескольких медийных войн. Нам представляется, что наиболее интересны три разнородные кампании в системе ВТС, которые происходили в 1996 г., 1997—1998 гг. и 2000 г. В качестве примера информационного противоборства в оборонно-промышленном комплексе будет описана война компроматов между «Северной верфью» и «Балтийским заводом», разгоревшаяся в декабре 2001 г. — апреле 2002 г. в связи с конкуренцией за китайский контракт на постройку эсминцев.

Основным сюжетом масс-медийных войн в системе ВТС являлись кампании по дискредитации руководителей основного государственного посредника по экспорту вооружений ГК «Росвооружение» (с ноября 2000 г. — «Рособоронэкспорт»). Все эти войны начинались накануне очередной кадровой перестановки в руководстве компании, иногда продолжаясь в течение двух-трех месяцев после ее проведения. Пожалуй, единственным исключением стала короткая и не слишком интенсивная перепалка по поводу передачи права на исполнение контракта на поставку ЗРК «Тор-М1» концерну «Антей».

В целом можно выделить следующие три наиболее крупные и острые информационные кампании:

- кампания средств массовой информации, контролируемых группой «Мост», против тогдашнего генерального директора «Росвооружения» Александра Котёлкина летом — осенью 1996 г.;
- интенсивная полемика в СМИ поздней осенью 1997 г. — весной 1998 г. относительно последствий отставки А. Котёлкина с поста генерального директора «Росвооружения»;

Развитие медиасообщества

Этап	Период	Доминирующая тема	Лидирующее СМИ	Лидирующая персона	Прочие СМИ, активно освещающие тему
«Оружейно-технический»	1992—1996 гг.	Описание ГТХ российских систем вооружений	«Известия», «Красная звезда»	Виктор Литовкин, Валентин Руденко	«Военный парад»
«Торговый»	1996—1999 гг.	Общественная дискуссия по вопросам военного технического сотрудничества, создание качественно новой информационной среды функционирования системы ВТС	Еженедельный дайджест ИТАР-ТАСС «Военно-техническое сотрудничество»	Николай Новичков	«Деловые люди», «Эксперт», «Коммерсантъ», «Российская газета», «Русский телеграф», ТВЦ, ОРГ, ТВ-6
«Промышленный»	1999 г. — весна 2002 г.	Качественное освещение вопросов реструктуризации ВПК, динамики собственности и государственной политики в оборонно-промышленном комплексе	«Ведомости», «Коммерсантъ»	Михаил Козырев	«Время новостей», «Эксперт», Агентство военных новостей

«Стагнационный»	Весна 2002 г. — настоящее время	Деградация ситуации в области транспарентности, атомизация журналистского сообщества, начало оттока из темы наиболее способных журналистов, кадровые репрессии в ИТАР-ТАСС, очевидный творческий кризис в ряде изданий, первые слияния и поглощения в военном секторе медиабизнеса	—	—	—
-----------------	------------------------------------	---	---	---	---

- яростная газетная кампания против генерального директора «Промэкспорта» Сергея Чемезова в сентябре — октябре 2000 г.

За исключением первой войны («Мост» против Котёлкина) обе других были вписаны в более сложные комплексные информационно-лоббистские операции, которые конкурирующие клановые группы вели за установление контроля над финансовыми потоками, генерируемыми экспортом вооружений.

«Мост» против Котёлкина

Во всех трех больших информационных войнах «Росвооружение» бесспорно являлось центральным элементом противоборства. Обладая большими финансовыми ресурсами, руководство компании в течение 1994—1995 гг. создало относительно профессиональную пресс-службу (позже — службу по связям с общественностью) и сообщество дружественно настроенных журналистов во всем спектре СМИ — электронных, деловых газетах и журналах и даже бульварных изданиях. Наиболее тесные связи руководство компании установило с ТВ-6, ежемесячным журналом «Деловые люди», ключевыми журналистами в «Коммерсанте» и «Независимой газете» (позже — в «Независимом военном обозрении»). Помимо достаточных ресурсов благоприятной медиатизации «Росвооружения» способствовала личность ее директора, обладавшего несомненными харизматическими качествами и придававшего большое значение работе по строительству корпоративного имиджа. Работа эта облегчалась еще и тем обстоятельством, что в 1995 г. и 1996 г. экспорт вооружений интенсивно рос.

Совокупность указанных факторов предопределила результат — к середине 1996 г. сложился практически идеальный образ «Росвооружения». Более того, бурная мифотворческая деятельность развернулась и вокруг личности генерального директора. Обозреватель газеты «Коммерсантъ» Наталия Геворкян запустила в массовое сознание термин «kotelkin's», который вроде бы обозначал новые эффективные методы личного воздействия генерала на продвижение оружия за рубеж.

На этом безоблачном фоне резким диссонансом прозвучал ряд статей военного обозревателя газеты «Сегодня» Павла Фельгенгауэра, в которых руководство «Росвооружения» обвинялось в неадекватном представлении истинных успехов, воровстве и заносчивости. Кампания началась в августе 1996 г. и продолжалась до апреля 1997 г. Характерно, что атаки проводились исключительно газетой «Сегодня» и исключительно П. Фельгенгауэром, канал НТВ тематику торговли оружием не затрагивал. Руководство и пресс-служба компании впервые столкнулись с организованным долго-

временным негативным информационным давлением и весьма нервно реагировали на удары. Хотя атака носила весьма ограниченный характер, она произвела большое впечатление и впервые сняла табу с критического освещения деятельности «Росвооружения».

Интересно отметить, что война П. Фельгенгауэра разворачивалась на фоне радикального аппаратного ослабления А. Котёлкина. Исторически генерал был связан с клановой группой главы службы безопасности президента Александра Коржакова, уволенного в июне 1996 г. и интенсивно конкурировавшего с премьером Виктором Черномырдиным. Первые попытки увольнения А. Котёлкина были предприняты В. Черномырдиным сразу после отставки А. Коржакова, однако в защиту главы «Росвооружения» резко выступил генерал Лебедь, назначенный после первого тура президентских выборов секретарем Совета безопасности. С учетом этого весьма негативного для компании политико-аппаратного контекста локальный характер атаки П. Фельгенгауэра весьма примечателен. Журналистское сообщество в подавляющем большинстве сохранило весьма дружественный тон в отношении «Росвооружения» и А. Котёлкина. Эта же ограниченность удара свидетельствует и том, что Владимир Гусинский и П. Фельгенгауэр ставили перед собой не решительную тотальную задачу увольнения генерала (в этом случае была бы задействована «тяжелая артиллерия» «Моста» — канал НТВ и Евгений Киселев), а ограниченную цель. Скорее всего, она заключалась во вхождении Мост-банка в число уполномоченных для работы со счетами «Росвооружения» банков.

Возможно, параллельно В. Гусинский выполнял обязательства перед В. Черномырдиным, который способствовал кредитованию канала НТВ «Газпром». В числе других причин информационного давления на «Росвооружение» могла быть также реакция еврейского лобби в России на возможные контакты компании с арабскими странами, являющимися наиболее решительными военно-политическими оппонентами Израиля на Ближнем и Среднем Востоке. Во всяком случае, сам П. Фельгенгауэр никогда не скрывал своего предельно негативного отношения к генералу Котёлкину, хорошо известному своим демонстративным православием и жертвованиями на церковь.

Об ограниченном характере атаки свидетельствует и ее окончание без видимых решительных успехов. В апреле 1997 г. А. Котёлкин дал интервью Е. Киселеву в программе «Герой дня» на канале НТВ. Корректные вопросы Е. Киселева и общий благожелательный тон интервью, равно как прекращение выпадов П. Фельгенгауэра в газете «Сегодня» свидетельст-

вовали, что В. Гусинский и А. Котёлкин нашли *modus vivendi*, о конкретных формах которого мы можем лишь догадываться. Во всяком случае, нет никакой открытой информации, которая свидетельствовала бы о предоставлении Мост-банку статуса уполномоченного банка «Росвооружения».

Облава на Ананьева

В подавляющем большинстве средства массовой информации с нескрываемой враждебностью встретили назначение на пост генерального директора «Росвооружения» Евгения Ананьева, бывшего до этого главой МАПО-банка. Этому способствовали три обстоятельства. Во-первых, симпатии журналистского сообщества сохранялись за харизматическим А. Котёлкиным, который, уйдя с поста генерального директора «Росвооружения», сохранил необходимые для активной медиаигры финансовые и аппаратные ресурсы. Во-вторых, сам Е. Ананьев не сумел найти правильный тон в общении с наиболее влиятельными журналистами. Вероятно, самой его большой неудачей стала попытка давления на обозревателя издательского дома «Коммерсантъ» Илью Булавинова. После общения И. Булавинова с Е. Ананьевым газета «Коммерсантъ», до этого момента вполне нейтральная, взяла в отношении «Росвооружения» позже ставшую для нее характерной язвительно-ироничную интонацию. Надо сказать, что ответственность за провал попытки наладить дружественный контакт Е. Ананьева с журналистским сообществом несет пресс-служба «Росвооружения», которую в декабре 1997 г. покинул ее бывший руководитель Валерий Погребенков, имевший широкие связи в СМИ и пользовавшийся среди журналистов большим авторитетом и уважением. Наконец, в-третьих, неблагоприятный информационный тон создали уже сами обстоятельства внезапной для внешнего наблюдателя и оскорбительной по форме отставки А. Котёлкина во время проведения третьего Московского авиакосмического салона.

Пионером антиананьевской кампании стал журнал «Деловые люди», опубликовавший в декабре 1997 г. специальное досье к авиационному и морскому салону, проходившему на острове Лангкави в Малайзии. В досье прогнозировалось падение экспорта вооружений, а само это падение напрямую связывалось с личностью Е. Ананьева. Кроме того, в статьях содержались невразумительные намеки на коррупционную деятельность МАПО-банка и аффилированного с ним Алишера Усманава. Публикация этих и других статей вызвали увольнение В. Погребенкова и судебное разбирательство госкомпании и «Деловых людей». Ответом стали выпады против А. Котёлкина в «Российской газете», «Труде» и других изданиях, со-

державшие стандартный набор обвинений в коррупции и манипулировании статистикой экспорта вооружений в бытность его генеральным директором «Росвооружения».

В феврале 1998 г. на медийном поле, связанном с оборонной промышленностью и системой ВТС, появился новый крупный игрок — Михаил Леонтьев, который в то время являлся ведущим программы «На самом деле» на канале ТВ-Центр. Тональность комментариев М. Леонтьева в отношении действующего руководства «Росвооружения» отличалась уважительной корректностью, в то время как в адрес А. Котёлкина делались ироничные замечания. Интенсивная перепалка в прессе продолжалась до весны 1998 г., когда с отставкой В. Черномырдина военно-техническая проблематика оказалась почти полностью вытесненной сюжетами, связанными с формированием нового кабинета Сергея Кириенко, а затем — стремительно ухудшавшимся валютно-финансовым положением страны.

Информационная война против Е. Ананьева сильно отличалась от антикотелкинских выпадов П. Фельгенгауэра. Во-первых, по всей видимости, в этой кампании ставились решительные цели его тотальной дискредитации и устранения с поста генерального директора. Во-вторых, скорее всего, антиананьевская война стала гораздо более ресурсозатратной, поскольку продолжалась дольше и была гораздо более интенсивной. При этом полученные результаты оказались поразительно далекими от поставленных целей. Хотя Е. Ананьев вошел в историю «Росвооружения» как, вероятно, самый непопулярный из пяти ее генеральных директоров, никакие активные информационные мероприятия его аппаратных конкурентов не внесли в создание этого негативного имиджа такого вклада, как он сам и его беспомощная пресс-служба. Конъюнктурное снижение объемов экспорта вооружений, ряд непопулярных мер внутри компании, резкое ухудшение ее экономического положения после дефолта в августе 1998 г., наконец, неумение и нежелание нравиться журналистам — вот главные причины формирования отвратительного имиджа, а не выступления «Деловых людей» и других СМИ.

Снятие Е. Ананьева с поста генерального директора произошло в ноябре 1998 г. и было произведено под влиянием первого вице-премьера Юрия Маслюкова в новом правительстве Евгения Примакова. Масс-медийная кампания осени 1997 г. — весны 1998 г. не оказала на это кадровое решение ровным счетом никакого влияния. После отставки Якова Уринсона, бывшего главным аппаратным патроном Е. Ананьева, оно было неизбежным и рано или поздно состоялось бы вне зависимости от газетных публикаций.

СМИ против Чemezова: mission impossible

Назначение на пост генерального директора «Росвооружения» Григория Рапоты имело следствием долгий период масс-медийного затишья вокруг системы ВТС. С ноября 1998 г. по август 1999 г. не заключались крупные контракты, не было трансфертов чувствительных систем вооружений. Не стало предмета медийных войн, даже количество информационных поводов сократилось до крайне низкого уровня. Несмотря на падение объемов экспорта вооружений, СМИ не высказывали ни враждебности, ни особой приязни к новому руководителю. Невыразительный во всех отношениях, этот период стал словно репетицией того состояния, к которому госслужбы пытаются привести информационную среду вокруг ВТС в настоящее время. В обстановке этого застойного спокойствия весьма заметной стала откровенно «наездная» статья в «Парламентской газете», критиковавшая профессиональную некомпетентность Г. Рапоты и некоторые его кадровые решения. Теперь уже невозможно сказать, была ли эта статья единичным эпизодом информационной подготовки его смещения (т. е. превентивным действием) или ее заказал кто-то из отставных топ-менеджеров «Росвооружения», уволенных Г. Рапотой.

Даже если реальности соответствует первая гипотеза, следует подчеркнуть, что отставка Г. Рапоты произошла практически без предварительной массовой медийной подготовки. Более того, весьма вероятно, что вся операция по его смещению была проведена скрытно не только для журналистов, но и для значительной части правительственных чиновников и работников администрации президента. Напомним: кадровый переворот в «Росвооружении» готовился в период действия правительства Сергея Степашина, который был абсолютно не в состоянии противостоять интенсивной кадровой экспансии «Семьи». Новым руководителем «Росвооружения» стал Алексей Огарев, которого общественное мнение устойчиво связывало с дочерью Б. Ельцина Татьяной Дьяченко. Однако истинный расклад сил в «Росвооружении» стал ясен лишь спустя несколько недель, когда журналисты с удивлением обнаружили возвращение в компанию команды Александра Котёлкина. Сам генерал был назначен на должность главного советника по маркетингу. Изумительная по эффективности кадровая спецоперация упоминается здесь именно потому, что она была проведена не просто без всякого медийного прикрытия, но в глубокой тайне от журналистов и значительной части госаппарата.

Новая, самая ресурсоемкая и продолжительная информационная война также оказалась связанной с ожесточенной клановой и институциональной конкуренцией за обладание постом генерального директора «Росвооружения». К весне 2000 г. четко обозначилось непримиримое противостояние старокремлевской «семейной» группы, контролировавшей «Росвооружение», и «немецко-чекистской» фракцией новейшего ближайшего окружения избранного к этому времени президентом Владимира Путина, которая создала плацдарм в «Промэкспорте». Поначалу основной идеей, продвигавшейся «Росвооружением», был акцент на успехи компании, которая в 1999 г. впервые с 1997 г. увеличила объемы экспорта вооружений. Затем стали появляться комментарии, смысл которых сводился к необходимости ликвидировать внутреннюю конкуренцию между двумя госпосредниками по торговле оружием. Весной — летом 2000 г. «Промэкспорт» не проявлял заметной медийной активности. Однако осведомленные источники в одной из военно-промышленных компаний считают, что руководство «Промэкспорта» в это время предпринимало безуспешные попытки разместить дорогостоящие материалы, дискредитирующие А. Котёлкина, в западной прессе.

В сентябре медленно нараставшее в течение лета напряжение прорвалось бурной газетной кампанией, мишенью которой стал глава «Промэкспорта» Сергей Чемезов. Основной упор в статьях делался на его непрофессионализм, который якобы явился причиной снижения объемов экспорта по линии «Промэкспорта» в 1999 г. и 2000 г. Говорилось также о финансовых махинациях С. Чемезова на предыдущем месте работы. Античемезовская кампания по интенсивности и скоротечности значительно превосходила растянутую во времени информационную войну против Е. Ананьева. Если выпады против последнего были локализованы в основном в рамках одного журнала «Деловые люди», то война против С. Чемезова отличалась большим размахом и разнообразием средств — сетевых, электронных, газет и журналов.

Вне всякого сомнения задачей яростной медийной атаки на С. Чемезова стала попытка сорвать приход его команды к руководству в новом объединенном государственном посреднике, факт подготовки документов по которому скорее всего был известен «семейному» руководству «Росвооружения».

Известно, что хотя С. Чемезов и его команда сохраняли уверенность в неизбежности благоприятных для них кадровых решений, интенсивность кампании вызвала у них серьезное беспокойство. При этом надо заметить, что предпринятые ими ответные шаги состояли в проведении ряда закулисных встреч с наиболее влиятельными из участвующих в античемезовской

кампании журналистов. Собственно в СМИ ответных материалов не появлялось, что только усиливало у противной стороны чувство безысходности и потерянности.

2 ноября главный советник по маркетингу Александр Котёлкин подал в отставку со своего поста. За сутки до этого генеральный директор «Росвооружения» Алексей Огарев получил аудиенцию у главы государства, в ходе которой у него сложилось впечатление, что отставка А. Котёлкина обеспечит ему сохранение поста еще по крайней мере на несколько месяцев. По окончании встречи был устроен небольшой закрытый брифинг для журналистов, на котором, по словам присутствовавших там, А. Огарев был в приподнятом настроении.

Однако 4 ноября был обнародован указ о слиянии «Росвооружения» и «Промэкспорта» в единую компанию «Рособоронэкспорт», генеральным директором которой стал первый заместитель С. Чемезова в «Промэкспорте» Андрей Бельянинов. Сам С. Чемезов стал первым заместителем руководителя новой компании. Выходцы из политической разведки доказали, что способны проводить кадровые спецоперации не хуже своих коллег из ГРУ. Как и в момент августовского кадрового переворота в 1999 г., атакующая команда практически не вела никакой подготовительной работы с масс-медиа. Исключение составили лишь не слишком успешные встречи с наиболее влиятельными журналистами, причем с целью их временной нейтрализации, а не вербовки союзников.

Античемезовская кампания, самая интенсивная и, вероятно, самая дорогостоящая за всю историю информационных войн в системе ВТС, не принесла инициаторам никакого выигрыша. Вероятно, само ее проведение было уже жестом отчаяния группы, осознавшей собственное аппаратное бессилие перед лицом необратимо надвигающейся катастрофы. Напротив, уверенная в своих силах команда С. Чемезова совершенно игнорировала СМИ как инструмент достижения поставленных целей. Именно эта масс-медийная кампания показала предельную ограниченность информационных войн как механизма достижения решительных целей в аппаратной борьбе.

Битва за эсминцы

Наиболее ярким и свежим примером информационного противоборства в оборонно-промышленном комплексе является война компроматов, которая развернулась между владельцами петербургских верфей «Северная верфь» и «Балтийский завод» в связи с конкуренцией за право выполнить китайский контракт на постройку двух эсминцев проекта 956МЭ общей стоимо-

стью 1,4 млрд долл. Первый подобный заказ был размещен Военно-морскими силами НОАК еще в 1997 г., и его исполнителем стала «Северная верфь». В декабре 2000 г. это предприятие, контрольный пакет акций которого к этому времени перешел к холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции» (НПК), завершило выполнение контракта. Тогда же началась интенсивная предконтрактная работа по второму траншу подобных, но модернизированных кораблей. У сторонних наблюдателей не возникало сомнений в том, что исполнителем нового контракта останется «Северная верфь», поскольку еще в апреле 2001 г. именно это предприятие было определено Агентством по судостроению в качестве исполнителя будущего контракта. Похоже, в самой НПК примерно до октября — ноября 2001 г. существовала спокойная уверенность в скором получении заказа. Первые признаки беспокойства возникли в декабре 2001 г.

Новогодний мертвый сезон был взорван первым залпом начавшейся информационной войны. Руководитель фракции «Единство» в Государственной думе Владимир Пехтин сделал парламентский запрос относительно корректности расчетов компании НПК с федеральным бюджетом за использование в интересах выполнения первого контракта недостроенных еще с советских времен эсминцев, корпуса которых стояли на «Северной верфи». Тема запроса немедленно была подхвачена каналом ТВЦ, который, как предполагается, политически связан с группой петербургских выходцев из спецслужб. Поскольку в конце декабря о подписании нового контракта еще ничего не было известно, а в публикациях упоминался Михаил Касьянов, создавалось ощущение (скорее всего, не вполне ложное), что атака направлена именно против премьера.

То, что запрос В. Пехтина и передачи ТВЦ являлись первыми информационными атаками против «Северной верфи», стало ясно только 3 января 2002 г., когда «Рособоронэкспорт» в специальном пресс-релизе сообщил о подписании контракта стоимостью 1,4 млрд долл. на поставку в КНР второго транша эсминцев. При этом следует учесть, что «Рособоронэкспорт» очень редко обнародует информацию о подписании новых контрактов. Официальное заявление для прессы о заключении сделки с Китаем вообще является беспрецедентным. Далее последовало еще несколько публикаций, где по-прежнему обсуждалась поднятая в запросе В. Пехтина тема неполного погашения стоимости использованных эсминцев.

19 января комиссия, в состав которой входили представители КВТС, «Россудостроения», Минобороны и «Рособоронэкспорта», решила передать исполнение контракта на «Балтийский завод». Это решение было весь-

ма критически прокомментировано прессой. На протяжении февраля — марта в СМИ продолжали периодически появляться комментарии с комментарием на НПК. При этом сама НПК не проявляла значительной видимой активности на медиаполе. Можно предположить, что ответными действиями этой компании стало размещение нескольких компрометирующих материалов о бывшем вице-премьере Алексее Большакове, который, как считается, тесно связан с владельцем контрольного пакета «Балтийского завода» группой ИСТ. Кроме того, колоссальный ущерб отношениям «Балтзавода» с руководством ВМФ нанесла статья «Новой газеты» «Адмирал в джакузи», где атаке был подвергнут главком ВМФ Владимир Куроедов. В главкомате ВМФ установилось мнение, что заказчиком статьи явился «Балтзавод», представители которого упорно отрицали свою причастность к ее появлению. Между тем единственной стороной, выигравшей в результате кризиса отношений между военными и «Балтзаводом», стала именно компания НПК. Впрочем, нет и не может быть доказательств причастности пресс-службы НПК к размещению антикуроедовской статьи. Если же таковая все же была инициирована НПК, этот ход нельзя не признать дешевым, но ошеломляюще эффективным ответом на удары группы ИСТ (руководитель пресс-службы НПК категорически опроверг причастность НПК к появлению статьи «Адмирал в джакузи»).

Пока в масс-медиа происходил обмен ударами, основные события разворачивались на административном поле. 18 февраля 2002 г. последовала внезапная полутставка Ильи Клебанова, который был уволен с должности вице-премьера, но сохранил при этом пост министра промышленности, науки и технологий. Поскольку принято считать, что И. Клебанов лоббировал интересы «Балтийского завода», его понижение было воспринято как признак усиления шансов НПК на реванш. И действительно вскоре последовал пересмотр решения в пользу «Северной верфи», а 5 апреля это предприятие и «Рособоронэкспорт» подписали договор комиссии, означающий почти окончательное закрепление за ней китайского заказа. В этот момент казалось, что компания НПК отразила сосредоточенные атаки группы ИСТ, которую поддержали министр И. Клебанов, а по некоторым признакам и близкий к президенту С. Чемезов.

В июле, однако, стало ясно, что борьба вокруг НПК не только не окончена, но переведена в другую плоскость. 5 июля арбитражный суд в Санкт-Петербурге обязал «Северную верфь» выплатить государству 603 млн долл. — всю сумму первого китайского контракта — за использованные при выполнении заказа корпуса советской постройки. Если данное ре-

шение будет проведено в жизнь, это будет означать банкротство «Северной верфи» и свертывание деятельности НПК. Впоследствии следует ожидать национализации «Северной верфи» или ее продажи, вероятнее всего, группе ИСТ. Таким образом, конкуренция за китайский контракт трансформировалась для главы НПК Бориса Кузюка в борьбу за сохранение прав собственности на «Северную верфь».

Как и в описанных выше случаях информационных войн в системе ВТС, главный фронт противоборства проходил в кабинетах государственных органов. СМИ использовались атакующей стороной для придания проблеме максимальной огласки. Ответные действия НПК просматриваются с большим трудом, что само по себе говорит об их более высоком качестве и, вероятно, более высокой эффективности. Вообще «война за эсминцы» отличается повышенной плотностью дезинформационных мероприятий и умолчаний. Так, с самого начала кризиса пресс-службы трех наиболее вероятных инициаторов атаки против НПК («Балтийского завода», «Рособоронэкспорта» и И. Клебанова) настойчиво отрицали свою причастность к войне. Похоже, что и в атакуемой НПК тоже не сразу идентифицировали противников. Так, некоторое время в НПК предполагали, что источником нападения может быть завод «Янтарь» и связанный с этим предприятием Межрегиональный инвестиционный банк, который, кстати, получил богатый опыт проведения комплексных лоббистско-юридических и медийных операций в ходе затяжной войны с Госинкомом за Московский вертолетный завод.

Масштабы задействованных в ходе кампании ресурсов (считается, что организация депутатского запроса главой самой крупной фракции Госдумы представляет собой проект стоимостью несколько сотен тысяч долларов), растерянность и непонимание ситуации даже среди некоторых участников нападающего альянса косвенно свидетельствуют о том, что в реальности столкновение между ИСТ и НПК явилось проекцией конфликта более высокого порядка. Скорее всего, оно стало отражением обострившейся как раз осенью 2001 г. конкуренции между новыми элитными группами (которые традиционно связываются в общественном сознании с выходцами из Санкт-Петербурга и спецслужб) и старым «семейным» истеблишментом. Во всяком случае, один из участников конфликта высказал впоследствии предположение, что конфронтация НПК и группы ИСТ была спровоцирована как часть более широкой борьбы «питерских» и «старомосковских».

Как и в описанных выше случаях (табл. 3), внешнее впечатление заключается в том, что проигравшей (а таковой по состоянию на середину октября 2002 г. все-таки формально остается группа ИСТ, упустившая контракт)

оказалась сторона, более активно действовавшая на медийном поле. Это может подтверждать высказанную ранее гипотезу, что более слабый в лоббистском отношении участник конфронтации пытается компенсировать ресурсный дисбаланс за счет привлечения СМИ. Однако июльские события доказывают, что против НПК действуют весьма могущественные (в том числе и в лоббистском отношении) силы. Другой вопрос, в какой степени эти силы (например, генеральный прокурор В. Устинов и министр И. Клебанов) отражают интересы ИСТ, а в какой — интересы реваншистской бюрократии, взявшей курс на ренационализацию ВПК. Другая возможность заключается в том, что более активная медийная игра группы ИСТ — всего лишь видимость, и НПК столь же масштабно, но гораздо более скрытно и эффективно применяла медийное оружие. Примером такого рода игры может быть статья «Адмирал в джакузи», появление которой, приписанное «Балтийскому заводу», нанесло сокрушительный удар по отношениям Олега Шуляковского и Владимира Куроедова.

Некоторые итоги информационных войн в системе ВТС

Две большие информационные войны вокруг системы ВТС велись с целью достижения тотальной кадровой победы. В первом случае стремились дискредитировать и сместить с поста Е. Ананьева, во втором — не допустить недружественного захвата «Росвооружения» командой из «Промэкспорта». Результаты обеих войн четко свидетельствуют о том, что средства массовой информации как инструмент достижения целей такого рода абсолютно неэффективны. Инициатором войн каждый раз становилась сторона, которая не могла решить свои задачи методами традиционного аппаратного лоббирования. Напротив, уверенная в своем бюрократическом и клановом превосходстве сторона не прибегала к услугам СМИ.

По-иному обстоит дело, когда инициаторы медийной атаки ставили перед собой цели ограниченные. В этом случае ущерб, наносимый в результате систематического медийного давления, превышал размеры уступок по частному вопросу, и рациональный расчет стимулировал атакуемого пойти навстречу организатору информационного рэкета.

Поразительно, но осознание этих фактов совершенно не снижало интенсивности работы пресс-службы «Росвооружения» в интересах проведения именно внутренних информационных войн. Первые признаки переориентации внимания службы по связям с общественностью «Рособоронэкспорта» стали появляться лишь в конце 2001 г., после долгого и продолжительного затишья на внутрироссийском информационном фронте. Тогда в

Таблица 3

Формализованное представление наиболее крупных информационных войн

Название в тексте	Цель информационной атаки или предмет конфликта	Участники	Ключевые СМИ	Оценка эффективности информационной атаки
«Мост» против Котёлкина	Получение Мост-банком статуса уполномоченного банка «Росвооружения». Давление на руководство «Росвооружения» с целью заблокировать ВТС с арабскими странами	Группа «Мост» против пресс-службы «Росвооружения»	Газета «Сегодня»	Высокая
Облава на Ананьева	Дискредитация и снятие с поста генерального директора «Росвооружения» Евгения Ананьева	Александр Котёлкин против пресс-службы «Росвооружения»	«Деловые люди», канал ТВ-6, «Коммерсантъ», «Груд», «Российская газета»	Низкая
СМИ против Чемезова	Дискредитация Сергея Чемезова, блокирование недружественного поглощения «Росвооружения» «Промэкспортом»	«Росвооружение» против «Промэкспорта»	«Новая газета», «Время МН», ОРТ	Нулевая
Битва за эсминцы	Конкуренция группы ИСТ и холдинговой промышленной компании НПК за право выполнить контракт на постройку двух эсминцев для ВМС КНР	Группа ИСТ против НПК	Канал ТВЦ, «Новая газета», электронные СМИ	Конфликт не разрешен, оценка эффективности невозможна

штате службы по связям с общественностью стала расти доля персонала со знанием восточных языков, а работники, вовсе не владеющие иностранными языками, начали покидать службу. В 2001 г. были проведены первые нашумевшие информационные и медийные мероприятия «Рособоронэкспорта» за рубежом.

Имеется лишь одно объяснение этой абсурдной на первый взгляд приверженности внутрироссийским информационным войнам, ничего не дававшим, более того, лишь мешавшим выполнению прямой работы компании по продвижению вооружений и военной техники на экспорт. В течение долгого времени между журналистами и руководителями пресс-служб и служб по связям с общественностью «Росвооружения» и ряда оборонно-промышленных компаний фактически сложился неафишируемый консенсус по поводу необходимости бесконечной пролонгации и обострения информационных войн или хотя бы поддержания постоянного напряжения. Фактически глава службы по связям с общественностью одной из оборонно-промышленных компаний, которая на протяжении нескольких лет отбивала информационные атаки конкурентов, цинично признавался, что если бы этих конкурентов не было, их следовало бы выдумать. Надо также отметить, что после прекращения войны бюджет этого руководителя значительно сократился.

Таким образом, участвуя в информационных войнах, руководители пресс-служб увеличивают свой аппаратный вес, допускаются к первому лицу в компании и к ресурсам «черного нала». Журналисты, помимо получения доступа к эксклюзивной информации, становятся главными потребителями ресурсов. Похоже, иногда газетные статьи не имеют других адресатов и читателей кроме руководства пресс-служб и конкурирующих за распределяемые этим руководством суммы журналистов.

Следует отметить, что информационные войны в сфере ВТС и ВПК нанесли колоссальный ущерб и без того неважному зарубежному имиджу России, ее высокотехнологичной продукции, в том числе и военного назначения. Их проведение усиливало образ российской экономики как хаотичной структуры без правил, а системы ВТС — как предельно коррумпированного сектора госуправления. Некоторые из войн были весьма затратными и значительно увеличивали транзакционные издержки, хотя их уровень не идет ни в какое сравнение с расходами на то, что в России называется лоббистской деятельностью.

Для достижения непосредственных целей в конфликтах информационные атаки имели хотя бы минимальный смысл только в тех случаях, когда они являлись составной и осмысленной частью неизмеримо более сложных

операций. В ходе таких операций основные усилия сосредоточивались в юридической и аппаратно-бюрократической области. В этом смысле наиболее эффективные информационные атаки — те, которые вообще не воспринимаются как часть масс-медийной войны и где журналистов используют «втемную». Истинной целью таких операций является дезинформация или устрашение имеющих отношение к конфликту акторов, причем далеко не всегда — непосредственно противника. Как показывают рассуждения об антикуроедовских выступлениях прессы, иногда весьма полезным может быть и удар по союзникам или даже по себе, если только он проведен достаточно скрытно. Мне лишь однажды пришлось наблюдать, как искусно организованная серия дезинформаций в прессе деморализовала миноритарных акционеров, которые до этого агрессивно блокировали создание одной интегрированной оборонно-промышленной компании.

Нанесшие значительный имиджевый ущерб информационные войны в системе ВТС и ВПК имели и определенный положительный общественный эффект. Прежде всего он состоит в непреднамеренном росте прозрачности обеих этих областей. Кроме того, в условиях развала академической и в значительной степени прикладной науки сформировавшееся к концу 2001 г. журналистское сообщество, повторяю, весьма компетентное и, на мой взгляд, просто не имеющее зарубежных аналогов, до некоторой степени стало выполнять функции, которые в США и Европе возложены на многочисленные неправительственные или полуправительственные экспертные группы. Важнейшей из них является независимая от ведомственных интересов рефлексия. В этом смысле масс-медийные конфронтации стали извращенным, но, видимо, в специфических российских условиях единственно возможным инструментом создания вполне определенного сегмента гражданского общества.

Перспективы развития оборонно-промышленного медиасообщества

По состоянию на конец 2002 г. невозможно сказать, как военно-промышленное сообщество переживет нынешний кризис.

Оптимистический сценарий мог бы состоять в том, что после некоторого периода стагнации начнется глубокая перестройка его институциональной и персональной конфигурации. Собственно, первые признаки такой интеграции появились еще осенью 2001 г., когда стало известно о покупке информационным агентством «Интерфакс» Агентства военных новостей и о создании нового подразделения «Интерфакса» — «Интерфакс-АВН».

Это слияние демонстрирует один из возможных выходов из сегодняшнего застоя — консолидацию людей и СМИ в более крупные, в идеале — диверсифицированные структуры, включающие в себя информационные (лента новостей) и аналитические подразделения, сетевые и печатные медиаресурсы. В сообществе активно обсуждается возможность создания российской копии группы «Jane's», ходят слухи о проработке идеи формирования некоего информационно-медийно-аналитического холдинга на базе ИТАР-ТАСС. Наконец, уже более года циркулирует идея о необходимости качественной военной и военно-промышленной телевизионной программы. Вероятнее всего, создание таких интегрированных медийных групп невозможно без активного участия государства. Кроме того, требует решения проблема нахождения оптимального баланса между открытостью информации и недопущением ущерба коммерческим интересам российских экономических субъектов и интересам военной безопасности, за которую несет ответственность государство.

Основные риски для развития ситуации по данному сценарию заключаются в продолжающейся политической маргинализации и технологической деградации ВПК. Качественный рост журналистского сообщества не может продолжаться в условиях дряхлеющего развала самого российского ВПК, который до сих пор представляет собой неструктурированную совокупность производственных площадок и КБ, в большинстве своем находящихся под бюрократическим управлением ужасающего качества. Руководители предприятий очень редко представляют себе работу с прессой чем-то отличным от размещения заказных материалов, дискредитирующих конкурентов или восхваляющих собственную организацию. На многих заводах и КБ не пройден даже этап личного «пиара» руководителей. В этом случае работа с прессой и вовсе ограничивается размещением интервью директора, сопровождающимся непременно фотографией его самого с красным лицом, беседующего по телефону неизменно белого цвета.

Сейчас в оборонно-промышленном комплексе России насчитывается не более пяти-шести экономических субъектов, менеджмент и PR-службы которых доросли до понимания информационной работы как сложной деятельности по формированию позитивного имиджа и репутации компании, которые самым непосредственным образом влияют на ее капитализацию и доступ к инвестиционным ресурсам. Собственно журналистское сообщество в этом смысле является гораздо более готовым к такого рода работе. Именно отсутствие новых вызовов и является главной причиной начавшегося оттока в другие сферы или снижения активности наиболее способных

журналистов. В этом смысле отдельные журналисты, да и до известной степени все сообщество в целом берут на себя стимулирующую функцию, инициируя развитие служб по связям с общественностью.

Пессимистический и более вероятный сценарий предполагает дальнейшую организационную стагнацию и вытекающую из этого технологическую деградацию ВПК, который на фоне реформированных отраслей экономики будет превращаться в заповедник социализма, управляемый преимущественно некомпетентными и коррумпированными бюрократами. Реализация этого мрачного сценария означала бы как быстрое угасание самого ВПК, так и активизацию процесса вырождения оборонно-промышленного медиа-сообщества, которое во все возрастающей степени становилось бы средоточием пожилых озлобленных лузеров, умеющих производить один лишь плач по былому величию «оборонки» да протаскивать в свои газеты и информационные агентства бездарную «заказуху».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: противоречия становления гражданского общества и медиабизнеса

И в а н С а ф р а н ч у к

Развитие военной журналистики в период после 1992 г. вобрало в себя все противоречия становления гражданского общества и независимых СМИ в России. Не будем забывать, что во времена «гласности» и «перестройки» военная проблематика была одной из главных в критике Советского Союза.

Впрочем, критика армии и военной политики как элемент критики государственного строя и власти — в России почти традиция. Если обратиться к русской оппозиционной печати XIX в., то в ней критика царской армии и военной политики занимала немалое место. Причем почти до комичного совпадают проблемы, поднимаемые современными авторами и публицистами XIX в.: цензура и закрытость информации об армии, казнокрадство и мздоимство (говоря современным языком — коррупция) в военной среде, неэффективность русской армии по сравнению с ведущими зарубежными, необходимость отказа от милитаристского мышления и гонки вооружений, необходимость изменения системы комплектования армии, приоритет внутренних проблем (по современному — вызовов) над внешними, необходимость сокращения армии (с обоснованием мировым опытом), обременительность нереформированной армии для экономики, чрезмерность военного бюджета. Прямо дайджест актуальных проблем (пожалуй, для полного современного набора не хватает только тематики военно-технического сотрудничества с зарубежными странами). И обо всем этом шла речь на страницах сборников «Голоса из России», издававшихся Александром Герценом и Николаем Огаревым*.

* См., например, следующие статьи: *Мельгунов Н. А.* Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России // *Голоса из России*. — Ч. 1. — Лондон: Trubner & Co., 1856 (раздел «Марширующая армия»); *Чичерин В. Н.* О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях // *Голоса из России*. — Ч. 2. — Вып. 1. — Лондон: Trubner & Co., 1856; *Мельгунов Н. А.* Россия в войне и в мире // *Голоса из России*. — Кн. 4. — Лондон: Trubner & Co., 1857.

Рискуя отвлечься от основного предмета и утомить читателя обширной цитатой (кои еще будут в этом тексте встречаться), автор все же не может противостоять соблазну привести отрывок из работы Н. Мельгунова «Россия в войне и в мире»: «...Чтобы занять возникшую армию, мы вовлеклись в войны, которых могли бы избежать; а их успех внушил самонадеянность, которая довела нас до настоящей войны. Войско обратилось у нас в разорительную игрушку; на нее тратился цвет населения и добытые кровью, потом, да народным развращением сотни миллионов рублей, чуть не половина всех государственных доходов. Это войско, игрушка и угроза вместе, ополчило наконец Европу, а нас все таки не отстояло от чужеземного нашествия»*. Писано это, между прочим, в... 1855 г. (о начале XIX в.).

Уже в наше время скрытые страницы истории, с перелистывания которых начиналась свободная пресса, содержали много именно военных тайн. Вторая мировая война, участие армии в локальных конфликтах (прежде всего в Афганистане), эффективность советского военно-промышленного комплекса — все эти вопросы были интересны общественности. Их освещение стало частью демократического процесса со второй половины 1980-х годов.

Гражданское общество против армии: почему так получилось?

Долгосрочными негативными последствиями для взаимоотношений с гражданским обществом, сохраняющимися до сих пор, обернулась роль тогда еще Советской армии в первых кровопролитных событиях конца 1980-х и начала 1990-х годов — Тбилиси, Вильнюс... Вооруженные силы оказались втянуты в политические «разборки». Армия ассоциировалась с советским руководством, а то, в свою очередь, — со всеми мыслимыми и немыслимыми бедами страны. Критика военных превратилась в один из наиболее эффективных инструментов атаки на руководство Советского Союза. А поводов для критики было предостаточно. Несмотря на пропагандистские клише о народной армии, политически и экономически активная часть общества заняла по отношению к ней резко критические позиции. Сейчас много говорят о том, что военных подставили. Но как бы то ни было — подставили Советскую армию или подставилась она сама, оказавшись инструментом политических разборок, — Вооруженные силы попали под град критики противной стороны, их дискредитация стала элементом защиты или нападения (в зависимости от обстоятельств).

* Мельгунов Н. А. Россия в войне и в мире. — С. 135—136.

Провал путча 1991 г. и последующий развал Союза, казалось, должны были снять остроту противостояния, споров вокруг армии. Но так не случилось... Конечно, создание российских Вооруженных сил в мае 1992 г. — это в основном бумажный вопрос. Они были и остались даже сейчас во многом прежними. Тогда смена флага, главнокомандующего, министра и генералов для армии ничего принципиально не изменили. Может быть, в определенной степени даже усилили внутренние процессы ее морального разложения.

Политическое руководство новой России, пустив в свой ближний круг ряд армейских чинов, не понимало внутренних процессов в среде военных и если не боялось, то во всяком случае опасалось их. Может быть, поэтому никто из политиков не был особенно заинтересован в реформе Вооруженных сил. Спецназовцы, на показательных выступлениях разбивающие кирпичи, не в счет — это для власти было сродни шоу. Сильная, а главное, популярная в собственном обществе армия оказалась новому руководству страны не нужна — в отличие от многочисленных, хорошо оснащенных и финансируемых Внутренних войск, различных охранных служб и полицейских сил.

Политики, пришедшие к власти в результате беспорядков и фактически государственного переворота, не могли не опасаться нового переворота. Настроения в армии в начале и даже середине 1990-х годов питали эти страхи. Популярные, харизматические генералы выходили на политическую сцену: Рудкой, Рохлин, Лебедь... Независимо от того, где кончается реальность и начинаются мифы в оценках возможности военного переворота в России, в начале и середине 1990-х это был важный фактор отношения власти к армии.

Сейчас нельзя точно сказать, было это целенаправленной политикой или, как часто бывает в России, само так получилось, но оказалось даже очень неплохо, и этим решили воспользоваться. Речь идет о том, что непопулярная армия — лучшее средство от военного переворота. Армия не популярна в обществе. И это несмотря на феномен генералов-политиков (впрочем, ни один из них не сделал действительно успешной политической карьеры). Трудно отделаться от мысли, что если президент Ельцин и не задумывал такую комбинацию с самого начала, то по крайней мере в какой-то момент осознал все выгоды от сохранения статус-кво — непопулярной армии. Противостояние по линии «гражданское общество — армия» при нем сохранялось, и власть не предпринимала никаких видимых усилий, чтобы снять напряженность.

Если выражаться упрощенно и грубо, то, прикрываясь рассуждениями о гражданском контроле над военными и другой риторикой, средства массовой информации и армию стравливали. По меньшей мере не было сделано ничего, чтобы СМИ и армия смогли преодолеть заложенную в годы «перестройки» парадигму взаимоотношений, в основе которой лежит антагонизм и которая лишь способствует развитию чудовищных тенденций морального разложения российских Вооруженных сил.

В таком состоянии военная журналистика подошла к концу 1990-х годов. На волне роста в стране патриотизма, тогда в основном замешанного на антизападничестве, усиления роли силовых министров во властных структурах (на фоне второй чеченской кампании, что получило особенно сильное развитие после прихода к власти Владимира Путина) силовики и армия стали брать реванш в своих отношениях со СМИ.

Военные и СМИ

Российские военные все более критически осмысливают свой опыт общения с прессой, особенно на примере первой чеченской кампании. Признание недостатков в работе со СМИ в основном развивается в двух направлениях.

Во-первых, вольно или невольно военные склонны использовать признание своих информационных просчетов для того, чтобы сложить с себя ответственность за чисто военные, а тем более за военно-политические неудачи. Популярной становится точка зрения, предельно четко сформулированная в книге Геннадия Трошева «Моя война: Чеченский дневник окопного генерала»: «Неоперативное, некачественное, порой сумбурное информирование общественности в первой чеченской кампании сегодня практически возведено в ранг хрестоматийного примера порочной работы силовых ведомств с прессой. Что бы там ни говорили о войне 1994—1996 гг., убежден: проиграли ее не военные, которые находились в окопах и боролись с бандитами, а политики, те, кто отвечал за информационное обеспечение операции “по восстановлению конституционного порядка”»*.

Во-вторых, и это также видно из приведенной цитаты, военные в основном озабочены не проблемой сосуществования и взаимодействия институтов общества — армии и СМИ, а проблемой отсутствия «эффективной работы с прессой». Под этим понимается информационно-пропагандистское

* Трошев Г. Моя война: Чеченский дневник окопного генерала. — М.: Вагриус, 2002. — С. 114.

обеспечение работы Министерства обороны в целом и чеченских кампаний (особенно первой) в частности. Другими словами, военные сохраняют негативное отношение к тому, что и как пишут журналисты, но винят в этом не только сами СМИ, считая, что с прессой «плохо работали».

Критический настрой по отношению к своим ведомственным пропагандистам, наверное, не в последнюю очередь отражает внутренние противоречия и столкновение интересов различных группировок в Минобороны. Генералы отчитывают уже не только «плохих» журналистов, но и своих штабных пропагандистов: «Глядя на некоторые “говорящие головы”, комментирующие те или иные события, чувствуешь, что все это делается не для широкого информирования людей, а ради интересов своего ведомства, спасения имиджа высокопоставленного начальника»*.

Такую метаморфозу в отношении военных к прессе можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, постулат «плохой работы с прессой» приводит и окопных, и штабных генералов к пониманию того, что с прессой надо общаться как-то иначе: нельзя сводить информацию до минимума, заставляя пишущую и снимающую братию полагаться на сомнительные источники, нельзя прятаться от журналистов — надо работать более открыто. В той же книге Г. Трошева вполне четко отражено это направление размышлений: «Военные, за редким исключением, боялись журналистов (по себе могу судить). <...> меня нередко упрекали за частое появление на телеэкране: несолидно, мол, командующему округом комментировать далеко не самые громкие события, для чего пресс-секретарь тогда, соответствующие специалисты-аналитики? Когда-то, повторяюсь, я думал примерно так же. Но информационные бои, сопровождавшие события в районе Аршты, заставили по-другому взглянуть на проблему, оценить важную роль прессы. Понимаю, сам почувствовал, как тяжело публично говорить о тактических просчетах и боевых потерях. Но и умалчивать о беде нельзя. В противном случае общество просто перестанет доверять официальным источникам. К сожалению, этого не понимают или не хотят понимать некоторые руководители-“силовики”. Их поведение напоминает позицию страуса, прячущего голову в песок...»**.

Отметим, что Г. Трошев пишет о как бы внутреннем нежелании работать с прессой таких, как он, окопных генералов. В основе этого нежелания не собственно страх, пренебрежение общественным мнением или презрение к нему (хотя и эти чувства, безусловно, нередко присутствуют). Дело пре-

* Там же. — С. 117.

** Там же. — С. 115.

жде всего в неумении и одновременно в стремлении не совершать ошибки (за которые вышестоящие командиры точно не похвалят).

С другой стороны, недовольство прессой и упоминаемый генералом Трошевым страх перед нею, наоборот, заставляют часть военного истеблишмента закрываться от СМИ: максимально ограничивать свободу журналистов, пишущих на армейские темы, как в части доступа к информации, так и в части ее обработки, систематизации и публикации. К сожалению, именно эта тенденция сейчас преобладает. Практически все участники «круглых столов» «10 лет российской военной реформы в зеркале прессы», проведенных 27 февраля и 30 июля 2002 г. Российским представительством Центра оборонной информации и Центром журналистики войны и мира, отмечали, что работать военным журналистам становится все труднее, причем и в частных, и в государственных СМИ. Поле деятельности постоянно как бы сжимается. Одно из основных направлений ограничения работы военных журналистов — цензура и сокрытие информации.

Цензура и секретность

Как представляется, проблемы цензуры и секретности приобрели в последние годы столь острое звучание не потому, что журналисты действительно перешли грань разумного и открыли какие-то секреты. Оговоримся: больше секретов, чем сами военачальники и крупные чиновники, не открывает никто — когда «расслабятся» на международной конференции, когда просто по неосторожности скажут лишнее...

Все, что знают военные журналисты, кем-то когда-то (причем не на секретных совещаниях, а в открытую) было сказано. В конечном счете секреты могут «утечь» только от секретносителя. Журналисты в их число, как правило, не входят. Правда, находясь в районах военных операций или дислокации войск, корреспондент может увидеть, услышать и понять лишнее просто из окружающей его обстановки. Но военные обычно имеют право ограничивать допуск прессы в такие места. Так что нормальная работа в рамках журналистских пулов вполне может снять подобные проблемы.

Дело в другом. На бурной волне демократизации в первой половине 1990-х годов разнообразные сведения, отнесенные к разряду секретных, были раскрыты. Опять же без «инициатив» самих секретносителей не обошлось. Большой объем информации оказался в свободном доступе. Формально — не всегда законно, но правовая база отставала от жизни. Можно, конечно, засекретить внутри страны данные, которые правительство официально представляет в международные организации. Но какой в этом смысл?

Возможно, современным российским цензорам понравилось бы следующее определение роли прессы: «Обнародовать истинный смысл событий и суть решений и распоряжений правительства для того, чтобы исключить неверные толкования и предотвратить критику со стороны несведущих». Так трактовались задачи газеты в редакционной статье первого выпуска «Вестника Османской Империи» («Takvim-i Vekaıı»), датированного 14 мая 1832 г. * Впрочем, отечественные дореволюционные цензоры действительно следовали этой традиции. В XIX в. от общественного контроля были избавлены не только высшие военные власти и их распоряжения, но и вся царская армия. В 1892 г. появилось приказание не печатать «статей, оскорбительных для чести русского войска и могущих ослабить уважение публики к военному сословию»**.

Но с тех пор мир ушел далеко вперед. Попытки введения тотальной секретности ничего не дадут. Например, заявленное летом 2002 г. намерение Министерства обороны России полностью засекретить российско-китайское военно-техническое сотрудничество обречено на провал.

В конце концов, кроме российских журналистов и экспертов освещением оборонных и военно-технических вопросов занимаются зарубежные СМИ, научные институты. Запреты российских чиновников их не касаются. А перепечатывать западные статьи или доклады в российской прессе пока не запрещено. В результате освещение военных вопросов в условиях секретности продолжится, но будет основываться преимущественно на западных источниках. Если учесть, что именно западные комментарии, как правило, в наибольшей степени раздражают российские силовые ведомства, то вывод очевиден — в условиях тотальной секретности военные темы из российских СМИ не исчезнут, но подаваться будут в еще менее приятном для силовиков виде, потому что станут перепечатками западных СМИ или по крайней мере будут преподноситься как таковые.

Получается довольно странная вещь: скрывай, не скрывай — все равно актуальные военные темы в СМИ попадут. Даже если пресс-служба российского Минобороны отмалчивается, информация через западные СМИ и брифинги на российское информационное поле приходит. Именно в таких ситуациях российские силовики оказываются в самом глупом положении:

* Цит. по: Lewis B. What Went Wrong? Western Impact and Middle East Response. — New York: Oxford Univ. Press, 2002. — P. 51.

** Мякотин В. Одна страница из новейшей истории русской печати // В защиту слова. — СПб., 1905. — С. 92.

пережмешь с закрытием информации — получишь наименее выгодные комментарии и интерпретации, не будешь иметь никаких возможностей повлиять на восприятие и анализ событий. В результате так или иначе придется оправдываться, переигрывать, опровергать. Но если инициатива упущена, как правило, все это выглядит неубедительно.

В западных демократиях тоже возникают дискуссии о свободе доступа журналистов к военной информации, о границах и формах их работы. Случаются коллизии, связанные с секретностью, утечками конфиденциальных документов, полностью или по частям, что зачастую становится результатом противоборства тех или иных групп влияния во власти (впрочем, как и в России). Зарубежные политики также злятся и негодуют, однако на журналистах не «отыгрываются». «Это непростительно, они должны оказаться в тюрьме», — жестко заявил министр обороны США Дональд Рамсфельд в июле 2002 г. в связи с утечками информации относительно планов военной операции против Ирака. Но говорил он не о журналистах и СМИ, а о тех, кто допустил утечки или даже способствовал им: «Каждый, кто имеет доступ к военным планам, обязан не допускать их утечки в прессу или к кому-то еще, так как это чревато гибелью людей»*.

Российские спецслужбы пока учатся эффективно работать в условиях открытого общества. Считается, что сейчас разведки различных стран до половины информации черпают из открытых источников — опубликованных научных докладов, конференций, официальных заявлений и, конечно, СМИ. Однако если иностранный шпион читает газету и находит в ней что-то для себя полезное, это еще не повод ее закрыть, а главного редактора или конкретного журналиста обвинить в измене Родине. Советские контрразведчики находились в привилегированном положении по сравнению с их коллегами из демократических стран: в условиях закрытого общества, тоталитарного государства и полностью подконтрольных власти СМИ спецслужбам работать проще. Но те времена ушли.

Сама постановка вопроса в рамках такой дилеммы — эффективность спецслужб за счет ограничения свободы прессы, в частности зажима военной журналистики — представляется некорректной. Свою непростую и нужную стране работу спецслужбам, ответственным за сохранность государственных секретов, придется выполнять в условиях существования свободной прессы. У военных журналистов свой профессиональный долг — информировать общество о важных оборонных проблемах, представлять различные точки зрения.

* Цит. по: The Reporters Committee for Freedom of the Press, July 25, 2002.

Сохраняющееся последние годы противостояние между военными журналистами и спецслужбами в конечном счете никому не пойдет на пользу.

Социальная функция — это бизнес

В свободном обществе информация о военных делах (как во внутривнутриполитических, так и во внешнеполитических аспектах, в разрезе государственного бюджета, военной реформы и т. д.) — это одновременно и социальная функция, и элемент медиабизнеса. Свободные СМИ — бизнес для их издателей, а информация о военных делах — часть такого бизнеса. Это надо четко понимать, чтобы избегать спекуляций на тему о продажных журналистах, за копейки / за миллионы (встречаются оба варианта) распродающих секреты Родины.

Социальная функция и бизнес самым непосредственным образом взаимосвязаны. Разделить их невозможно. Сама суть бизнеса так называемых качественных изданий — это зарабатывание денег на социальной функции, на том, что гражданское общество желает знать, насколько эффективно государство, которое гражданское общество содержит. В частности, насколько эффективно государство обеспечивает безопасность страны, своих граждан, насколько эффективно тратит на это деньги налогоплательщиков. Узнавать все это общественность предпочитает из независимых от государства источников — СМИ. И готово за такую информацию платить, т. е. покупать тираж. Но всегда есть проблема: писать то, что хотят читатели-потребители, или объективно. Необходим разумный компромисс. Дело в пропорции. По большому счету это вопрос редакционной политики каждого конкретного издания, его позиционирования и долгосрочной стратегии развития. Искусственные ограничения здесь вряд ли возможны.

В военной области у России столько проблем и неясностей, что такая информация не может не быть востребована. Причем по мере развития гражданского общества «социальный заказ», другими словами, спрос на качественную информацию об армии в СМИ должен расти. Поэтому надо свыкнуться с мыслью, что общество будет задавать не меньше, а все больше вопросов об армии, военном бюджете, оборонной политике — по всему комплексу проблем. Перспективные локальные конфликты, а также угроза терроризма только подстегнут спрос на военную информацию внутри страны.

Причем к потребителям трудов военных журналистов относятся не только «рядовые читатели», но и политики, парламентарии, ученые, а нередко и военачальники. Публичная политика предполагает их заинтересованность в получении достоверной информации и комментариев СМИ по военным

проблемам. Более того, для них СМИ — это не только источник информации, но и площадка для выражения собственных взглядов и участия в формировании общественного мнения. СМИ вместе со специализированными изданиями создают ту интеллектуальную, экспертную среду, без которой выработка государственных решений просто невозможна.

Другой вопрос, что в России пока не сложился медиарынок. Особенно в секторе «качественных изданий». Это относится не только к печатным, но и к электронным СМИ, прежде всего телевидению. Не окупаясь за счет тиража и рекламы, СМИ становились инструментом политического торга, шантажа. Можно сказать, что, не став четвертой властью по сути, они использовали привилегии четвертой власти, фактически превращаясь в PR-отделы тех или иных групп интересов.

Логично предположить, что эта общая тенденция соответствующим образом проявилась и в части освещения военных вопросов, т. е. социальный заказ подменялся прозаической «заказухой». Однако это не совсем так. Конечно, есть примеры заказных медиавойн по военной и оборонной проблематике. Но по накалу и размаху, а главное, по количеству и регулярности они уступали гражданским сферам (таким, как борьба за политическую власть и финансы, передел собственности). Исключение — сектор военно-промышленного комплекса и торговли вооружениями.

В основном же при освещении военных вопросов журналисты оставались в пределах если не объективного, то по крайней мере субъективного видения, т. е. все же освещали события, а не выполняли чей-то заказ. Анализ PR-кампаний в СМИ по военной проблематике показывает, что, как правило, они не имели заказчика, а развивались спонтанно. В значительной степени это способствовало тому, что в России сложился круг профессиональных военных журналистов — репортеров и обозревателей — которые в целом не ангажированы, готовы адекватно и корректно соответствовать социальному заказу гражданского общества по освещению в прессе военных вопросов.

Но проблема военной журналистики состоит скорее не в журналистах, а в самих СМИ, для которых армейская тематика остается обязательной, но уже скорее «дежурной». Не в последнюю очередь потому, что, чувствуя, «куда ветер дует», далеко не каждый главный редактор захочет наживать неприятности из-за публикации проблемного и острого материала по военным вопросам. Минобороны, ФСБ... «Лучше не связываться, и так тем много», — вполне может сказать себе редактор. Кстати, дело не в низкой достоверности и некорректности статей. Скорее наоборот — чем правдивее материал, тем больше может быть проблем.

Однако будущее военной журналистики — именно тиражные качественные СМИ. Попытки создания специализированных изданий, претендующих на значительный тираж и широкую аудиторию, малоперспективны. Особняком здесь стоит «Независимое военное обозрение». Однако вряд ли этот феномен может быть «клонирован». Специализированные издания существуют и будут существовать. Их тираж ограничен, но продается по высоким ценам. Это уже не журналистика. Это издания, целевая аудитория которых — профессионалы: эксперты, ученые, политики, промышленники и т. д.

Военная журналистика, ориентированная на массового читателя, должна быть не в специализированных изданиях, а в многотиражных СМИ — национальных и региональных. И в этой связи развитие военной журналистики неотделимо от медиабизнеса в целом. Занимаясь востребованными и даже популярными темами, военные журналисты вполне могут стать ведущей силой в подъеме тиражей и борьбе за читателя.

Заключение

В 1990-е годы, особенно в начале десятилетия, политическое руководство страны с подозрением смотрело на военных, большинство которых присягнуло Советскому Союзу. Многие офицеры остались верны не столько даже Союзу, сколько привычной системе морально-политических ценностей (не обязательно публично это показывая). Власти их опасались, одновременно не вполне доверяя и тем, кто быстро перешел на сторону реформаторов.

Такая основа военно-гражданских отношений не оставляла шансов на успешное реформирование Вооруженных сил. Впрочем, оно оказалось никому не нужно за исключением небольшого круга военных профессионалов. С одной стороны, политическое руководство покупало лояльность высших армейских чинов. Им давали звания и награды (число генералов неуклонно росло), не пресекали сомнительные финансовые и экономические решения, что быстро привело к масштабной коррумпированности. С другой стороны, армия со всеми ее бедами оказывалась под валом критики и нападок. Ее не реформировали, но и не защищали. Наоборот, риторикой о военной реформе политики как бы снимали с себя ответственность за беды военных, переводя всю остроту критики на самих людей в погонах.

Делалось ли это спонтанно, интуитивно или намеренно — по плану? Однозначный ответ дать сложно. Скорее всего, присутствовали элементы и того, и другого, хотя преобладали интуитивные решения. Руководство страны поверило, что лучшее средство от военного переворота — непопулярная армия. Исходя из краткосрочных политических соображений, воз-

можно, это было и так. Но с точки зрения долгосрочных интересов страны и национальной безопасности совершена трагическая ошибка.

Необходимо приложить максимум усилий, чтобы российская политика больше не попала в тиски подобной дилеммы. Только тогда заинтересованность в профессиональной и современной (не только по оснащенности и подготовке, но и по духу) армии преодолеет рубеж теоретических рассуждений. Нынешнее внимание политического руководства страны к армейским проблемам с одновременной готовностью проводить нужные, пусть и непопулярные в Вооруженных силах реформы вселяет умеренный оптимизм.

Умеренный — потому что обозначается опасность впасть в другую крайность. Российские силовики демонстрируют серьезную заинтересованность в информационно-пропагандистской работе, на современном языке — в PR-кампаниях. Отчасти это хорошо забытое старое — идеализация советской пропаганды. Отчасти желание выгодно использовать современные общественные настроения, прежде всего патриотизм. Но главным образом (и здесь предыдущие два фактора тоже присутствуют) силовики не могут не видеть успехов различного рода PR-кампаний в политической, экономической и социальной областях. Если с использованием таких акций можно избрать президента, поделить финансовые и природные ресурсы, то неужели нельзя поднять престиж армии в обществе? Примерно такова логика рассуждений.

По всей видимости, решающую роль в формировании отношения военных к PR и пропаганде сыграла вторая чеченская кампания. На первом ее этапе информационно-пропагандистское обеспечение военных действий силами профессиональных гражданских политехнологов оказалось настолько успешным (во всех отношениях, в том числе и в виде некоторого роста престижа военных), что военные решили принять PR на вооружение.

В том, что силовые ведомства должны подкреплять свою работу соответствующим информационно-пропагандистским обеспечением, сомнений нет. Однако переоценивать силу пропаганды не стоит. В конечном счете если жизнь расходится с красивыми словами о ней, то за пределами краткосрочной перспективы (когда можно мощной и дорогой PR-кампанией навязать модель восприятия) реальность возьмет свое. Попытки подменить военную реформу пропагандой бесперспективны. В отличие от использования PR для повышения эффективности проведения подлинной военной реформы как вспомогательное средство военный PR нужен и полезен. Однако велик соблазн использовать его силу не для реформирования, а для «продажи» себя обществу «такими, как есть». Как представляется, не поддаться такому соблазну силовики смогут только при пристальном, но коррект-

ном внимании руководства страны, политиков и СМИ к военным делам и состоянию Вооруженных сил.

По мере того как силовые ведомства все более профессионально будут использовать современные PR-технологии, они будут сталкиваться с необходимостью или с соблазном манипулировать прессой и военными журналистами. В самом этом явлении нет ничего страшного, если оно существует в ограниченных масштабах и в рамках принципиальной установки на свободу СМИ. Важно только, чтобы результатом не стало действительно тотальное исчезновение профессиональной и независимой военной журналистики.

Объективно есть все предпосылки не только для существования военной журналистики в нынешнем виде, но и для ее развития — интерес к темам национальной безопасности и состояния Вооруженных сил, международная обстановка и проблемы терроризма. Сложилось сообщество военных журналистов, способных на высоком профессиональном уровне и корректно освещать эти вопросы.

Однако всего этого может оказаться недостаточно для выживания военной журналистики или для того, чтобы она не стала просто инструментом сложных PR-акций силовиков. Военная журналистика должна найти свое место в медиабизнесе. Впрочем, и сам медиабизнес должен окрепнуть. Силовым структурам, в свою очередь, придется научиться не только дезинформировать противника, но и адекватно информировать собственное население.

Заметим, что среди западных экспертов и политиков тоже встречается недовольство средствами массовой информации, тем, как они подают сложные вопросы. Приведем на этот счет мнение Генри Киссинджера. Он говорит об освещении в СМИ внешнеполитической, а не военной тематики, но по сути проблема общая: «Вездесущие и крикливые СМИ превращают внешнюю политику в своего рода развлечение. Напряженное соперничество за рейтинги и тиражи приводит к заикленности на прямо сейчас происходящем событии, которое в основном преподносится как моральная битва добра и зла с каким-то конкретным результатом и очень редко описывается с точки зрения долгосрочных исторических вызовов»*.

В конечном счете бывший госсекретарь США имеет в виду, что СМИ неспособны в полной мере оценить сложные события. К тому же сама суть их работы предполагает упрощения, которые в определенный момент могут

* Kissinger H. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. — New York: Simon&Schuster, 2001. — P. 27.

перейти некую качественную грань. В результате вместо доступного изложения сложных проблем получается профанация.

Однако в российских условиях власть недолюбливает военных журналистов скорее не за недостаток профессионализма и пытливости ума, не за упрощения в ущерб глубокому анализу, а наоборот — за излишний с точки зрения военного ведомства и спецслужб профессионализм, за желание вникнуть в суть, не ограничиваясь поверхностными комментариями. Это не удивительно, если учесть, что почти все ведущие российские военные «перья» — сами выходцы из Министерства обороны и глубоко знают свои темы.

В качестве своеобразного послесловия приведем еще одну обширную цитату. Вот как рассуждал о секретности, свободе слова, цензуре и вообще об отношениях военных с прессой Дуайт Эйзенхауэр в книге «Крестовый поход в Европу: Военные мемуары». Заметим, что американский генерал, а впоследствии президент вспоминает период подготовки высадки на Сицилию, т. е. пишет о военном времени, когда ограничения свободы слова могут быть оправданны. И тем не менее даже в военных условиях американский генерал и будущий президент оставался убежденным противником цензуры. Особенно хотелось бы обратить внимание на тему ответственности журналистов и военных, а также их взаимного уважения и доверия.

«В периоды затишья на фронте репортеры имеют привычку заполнять свои репортажи всякого рода предположениями, а поскольку после нескольких месяцев пребывания в действующей армии любой корреспондент приобретает значительное мастерство в интерпретации будущих событий, то усиливалась опасность, что вскоре противник будет знать о наших планах в деталях. Я не думаю, что рассуждения таких военных аналитиков на родине, вдали от театра военных действий, представляют какую-либо существенную ценность для противника. Их заключения, составляемые вдали от событий, основываются на самой поверхностной информации, и обычно они скорее забавны, нежели опасны, хотя и становятся опасными по мере приближения к истине и использования статистических сведений в подкрепление своих предположений. Однако совершенно иное дело, когда репортеры высказывают свои предположения, находясь в действующей армии. В силу врожденного отвращения к неразъясненному введению цензуры и, больше того, в силу доверия, которое у меня сложилось к честности репортеров, я решил посвятить их в свои тайны.

Это был эксперимент, который я бы не особо хотел повторить, поскольку такое раскрытие секретов возлагает тяжелое бремя на человека, первой

обязанностью которого является сохранение этих секретов в тайне. Но, делая это, я сразу же возложил на каждого репортера на нашем театре военных действий ответственность, какую испытывали я и мои коллеги. Успех был полный. Впредь, начиная с этого момента и до начала операции, никаких рискованных сообщений не было отправлено с театра военных действий и ни один представитель прессы не пытался отправить такой материал, который мог бы иметь какую-либо ценность для противника. Уже после того как операция была завершена, многие корреспонденты говорили мне о том страхе, который они испытывали, опасаясь даже косвенного раскрытия секретов»*.

* *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. — М.: Воениздат, 1980. — С. 216—217.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об освещении в центральной печати жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил»

29 апреля 1989 г.

1. Согласиться с предложениями, изложенными в записке Государственно-правового и Идеологического отделов ЦК КПСС, Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота по этому вопросу (прилагается)*.

2. Обратит внимание коммунистов и партийных организаций редакций центральных газет и журналов на отмеченные в записке недостатки в освещении жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил, обязать их принять необходимые меры, которые позволили бы поднять уровень публикаций по вопросам защиты социалистического Отечества.

3. Одобрительно отнестись к предложению о направлении в редакции центральных газет по согласованию с редколлегией квалифицированных военных журналистов с оставлением их в кадрах Советской Армии и Военно-Морского Флота. Передать этот вопрос на рассмотрение Совета Министров СССР.

Об освещении в центральной печати жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил

На прошедших отчетно-выборных собраниях и партийных конференциях военных округов, групп войск, флотов, объединений и соединений коммунистами, наряду с другими вопросами, высказывалось мнение об освещении в печати жизни и деятельности Вооруженных Сил СССР. В частности, отмечалось, что большой вклад в формирование у советских людей правильных представлений об армии и флоте, ответственном ратном труде личного состава вносит газета «Правда». Уже много лет она регулярно ведет рубрику «Служим Советскому Союзу». Немало интересных материалов на военную тему публикуют газеты «Известия», «Труд». Положительный отклик в армейской аудитории находят публикации о мужественных действиях советских воинов в Республике Афганистан, при ликвидации последствий землетрясения в Армении, о нерешенных социальных проблемах военнослужащих, особенно по жилищному вопросу. С пониманием воспринимается конструктивная

* Прилагалась к оригиналу. В печати не публиковалась. — *Ред.*

критика по конкретным недостаткам в жизни войск, состоянию воинской дисциплины, работе партийных и комсомольских организаций. Она рассматривается как проявление заботы общественности о дальнейшем укреплении обороноспособности страны, углублении перестройки в Вооруженных Силах.

Однако многие выступающие с озабоченностью говорили о том, что некоторые публикации необъективно, односторонне освещают жизнь армии, несут недостоверную информацию о перестройке в ней, о еще не решенных проблемах. Для ряда печатных органов («Огонек», «Московский комсомолец», бюллетень Советского комитета защиты мира «Век XX и мир») военная тематика стала «модной». При этом часто допускаются поверхностные, предвзятые, некомпетентные публикации, подрывающие авторитет Вооруженных Сил, престиж воинской службы, связи армии и народа.

Во многих материалах читателю упорно навязывается мысль о какой-то изоляции армии в нашем обществе, ее называют чуть ли не «закрытой зоной», «изолированным организмом» и т. д. Так, старший научный сотрудник Академии педагогических наук СССР Сараскина Л. И. в статье «Армия и общество» («Век XX и мир», 1988 г., № 9) утверждает, что «армии трудно вступить в диалог... с обществом, ибо она находится в состоянии глубокого морального дискомфорта...». Автор статьи «Допризывная кадриль» («Собеседник», 1989 г., № 1) отмечает, что «конфликт между демократизацией в обществе и армейскими порядками обостряется». Вместе с тем умалчивается, что через армию — как школу жизненной закалки — проходят сотни тысяч людей, через каждые два года практически заменяется весь переменный состав. Настоящую правду о службе в армии, о существующих в ней порядках знает по существу каждая советская семья. «Закрытой» армия остается только для тех, кто по каким-либо причинам не служил в ней. Армия неразрывно связана с народом. Тысячи военнослужащих являются народными депутатами, избраны в состав местных партийных комитетов. Воинские части имеют тесные контакты с коллективами промышленных предприятий, совхозов и колхозов, учебных заведений, шефствуют над школами и детскими домами. Армия участвует в решении самых сложных и трудных задач, таких как уборка урожая, строительство БАМа, дорог Нечерноземья, ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС и землетрясения в Армении. Не щадя своей жизни, воины первыми вступают в борьбу с силами стихии.

Нельзя согласиться с тем, что в некоторых статьях армия показывается как некий источник всего догматического и антидемократического. Высказывается мнение о том, что у армии есть какие-то интересы быть консервативной силой. Так, в бюллетене Советского комитета защиты мира «Век XX и мир» (№ 3, 1988 г.) один из участников «круглого стола», киноискусствовед Нуйкин задает вопрос, на чьей стороне будет армия, если противники перестройки начнут открытую борьбу за реставрацию старых порядков. Редакция журнала «не заметила» подстрекательскую сущность самой постановки этого вопроса. В этом же бюллетене (№ 11, 1988 г.) опубликован материал «Военный против “военщины”», в котором содержатся утверждения о милитаризации нашей страны, расширении военно-

промышленного комплекса, демагогические призывы очистить Вооруженные Силы от «военщины, тормозящей демократизацию в войсках, демилитаризацию общества в целом».

В ряде изданий появляются некомпетентные публикации по вопросам оборонного строительства, в которых выдвигаются научно несостоятельные предложения, не учитывающие современных военно-политических реальностей. «Московские новости» (6 ноября 1988 г.), например, в статье «Какая армия нам нужна» под предлогом «восстановления ленинского облика социалистической армии» ратуют, по существу, за отказ «от развития нашей армии мирного времени как кадровой и регулярной».

В статье «Проклятые силы. “Магия” оборонного сознания» («Век XX и мир», 1988 г., № 10) утверждается, что «навязчивая мания оборонного сознания — образ осажденной крепости — парализует нашу способность мыслить, сомневаться, искать альтернативные решения».

В осудительно-сатирическом тоне освещаются такие основы боевой готовности, как строжайшее соблюдение воинской дисциплины, единоначалие, уставный порядок. Навязываемая мысль об освобождении от этих устоев преподносится как веление времени, требование перестройки. В ранее упомянутой статье «Допризывная кадрили» читателю сообщается, что «психологическая наука приравнивает армейское сообщество к тюремному, как это ни обидно для профессиональных военных. Главные черты сходства — отсутствие добровольности при подборе коллектива и несвобода каждого его члена все 24 часа в сутки без перерыва». Авторы публикаций не упоминают при этом о задачах, которые выдвинуты перед Вооруженными Силами XXVII съездом КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференцией, в постановлениях ЦК КПСС.

Вместо серьезного, вдумчивого анализа проводимой в этом направлении в армии и на флоте работы широкому читателю без достаточной проверки нередко подаются всякого рода «жареные» факты. Порой отдельные, правдиво показанные детали обрастают надуманными ситуациями и оттенками, в результате чего таким выступлениям придается сенсационный характер. Так получилось с публикацией в газете «Комсомольская правда» статьи «Выстрел в вагоне». В ней еще до окончания следствия были сделаны преждевременные выводы о мотивах, которыми руководствовался солдат, совершивший тягчайшее преступление. Генерал-майор юстиции Вязигин направил письмо в газету «Комсомольская правда» с протестом на недобросовестное, неточное цитирование его высказываний об этом факте, однако ответа не получил, его письмо опубликовано не было. И это не единственный факт. Редакции многих изданий, отстаивая честь ведомственного мундира, не считают возможным печатать материалы, расходящиеся с их мнением или опровергающие его.

Из большинства публикаций о Вооруженных Силах исчезли такие понятия, как долг, честь, достоинство, верность военной присяге. В них нередко нет места героике, романтике, мыслям о высоком предназначении воинской службы и уважении к армии. Создается впечатление, что военная тема в ряде газет и журналов отдана на откуп людям, недостаточно зрелым и плохо знающим военное дело.

Все это отрицательно сказывается на воспитании молодежи и, прежде всего, ее высокой ответственности за выполнение своего конституционного долга по защите социалистического Отечества. Нередко ставится под сомнение неукоснительное выполнение всеми гражданами нашей страны Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности». Среди молодежи, прибывающей в армию и на флот, возросло, по сравнению с предыдущими годами, число лиц, отбывавших уголовные наказания, имевших приводы в милицию, употреблявших спиртные напитки, наркотики и т. д. Немалая часть молодых людей до призыва в армию подвержена пацифистским настроениям, состояла в различных неформальных объединениях, в том числе негативно относящихся к советской действительности.

В выступлениях многих участников конференций и отчетно-выборных партийных собраний подчеркивалась мысль, что средства массовой информации должны помогать подготовке молодежи к службе в армии.

Учитывая эти критические замечания, Государственно-правовой и Идеологический отделы ЦК КПСС, Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота полагают бы необходимым совместно с руководителями центральных органов печати, радио и телевидения принять необходимые меры, которые бы позволили поднять уровень публикаций по вопросам защиты социалистического Отечества, жизни Вооруженных Сил и происходящей в них перестройки, предусмотреть выступления на эти темы руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, ветеранов войны и труда. Представляется важным провести встречу министра обороны СССР и начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота с руководителями средств массовой информации, на которой обсудить ход перестройки в Вооруженных Силах в свете требований XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партконференции. Считали бы также целесообразным обратить внимание коммунистов и партийных организаций редакций центральных газет и журналов на отмеченные в записке недостатки в освещении жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил, обязать их принять необходимые меры, которые позволили бы поднять уровень публикаций по вопросам защиты социалистического Отечества. Полагаем полезным рекомендовать редакциям газет «Известия», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Сельская жизнь», «Строительная газета», «Советская культура», «Труд», «Комсомольская правда», «Литературная газета» создать для освещения жизни Советских Вооруженных Сил соответствующие отделы или другие редакционные подразделения, укрепив их квалифицированными журналистскими кадрами.

Государственно-правовой отдел ЦК КПСС
Идеологический отдел ЦК КПСС

Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота

(«Известия ЦК КПСС», 1989, № 6).

Приложение 2

Извлечения из закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1

(с изменениями от 13 января, 6 июня, 19 июля, 27 декабря 1995 г.,
2 марта 1998 г., 20 июня, 5 августа 2000 г., 4 августа 2001 г.,
21 марта, 25 июля 2002 г.)

Глава I. Общие положения

Статья 1. Свобода массовой информации

В Российской Федерации
поиск, получение, производство и распространение массовой информации,
учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение ими,
изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудо-
вания, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения про-
дукции средств массовой информации,
не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Рос-
сийской Федерации о средствах массовой информации.

Статья 2. Средства массовой информации. Основные понятия

Для целей настоящего Закона:
под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга
лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы;
под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, ра-
дио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического
распространения массовой информации;
под периодическим печатным изданием понимается газета, журнал, альманах, бюлле-
тень, иное издание, имеющее постоянное название, текущий номер и выходящее в свет не
реже одного раза в год;

под радио-, теле-, видео-, кинохроникальной программой понимается совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач), имеющая постоянное название и выходящая в свет (в эфир) не реже одного раза в год;

под продукцией средства массовой информации понимается тираж или часть тиража отдельного номера периодического печатного издания, отдельный выпуск радио-, теле-, кинохроникальной программы, тираж или часть тиража аудио- или видеозаписи программы;

под распространением продукции средства массовой информации понимается продажа (подписка, доставка, раздача) периодических печатных изданий, аудио- или видеозаписей программ, трансляция радио-, телепрограмм (вещание), демонстрация кинохроникальных программ;

под специализированным средством массовой информации понимается такое средство массовой информации, для регистрации или распространения продукции которого настоящим Законом установлены специальные правила;

под редакцией средства массовой информации понимается организация, учреждение, предприятие либо гражданин, объединение граждан, осуществляющие производство и выпуск средства массовой информации;

под главным редактором понимается лицо, возглавляющее редакцию (независимо от наименования должности) и принимающее окончательные решения в отношении производства и выпуска средства массовой информации;

под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию;

под издателем понимается издательство, иное учреждение, предприятие (предприниматель), осуществляющее материально-техническое обеспечение производства продукции средства массовой информации, а также приравненное к издателю юридическое лицо или гражданин, для которого эта деятельность не является основной либо не служит главным источником дохода;

под распространителем понимается лицо, осуществляющее распространение продукции средства массовой информации по договору с редакцией, издателем или на иных законных основаниях.

Статья 3. Недопустимость цензуры

Цензура массовой информации, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а

равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, — не допускается*.

Создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, — не допускаются.

Статья 4. Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации

Не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для осуществления экстремистской деятельности, а также для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости.

Запрещается использование в теле-, видео-, кинопрограммах, документальных и художественных фильмах, а также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации, скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей и (или) оказывающих вредное влияние на их здоровье.

Запрещаются распространение в средствах массовой информации, а также в компьютерных сетях сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, за исключением рекламы наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в списки II и III в соответствии с Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах», в средствах массовой информации, рассчитанных на медицинских и фармацевтических работников, а также распространение иной информации, распространение которой запрещено федеральными законами.

Глава IV. Отношения средств массовой информации с гражданами и организациями

Статья 38. Право на получение информации

Граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц.

* Об ограничении свободы печати и средств массовой информации см. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

Государственные органы и организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствами массовой информации по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах.

Статья 39. Запрос информации

Редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме. Запрашиваемую информацию обязаны предоставлять руководители указанных органов, организаций и объединений, их заместители, работники пресс-служб либо другие уполномоченные лица в пределах их компетенции.

Статья 40. Отказ и отсрочка в предоставлении информации

Отказ в предоставлении запрашиваемой информации возможен, только если она содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну. Уведомление об отказе вручается представителю редакции в трехдневный срок со дня получения письменного запроса информации. В уведомлении должны быть указаны:

- 1) причины, по которым запрашиваемая информация не может быть отделена от сведений, составляющих специально охраняемую законом тайну;
- 2) должностное лицо, отказывающее в предоставлении информации;
- 3) дата принятия решения об отказе.

Отсрочка в предоставлении запрашиваемой информации допустима, если требуемые сведения не могут быть представлены в семидневный срок. Уведомление об отсрочке вручается представителю редакции в трехдневный срок со дня получения письменного запроса информации. В уведомлении должны быть указаны:

- 1) причины, по которым запрашиваемая информация не может быть представлена в семидневный срок;
- 2) дата, к которой будет представлена запрашиваемая информация;
- 3) должностное лицо, установившее отсрочку;
- 4) дата принятия решения об отсрочке.

Статья 41. Конфиденциальная информация

Редакция не вправе разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения, предоставленные гражданином с условием сохранения их в тайне.

Редакция обязана сохранять в тайне источник информации и не вправе называть лицо, предоставившее сведения с условием неразглашения его имени, за исключением случая, когда соответствующее требование поступило от суда в связи с находящимся в его производстве делом.

Редакция не вправе разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, совершившего преступление либо подозреваемого в его совершении, а равно совершившего административное правонарушение или антиобщественное действие, без согласия самого несовершеннолетнего и его законного представителя.

Редакция не вправе разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, признанного потерпевшим, без согласия самого несовершеннолетнего и (или) его законного представителя.

Статья 42. Авторские произведения и письма

Редакция обязана соблюдать права на используемые произведения, включая авторские права, издательские права, иные права на интеллектуальную собственность. Автор либо иное лицо, обладающее правами на произведение, может особо оговорить условия и характер использования предоставляемого редакции произведения.

Письмо, адресованное в редакцию, может быть использовано в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма и не нарушаются положения настоящего закона. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение.

Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Глава V. Права и обязанности журналиста

Статья 47. Права журналиста

Журналист имеет право:

- 1) искать, запрашивать, получать и распространять информацию;
- 2) посещать государственные органы и организации, предприятия и учреждения, органы общественных объединений либо их пресс-службы;
- 3) быть принятым должностными лицами в связи с запросом информации;
- 4) получать доступ к документам и материалам, за исключением их фрагментов, содержащих сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну;
- 5) копировать, публиковать, оглашать или иным способом воспроизводить документы и материалы при условии соблюдения требований части первой статьи 42 настоящего Закона;
- 6) производить записи, в том числе с использованием средств аудио- и видеотехники, кино- и фотосъемки, за исключением случаев, предусмотренных законом;

7) посещать специально охраняемые места стихийных бедствий, аварий и катастроф, массовых беспорядков и массовых скоплений граждан, а также местности, в которых объявлено чрезвычайное положение; присутствовать на митингах и демонстрациях;

8) проверять достоверность сообщаемой ему информации;

9) излагать свои личные суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью;

10) отказаться от подготовки за своей подписью сообщения или материала, противоречащего его убеждениям;

11) снять свою подпись под сообщением или материалом, содержание которого, по его мнению, было искажено в процессе редакционной подготовки, либо запретить или иным образом оговорить условия и характер использования данного сообщения или материала в соответствии с частью первой статьи 42 настоящего Закона;

12) распространять подготовленные им сообщения и материалы за своей подписью, под псевдонимом или без подписи.

Журналист пользуется также иными правами, предоставленными ему законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации.

Статья 48. Аккредитация *

Редакция имеет право подать заявку в государственный орган, организацию, учреждение, орган общественного объединения на аккредитацию при них своих журналистов.

Государственные органы, организации, учреждения, органы общественных объединений аккредитуют заявленных журналистов при условии соблюдения редакциями правил аккредитации, установленных этими органами, организациями, учреждениями.

Аккредитовавшие журналистов органы, организации, учреждения обязаны предварительно извещать их о заседаниях, совещаниях и других мероприятиях, обеспечивать стенограммами, протоколами и иными документами, создавать благоприятные условия для производства записи.

Аккредитованный журналист имеет право присутствовать на заседаниях, совещаниях и других мероприятиях, проводимых аккредитовавшими его органами, организациями, учреждениями, за исключением случаев, когда приняты решения о проведении закрытого мероприятия.

* См.: Правила аккредитации и пребывания корреспондентов иностранных средств массовой информации на территории Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства РФ от 13 сентября 1994 г. № 1055, Правила аккредитации российских журналистов при Федеральной пограничной службе РФ, утвержденные приказом ФПС РФ от 10 января 2000 г. № 18.

Журналист может быть лишен аккредитации, если им или редакцией нарушены установленные правила аккредитации либо распространены не соответствующие действительности сведения, порочащие честь и достоинство организации, аккредитовавшей журналиста, что подтверждено вступившим в законную силу решением суда.

Аккредитация собственных корреспондентов редакций средств массовой информации осуществляется в соответствии с требованиями настоящей статьи.

Статья 49. Обязанности журналиста

Журналист обязан:

- 1) соблюдать устав редакции, с которой он состоит в трудовых отношениях;
- 2) проверять достоверность сообщаемой им информации;
- 3) удовлетворять просьбы лиц, предоставивших информацию, об указании на ее источник, а также об авторизации цитируемого высказывания, если оно оглашается впервые;
- 4) сохранять конфиденциальность информации и (или) ее источника;
- 5) получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей;
- 6) при получении информации от граждан и должностных лиц ставить их в известность о проведении аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки;
- 7) ставить в известность главного редактора о возможных исках и предъявлении иных предусмотренных законом требований в связи с распространением подготовленного им сообщения или материала;
- 8) отказаться от данного ему главным редактором или редакцией задания, если оно либо его выполнение связано с нарушением закона;
- 9) предъявлять при осуществлении профессиональной деятельности по первому требованию редакционное удостоверение или иной документ, удостоверяющий личность и полномочия журналиста.

Журналист несет также иные обязанности, установленные законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации.

При осуществлении профессиональной деятельности журналист обязан уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций.

Государство гарантирует журналисту в связи с осуществлением им профессиональной деятельности защиту его чести, достоинства, здоровья, жизни и имущества как лицу, выполняющему общественный долг.

Статья 50. Скрытая запись

Распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки, допускается:

- 1) если это не нарушает конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- 2) если это необходимо для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц;
- 3) если демонстрация записи производится по решению суда.

Статья 51. Недопустимость злоупотребления правами журналиста

Не допускается использование установленных настоящим Законом прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации.

Запрещается использовать право журналиста на распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан исключительно по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями.

Статья 52. Специальный статус

Профессиональный статус журналиста, установленный настоящим Законом, распространяется:

на штатных сотрудников редакций, занимающихся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для многотиражных газет и других средств массовой информации, продукция которых распространяется исключительно в пределах одного предприятия (объединения), организации, учреждения;

на авторов, не связанных с редакцией средства массовой информации трудовыми или иными договорными отношениями, но признаваемых ею своими внештатными авторами или корреспондентами, при выполнении ими поручений редакции.

Глава VII. Ответственность за нарушение законодательства о средствах массовой информации

Статья 56. Возложение ответственности

Учредители, редакции, издатели, распространители, государственные органы, организации, учреждения, предприятия и общественные объединения, должностные лица, журналисты, авторы распространенных сообщений и материалов несут ответственность за нарушения законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации.

Статья 57. Освобождение от ответственности

Редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоин-

ство граждан и организаций, либо ущемляющих права и законные интересы граждан, либо представляющих собой злоупотребление свободой массовой информации и (или) правами журналиста:

- 1) если эти сведения присутствуют в обязательных сообщениях;
- 2) если они получены от информационных агентств;
- 3) если они содержатся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб государственных органов, организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений;
- 4) если они являются дословным воспроизведением фрагментов выступлений народных депутатов на съездах и сессиях Советов народных депутатов, делегатов съездов, конференций, пленумов общественных объединений, а также официальных выступлений должностных лиц государственных органов, организаций и общественных объединений;
- 5) если они содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию в соответствии с настоящим Законом;
- 6) если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации.

Статья 58. Ответственность за ущемление свободы массовой информации

Ущемление свободы массовой информации, то есть воспрепятствование в какой бы то ни было форме со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций, общественных объединений законной деятельности учредителей, редакций, издателей и распространителей продукции средства массовой информации, а также журналистов, в том числе посредством:

- осуществления цензуры;
- вмешательства в деятельность и нарушения профессиональной самостоятельности редакции;
- незаконного прекращения либо приостановления деятельности средства массовой информации;
- нарушения права редакции на запрос и получение информации;
- незаконного изъятия, а равно уничтожения тиража или его части;
- принуждения журналиста к распространению или отказу от распространения информации;
- установления ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну;

нарушения прав журналиста, установленных настоящим Законом, — влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Обнаружение органов, организаций, учреждений или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, — влечет немедленное прекращение их финансирования и ликвидацию в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

Статья 59. Ответственность за злоупотребление свободой массовой информации

Злоупотребление свободой массовой информации, выразившееся в нарушении требований статьи 4 настоящего Закона, — влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Злоупотребление правами журналиста, выразившееся в нарушении требований статей 50 и 51 настоящего Закона, либо несоблюдение обязанностей журналиста — влечет уголовную или дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Президент Российской Федерации Б. Ельцин
Москва, Дом Советов России

27 декабря 1991 года
№ 2124-1

Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне (утвержден Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203) (с изменениями от 24 января 1998 г., 6 июня, 10 сентября 2001 г., 29 мая 2002 г.)

- I. Общие положения
- II. Сведения в военной области
- III. Сведения о внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности
- IV. Сведения в области экономики, науки и техники
- V. Сведения в области разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности и организации защиты государственной тайны

I. Общие положения

1. Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, содержит сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности государства, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации, а также наименования федеральных органов исполнительной власти и других организаций (далее именуются государственные органы), наделенных полномочиями по распоряжению этими сведениями.

Каждый из указанных в настоящем перечне государственных органов наделяется полномочиями по распоряжению сведениями отраслевой (ведомственной) принадлежности в рамках его компетенции, определенной положением о конкретном государственном органе, а также сведениями других собственников информации соответствующей тематической направленности по их представлению.

Настоящий перечень пересматривается по мере необходимости.

2. В настоящем перечне применяются следующие понятия:

«специальные объекты» — пункты управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации, а также другие объекты, обеспечивающие функционирование федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в военное время;

«военные объекты» — боевые позиции войск, пункты управления, полигоны, узлы связи, базы, склады и другие сооружения военного назначения;

«режимные объекты» — военные и специальные объекты, воинские части, предприятия, организации, учреждения, для функционирования которых установлены дополнительные меры безопасности;

«предприятия и организации» — юридические лица независимо от форм собственности, создаваемые в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также их филиалы и представительства;

«войска» — Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования, органы и создаваемые на военное время специальные формирования, предусмотренные Федеральным законом «Об обороне»;

«вооружение» — средства, предназначенные для поражения живой силы, техники, сооружений и других объектов противника, составные части этих средств и комплектующие изделия;

«военная техника» — технические средства, предназначенные для боевого, технического и тылового обеспечения деятельности войск, а также оборудование и аппаратура для контроля и испытаний этих средств, составные части этих средств и комплектующие изделия;

«объекты оборонной промышленности» — предприятия по разработке, производству и ремонту вооружения, военной техники или снаряжения;

«оружие массового поражения» — ядерное, химическое, биологическое или иное оружие большой поражающей способности, применение которого вызывает массовые потери и (или) разрушения.

«инфраструктура экономики Российской Федерации» — отрасли экономики Российской Федерации, используемые в интересах обеспечения обороноспособности и безопасности государства.

3. В настоящем перечне применяется сокращение: ГУСП — Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации.

4. В позициях 59, 60, 68—70 и 76 настоящего перечня указаны государственные органы, руководители которых наделены полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне.

5. В позициях 39, 57, 58 и 60 настоящего перечня указаны стратегические виды сырья, материалов и топлива, списки (перечни) которых формируют в пределах своей компетенции и по взаимному согласованию государственные органы, наделенные полномочиями по распоряжению сведениями, отнесенными к государственной тайне.

6. В настоящем перечне:

при перечислении сведений через союз «и» либо через запятую с союзом «и» перед последней категорией сведений степень секретности устанавливается для всех сведений в совокупности;

при перечислении сведений через запятую, союзы «или» и «либо» степень секретности устанавливается для каждого сведения в отдельности;

при перечислении сведений слова «а также» предшествуют сведениям, которые отличны от предыдущих, но для которых устанавливается аналогичная степень секретности.

II. Сведения в военной области

1. Сведения, раскрывающие стратегические планы применения войск, оперативные планы, документы боевого управления, документы по приведению войск в различные степени боевой готовности

МВД России
 Минобороны России
 МЧС России
 ФАПСИ
 ФПС России
 Минюст России

2. Сведения о стратегическом и оперативном развертывании войск

МВД России
 Минобороны России
 МЧС России
 ФАПСИ
 ФПС России
 Администрация Президента
 Российской Федерации
 Минюст России

3. Сведения о планах строительства, развитии, численности, боевом составе или количестве войск, их боевой готовности, а также о военно-политической и (или) оперативной обстановке

МВД России
 Минобороны России
 МЧС России
 ФАПСИ
 ФПС России
 Администрация Президента
 Российской Федерации
 Минюст России

4. Сведения, раскрывающие состояние оперативной (боевой) подготовки войск, обеспеченность их деятельности, состав и (или) состояние систем управления войсками

МВД России
 Минобороны России
 ФАПСИ
 ФПС России
 МЧС России
 Минюст России

5. Сведения о мобилизационном развертывании войск, их мобилизационной готовности, о создании и использовании мобилизационных ресурсов, системе управления мобилизационным развертыванием и

МВД России
 Минобороны России
 Минюст России
 МЧС России

(или) о возможностях комплектования войск личным составом, обеспечения вооружением, военной техникой и другими материальными, финансовыми средствами, а также воинскими перевозками

6. Сведения, раскрывающие направления, и долгосрочные прогнозы или планы развития вооружения и военной техники, содержание или результаты выполнения целевых программ, научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ по созданию или модернизации образцов вооружения и военной техники, их тактико-технические характеристики

7. Сведения, раскрывающие направления разработки, конструкцию, технологию изготовления, изотопный состав, боевые, физические, химические или ядерные свойства, порядок применения или эксплуатации вооружения и военной техники

ФАПСИ
ФПС России
Администрация Президента
Российской Федерации
Минэкономразвития России

Минатом России
МВД России
Минздрав России
Минобороны России
Минобразование России
МПС России
Минэкономразвития России
Минтранс России
МЧС России
Минпромнауки России
Минэнерго России
Росгидромет
ФАПСИ
ФПС России
ФСБ России
ФСО России
Росавиакосмос
РАСУ
Росбоеприпасы
Россудостроение
РАВ

Минатом России
МВД России
Минздрав России
Минобороны России
Минобразование России
Минпромнауки России
Минэнерго России
Минтранс России
МЧС России
Росавиакосмос
Росгидромет

	ФПС России ФСБ России РАСУ Росбоеприпасы Россудостроение РАВ
8. Сведения, раскрывающие производственные мощности, плановые или фактические данные о выпуске и (или) поставках (в натуральном выражении) средств бактериальной или медицинской защиты	Минздрав России Минобороны России Минобразование России Минпромнауки России
9. Сведения о разработке, технологии, производстве, об объемах производства, о хранении и (или) утилизации ядерных боеприпасов и (или) их составных частей, делящихся материалов, ядерных энергетических установок, специальных физических установок оборонного назначения, о технических средствах и (или) методах защиты ядерных боеприпасов от несанкционированного применения	Минатом России Минобороны России Минэкономразвития России Росбоеприпасы Россудостроение
Сведения, раскрывающие содержание ранее осуществлявшихся работ в области оружия массового поражения, достигнутые при этом результаты, а также сведения о составе образца и (или) рецептуре, технологии производства или снаряжении изделий	Минатом России Минздрав России Минобороны России ФСБ России
10. Сведения о проектировании, сооружении, эксплуатации или обеспечении безопасности объектов ядерного комплекса	Минатом России МВД России Минобороны России Россудостроение
11. Сведения, раскрывающие достижения атомной науки и техники, имеющие важное оборонное и экономическое значение или определяющие качественно новый уровень возможности создания вооружения и военной техники и (или) принципиально новых изделий и технологий	Минатом России Минобороны России Минэкономразвития России
12. Сведения, раскрывающие свойства, рецептуру или технологию производства ракетных топлив, а	Минобороны России Минобразование России

также баллистических порохов, взрывчатых веществ или средств взрыва военного назначения, а также новых сплавов, спецжидкостей, новых топлив для вооружения и военной техники

13. Сведения, раскрывающие дислокацию, действительные наименования, организационную структуру, вооружение, численность войск, не подлежащие открытому объявлению в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации

14. Сведения об использовании инфраструктуры Российской Федерации в интересах обеспечения обороноспособности и безопасности государства

15. Сведения о дислокации, назначении, степени готовности или защищенности режимных объектов, не подпадающие под обязательства Российской Федерации по международным договорам, о выборе, отводе земельных участков, недр или акваторий для строительства указанных объектов, а также о планируемых или проводимых изыскательских, проектных и иных работах по созданию этих объектов

Минпромнауки России
Минэнерго России
Росавиакосмос
Росбоеприпасы

Минатом России
МВД России
Минобороны России
МПС России
МЧС России
ФАПСИ
ФПС России
Минюст России

МВД России
Минздрав России
Минобороны России
МПС России
Минэкономразвития России
Минпромнауки России
Минсельхоз России
Минтранс России
Минюст России
МЧС России
ФСБ России
ФПС России
ГУСП
Администрация Президента
Российской Федерации
Минэнерго России

Минатом России
МВД России
Минобороны России
МПР России
МЧС России
Минэкономразвития России
ФСБ России
ФСО России

	Минпромнауки России
	Росземкадастр
	Росавиакосмос
	РАСУ
	Росбоеприпасы
	Россудостроение
	РАВ
Те же сведения применительно к специальным объектам органов государственной власти	ГУСП
16. Сведения об использовании или перспективах развития взаимоувязанной сети связи Российской Федерации в интересах обеспечения обороноспособности и безопасности государства	МВД России Минобороны России Минюст России ФСБ России ФАПСИ ФСО России ГФС России Минсвязи России
17. Сведения, раскрывающие распределение или использование полос радиочастот радиоэлектронными средствами военного или специального назначения	МВД России Минобороны России Минюст России ФСБ России ФАПСИ ФСО России Минсвязи России
18. Сведения, раскрывающие организацию или функционирование всех видов связи, радиолокационного, радиотехнического обеспечения войск	МВД России Минобороны России ФАПСИ ФПС России
19. Сведения, раскрывающие содержание, организацию или результаты основных видов деятельности органов пограничной службы ФПС России, построение охраны государственной границы Российской Федерации, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации или государств — участников СНГ	ФПС России

20. Сведения, раскрывающие направления развития средств, технологий двойного назначения, содержание, результаты выполнения целевых программ, научно-исследовательских и (или) опытно-конструкторских работ по созданию или модернизации этих средств, технологий. Сведения о применении в военных целях средств, технологий двойного назначения

Минатом России
Минздрав России
Минобороны России
Минобразование России
Минэкономразвития России
Минпромнауки России
ФСБ России
ФСО России
Минсвязи России
Росгидромет
Росавиакосмос
РАСУ
Росбоеприпасы
Россудостроение
РАВ

21. Сведения о перспективах развития и (или) об использовании космической инфраструктуры Российской Федерации в интересах обеспечения обороноспособности и безопасности государства

Минобороны России
Минэкономразвития России
ФСБ России
Росавиакосмос
РАВ

22. Сведения, раскрывающие состояние и (или) направления развития гидронавтики в интересах обороны и безопасности государства

Минобороны России
Минпромнауки России
Россудостроение

III. Сведения о внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности

23. Сведения по вопросам внешней политики, внешней торговли, научно-технических связей, раскрывающие стратегию и тактику внешней политики Российской Федерации, преждевременное распространение которых может нанести ущерб интересам государства

Минпромнауки России
Минздрав России
МИД России
Минобороны России
Администрация Президента Российской Федерации
Минэкономразвития России
КВТС России

24. Сведения по политическим, военным, научно-техническим или экономическим вопросам в отно-

Минатом России
Минпромнауки России

шении одного или ряда иностранных государств, полученные в доверительном порядке, если их разглашение может привести к выявлению источника этих сведений

МИД России
 Минэнерго России
 Минобороны России
 МПС России
 Минэкономразвития России
 ФПС России
 КВТС России

25. Сведения о переговорах между представителями Российской Федерации и представителями других государств о выработке единой принципиальной позиции в международных отношениях, если, по мнению участников переговоров, разглашение этих сведений может повлечь для одной из сторон дипломатические осложнения

МИД России
 Минобороны России
 СВР России
 Минэкономразвития России
 КВТС России

26. Сведения о подготовке, заключении, ратификации, подготовке денонсации, содержании или выполнении договоров, конвенций или соглашений с иностранными государствами, преждевременное распространение которых может нанести ущерб обороноспособности, безопасности, политическим или экономическим интересам Российской Федерации

Минатом России
 Минпромнауки России
 МИД России
 Минобороны России
 Минэкономразвития России
 СВР России
 ФПС России
 ФСО России
 Росавиакосмос
 Росбоеприпасы
 КВТС России

27. Сведения о российском экспорте и импорте вооружения и военной техники, их ремонте и эксплуатации, об оказании технического содействия иностранным государствам в создании вооружения, военной техники, военных объектов и объектов оборонной промышленности, а также сведения об оказании Российской Федерацией военно-технической помощи иностранным государствам, если разглашение этих сведений может повлечь для одной из сторон дипломатические осложнения

Минпромнауки России
 Минобороны России
 Минэкономразвития России
 ФАПСИ
 Росавиакосмос
 РАСУ
 Росбоеприпасы
 КВТС России

Сведения, раскрывающие планы (задания) государственного оборонного заказа в части экспортно-импортных поставок в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами

Минобороны России
Минфин России
Минэкономразвития России
ФАПСИ
КВТС России

28. Сведения, раскрывающие существо или объем экономического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в особый период, а также взаимодействие военно-мобилизационных органов внешнеэкономических организаций государств — участников СНГ по этим вопросам

Минобороны России
Минэкономразвития России
МЧС России
КВТС России

29. Сведения, раскрывающие содержание мероприятий по обеспечению взаимных поставок сырья, материалов, топлива, оборудования, медикаментов между Российской Федерацией и государствами — участниками СНГ на расчетный год или мероприятий по оказанию последним технического содействия в строительстве предприятий и объектов на расчетный год в целом по Российской Федерации

Минпромнауки России
Минобороны России
МПС России
МЧС России
Минэкономразвития России
Минэнерго России

30. Сведения, раскрывающие объемы перевозок экспортно-импортных грузов между Российской Федерацией и государствами — участниками СНГ на расчетный год в целом по Российской Федерации

Минобороны России
МЧС России
Минэкономразвития России

IV. Сведения в области экономики, науки и техники

31. Сведения о показателях, определяющих подготовку экономики Российской Федерации к устойчивому функционированию в военное время

Минатом России
МВД России
Минпромнауки России
Минобороны России
Минообразование России
МПС России
Минэкономразвития России
Минфин России
МЧС России
Минюст России
Минэнерго России

32. Сведения, раскрывающие существо новейших достижений в области науки и техники, которые могут быть использованы в создании принципиально новых изделий, технологических процессов в различных отраслях экономики, а также сведения, определяющие качественно новый уровень возможностей вооружения и военной техники, повышения их боевой эффективности, разглашение которых может нанести ущерб интересам государства

33. Сведения, раскрывающие содержание и (или) направленность научно-исследовательских, опытно-конструкторских или проектных работ, проводимых в интересах обороны и обеспечения безопасности государства

ФСБ России
Администрация Президента
Российской Федерации

Минэнерго России
Минздрав России
Росавиакосмос
Минобороны России
Минобразование России
МПС России
Минпромнауки России
РАСУ
МЧС России
Росгидромет
СВР России
ФАПСИ
ФПС России
ФСБ России
ФСО России
Росбоеприпасы
Россудостроение
РАВ

Минатом России
Минэкономразвития России
Минобороны России
Минобразование России
МПР России
Минтранс России
МЧС России
Минпромнауки России
Минэнерго России
СВР России
ФАПСИ
ФПС России
ФСБ России
ФСО России
ГУСП
Росгидромет

34. Сведения о подготовке или распределении кадров, раскрывающие мероприятия, проводимые в интересах обеспечения безопасности государства

Росавиакосмос
РАСУ
Росбоеприпасы
Россудостроение
РАВ

Минобороны России
Минобразование России
Минэкономразвития России
СВР России
ФПС России
ФСБ России
ФСО России
Администрация Президента
Российской Федерации

35. Сведения, раскрывающие результаты работ в области гидрометеорологии или гелиогеофизики, а также результаты специальных геолого-геофизических исследований, проводимых в интересах обеспечения безопасности государства

Минобороны России
МГР России
Росгидромет

36. Сведения, раскрывающие планы (задания) государственного оборонного заказа, объемы поставок вооружения и военной техники, производственные мощности по их выпуску.

Сведения о кооперационных связях предприятий, о разработчиках или изготовителях вооружения и военной техники, и если эти сведения раскрывают данные о производственных мощностях по их выпуску и (или) основные тактико-технические характеристики вооружения и военной техники

Минатом России
МВД России
Минпромнауки России
Минобороны России
Минэкономразвития России
Минтранс России
МЧС России
Минюст России
Минэнерго России
ФАПСИ
ФСБ России
ФСО России
Росавиакосмос
РАСУ
Росбоеприпасы
Россудостроение
РАВ
КВТС России

37. Сведения, раскрывающие состояние метрологического обеспечения вооружения и военной техники, технические или метрологические характеристики военных эталонов или средств метрологического обеспечения, определяющие качественно новый уровень вооружения и военной техники. Сведения, раскрывающие основные направления или программы развития стандартизации, а также содержание стандартов в области вооружения и военной техники

Минобороны России
Росавиакосмос
РАСУ
Госстандарт России
ФАПСИ
Росбоеприпасы
Россудостроение
РАВ

38. Сведения, раскрывающие прогнозные оценки научно-технического прогресса в Российской Федерации и его социально-экономические последствия по направлениям, определяющим обороноспособность государства

Минобороны России
Минэкономразвития России
Минпромнауки России

39. Сведения об объемах производства в натуральном выражении цветных, редких металлов (в соответствии со списком стратегических видов полезных ископаемых, определяемым Правительством Российской Федерации), а также других материалов, имеющих стратегическое значение

Минобороны России
Минпромнауки России

40. Сведения о государственных запасах платины, металлов платиновой группы (палладия, иридия, родия, рутения, осмия), серебра, природных алмазов в натуральном или денежном выражении в целом по Российской Федерации или по федеральному органу исполнительной власти

Минфин России
Банк России

41. Сведения о прогнозных или фактических объемах добычи природных алмазов в натуральном выражении в целом по Российской Федерации, по отдельному субъекту Российской Федерации или федеральному органу исполнительной власти

Минфин России
Банк России

42. Сведения о прогнозных или фактических объемах производства платины, металлов плати-

Минфин России
Банк России

новой группы (палладия, иридия, родия, рутения, осмия) в натуральном выражении в целом по Российской Федерации, по отдельному субъекту Российской Федерации или федеральному органу исполнительной власти

43. Сведения о поступлениях платины, металлов платиновой группы (палладия, иридия, родия, рутения, осмия), серебра, природных алмазов в Гюхран России, Банк России в натуральном или денежном выражении в целом по Российской Федерации, по отдельному субъекту Российской Федерации или федеральному органу исполнительной власти

Минфин России
Банк России

44. Сведения об объемах потребления платины, металлов платиновой группы (палладия, иридия, родия, рутения, осмия), серебра, природных алмазов в натуральном или денежном выражении за период от одного года и более в целом по Российской Федерации, по отдельному субъекту Российской Федерации или федеральному органу исполнительной власти

Минфин России

45. Сведения об отпуске платины, металлов платиновой группы (палладия, иридия, родия, рутения, осмия), серебра, природных алмазов из Гюхрана России, Банка России в натуральном или денежном выражении в целом по Российской Федерации или по федеральному органу исполнительной власти

Минфин России

46. Сведения о балансовых запасах в недрах страны, о приросте разведанных запасов природных алмазов от 25 млн. карат и выше, платины, металлов платиновой группы (палладия, иридия, родия, рутения, осмия) от 50 тонн и выше в целом по Российской Федерации, по отдельному субъекту Российской Федерации или крупному месторождению, если размеры запасов соответствуют указанным размерам (кроме сведений, полученных в процессе совместных работ, выполненных с участием юридических и физических лиц иностранных государств на конкретных

МГР России
Минфин России

месторождениях полезных ископаемых либо на их участках)

47. Сведения о себестоимости платины, металлов платиновой группы (палладия, иридия, родия, рутения, осмия), природных алмазов в целом по Российской Федерации или по отдельному субъекту Российской Федерации

Минфин России
Банк России

48. Сведения о балансовых запасах в недрах страны или о добыче стратегических видов полезных ископаемых (в соответствии со списком стратегических видов полезных ископаемых, определяемым Правительством Российской Федерации) в целом по Российской Федерации, по отдельному субъекту Российской Федерации или крупному месторождению в размерах, определяемых государственными органами, наделенными полномочиями по распоряжению сведениями, отнесенными к государственной тайне (кроме сведений, полученных в процессе совместных работ, выполненных с участием юридических и физических лиц иностранных государств на конкретных месторождениях полезных ископаемых либо на их участках)

МПР России
Минэкономразвития России
Минэнерго России

49. Сведения о расходах федерального бюджета, связанных с обеспечением безопасности Российской Федерации (кроме обобщенных показателей)

Минфин России
Минэкономразвития России

50. Сведения, раскрывающие затраты на научно-исследовательские, опытно-конструкторские работы по созданию вооружения, военной техники

Минатом России
МВД России
Минэкономразвития России
Минобороны России
МЧС России
ФАПСИ
ФПС России
ФСБ России

	ФСО России Минпромнауки России Росавиакосмос РАСУ Росбоеприпасы Россудостроение РАВ
Те же сведения применительно к работам, проводимым в интересах специальных объектов	ГУСП
51. Сведения, раскрывающие ассигнования или фактические затраты на заказы, разработку, производство или ремонт вооружения и военной техники, режимных объектов	Минатом России Минпромнауки России Минобороны России МЧС России Минэкономразвития России СВР России ФАПСИ ФПС России ФСБ России ФСО России Росавиакосмос РАСУ Росбоеприпасы Россудостроение РАВ
Те же сведения применительно к специальным объектам	ГУСП
52. Сведения по неурегулированным расчетам Российской Федерации с иностранными государствами (кроме обобщенных показателей по внешней задолженности)	МИД России Минфин России Банк России Минэкономразвития России КВТС России
53. Сведения о финансовой и (или) денежно-кредитной деятельности, преждевременное распространение которых может нанести ущерб безопасности государства	Минфин России Банк России

<p>54. Сведения, раскрывающие расходы денежных средств на содержание войск по отдельным статьям смет федеральных органов исполнительной власти</p>	<p>МВД России Минобороны России МЧС России ФАПСИ ФПС России Минэкономразвития России Гостехкомиссия России</p>
<p>55. Сведения о денежных банкнотах нового образца или проектах монет (кроме юбилейных и памятных) до официального опубликования</p>	<p>Банк России</p>
<p>56. Сведения о производстве банкнот Банка России в натуральном или денежном выражении, способах, обеспечивающих защиту этих банкнот и других изделий Гознака от подделок, а также о способах определения их подлинности</p>	<p>МВД России Минфин России Банк России</p>
<p>57. Сведения, раскрывающие объемы выпуска или поставок стратегических видов сельскохозяйственного сырья</p>	<p>Минобороны России Минэкономразвития России Минсельхоз России</p>
<p>58. Сведения, раскрывающие объемы поставок и запасов стратегических видов топлива</p>	<p>Минобороны России Минэкономразвития России Минэнерго России</p>
<p>59. Сведения о мобилизационных мощностях по изготовлению (ремонту) вооружения, военной техники, о создании и (или) развитии (сохранении) этих мощностей</p>	<p>федеральные органы исполнительной власти, имеющие мобилизационные задания</p>
<p>60. Сведения о мобилизационных мощностях по производству продукции общего применения, включаемой в мобилизационные задания, стратегических видов сырья, материалов (в соответствии с перечнем важнейших видов материалов стратегического назначения, необходимых для обороны и безопасности Российской Федерации), о создании и (или) развитии (сохранении) этих мощностей</p>	<p>федеральные органы исполнительной власти, имеющие мобилизационные задания</p>

61. Сведения, раскрывающие работы, проводимые в целях создания средств индикации, дегазации, химической или биологической защиты от поражения или новых сорбционных и других материалов для них
62. Сведения, раскрывающие результаты топографической, геодезической или картографической деятельности, имеющие важное оборонное или экономическое значение
63. Сводные данные о российском экспорте и импорте немонетарного золота, драгоценных металлов и камней или изделий из них
64. Сведения, раскрывающие состояние, оборудование, подготовку для военных целей транспортной сети, средств транспорта, объемы воинских перевозок и маршруты транспортировки вооружения и военной техники
65. Сведения, раскрывающие возможности и (или) мобилизационные резервы железных дорог и МПС России по обеспечению железнодорожных перевозок грузов, организацию и объемы воинских перевозок, объемы перевозок и маршруты транспортировки стратегических видов энергетического, минерального, сельскохозяйственного сырья, топлива, материалов, отдельных видов вооружения или военной техники, организацию и (или) функционирование системы связи или управления, а также специальные меры по обеспечению безопасности железнодорожного движения или сохранности грузов
66. Сведения, раскрывающие дислокацию, специализацию, мощности и (или) пропускную способность пунктов погрузки или выгрузки войск, данные об их продовольственном, медико-санитарном обслуживании

Минздрав России
Минобороны России
Минобразование России
МЧС России
Минэкономразвития России
Минпромнауки России
Росбоеприпасы

Минобороны России
Росземкадастр
Роскартография

Минэкономразвития России
Банк России

МВД России
Минобороны России
Минтранс России

МВД России
Минобороны России
МПС России

Минобороны России
МПС России

<p>67. Сведения, раскрывающие мобилизационную потребность в транспортных средствах, в том числе по отдельным видам транспорта, и (или) мобилизационную обеспеченность ими</p>	<p>Минздрав России Минобороны России МЧС России Минтранс России МЧС России Минэкономразвития России Минпромнауки России</p>
<p>68. Сведения, раскрывающие состояние сил или средств гражданской обороны в целом по Российской Федерации</p>	<p>федеральные органы исполнительной власти, располагающие силами гражданской обороны</p>
<p>69. Сведения, раскрывающие структурную организацию или показатели мобилизационного плана экономики Российской Федерации, а также состояние мобилизационной подготовки федеральных органов исполнительной власти или отдельных организаций</p>	<p>федеральные органы исполнительной власти, имеющие мобилизационные задания</p>
<p>70. Сведения, раскрывающие дислокацию, фактические запасы государственных и (или) мобилизационных резервов, их использование</p>	<p>федеральные органы исполнительной власти, имеющие мобилизационные задания</p>
<p>71. Сведения, характеризующие состояние страхового фонда документации на вооружение и военную технику, основные виды гражданской продукции, включаемые в мобилизационные планы, на объекты повышенного риска и (или) системы жизнеобеспечения населения, на объекты, являющиеся национальным достоянием, а также сведения о дислокации объектов (баз) хранения страхового фонда документации в целом по Российской Федерации</p>	<p>Минатом России Минобороны России МЧС России МЧС России Минэкономразвития России Минпромнауки России Росавиакосмос РАСУ Росбоеприпасы Россудостроение РАВ</p>
<p>72. Сведения, раскрывающие планы, содержание или результаты научно-исследовательских работ в области мобилизационной подготовки промышленности Российской Федерации</p>	<p>Минобороны России МЧС России Минэкономразвития России Минпромнауки России Росавиакосмос</p>

73. Сведения, раскрывающие платежный баланс Российской Федерации с зарубежными странами в целом на военный период

74. Сведения о горных выработках, естественных полостях, метрополитенах или других сооружениях, которые могут быть использованы в интересах обороны страны, а также сведения, раскрывающие схемы водоснабжения городов с населением более 300 тыс. человек, железнодорожных узлов и (или) расположение головных сооружений водопровода и водовода, их питающих

75. Сведения о физико-химических явлениях (полях), сопутствующих созданию, производству и (или) эксплуатации вооружения, военной техники, раскрывающие их охраняемые параметры

РАСУ

Росбоеприпасы

Россудостроение

РАВ

Минобороны России

Банк России

Минэкономразвития России

Минобороны России

МПР России

МЧС России

Гострой России

Минатом России

МВД России

Минздрав России

Минобороны России

Минобразование России

Минпромнауки России

Росавиакосмос

Минтранс России

Минэнерго России

МЧС России

Росгидромет

ФАПСИ

ФПС России

ФСБ России

Гостехкомиссия России

РАСУ

Росбоеприпасы

Россудостроение

РАВ

V. Сведения в области разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности и организации защиты государственной тайны

76. Сведения в области разведывательной, контрразведывательной деятельности и защиты информации, раскрывающие организацию или фактическое состояние защиты государственной тайны

органы государственной власти, организующие обеспечение защиты государственной тайны

77. Сведения, раскрывающие методы и средства защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, планируемые и (или) проводимые мероприятия по защите информации от несанкционированного доступа, иностранных технических разведок и утечки по техническим каналам, а также данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения

Минобороны России
ФАПСИ
ФСБ России
ФСО России
Гостехкомиссия России
СВР России

78. Сведения о системе президентской, правительственной, шифрованной связи, в том числе кодированной и засекреченной, о шифрах, их разработке, изготовлении и обеспечении ими, о методах и средствах анализа шифровальных средств и средств специальной защиты, об информационно-аналитических системах специального назначения

Минобороны России
ФАПСИ
ФСО России
ФСБ России
Администрация Президента
Российской Федерации

79. Сведения, раскрывающие организацию, силы, средства или методы обеспечения безопасности объектов государственной охраны, а также данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения

ФСО России
Администрация Президента
Российской Федерации

80. Сведения, раскрывающие силы, средства, методы, планы, состояние или результаты разведывательной, контрразведывательной или оперативно-розыскной деятельности, а также данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения.

Минобороны России
ФСБ России
ФСО России
МВД России
ФПС России
ФАПСИ

Сведения о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими контрразведывательную или оперативно-розыскную деятельность, о сотрудниках ФСБ России, выполняющих (выполнявших) специальные задания в специальных службах и организациях иностранных государств, в преступных группах.

Сведения, раскрывающие принадлежность конкретных лиц к кадровому составу органов контрразведки Российской Федерации.

Сведения, раскрывающие состояние, результаты, а также мероприятия оперативно-мобилизационной работы

81. Сведения, раскрывающие силы, средства, источники, методы, планы, состояние, организацию, результаты разведывательной или оперативно-розыскной деятельности. Сведения, раскрывающие принадлежность конкретных лиц к кадровому составу органов внешней разведки Российской Федерации, а также данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения.

Сведения о лицах, оказывающих (оказавших) конфиденциальное содействие органам внешней разведки Российской Федерации. Сведения, раскрывающие состояние и результаты оперативно-мобилизационной работы, проводимой в области внешней разведки

82. Сведения, раскрывающие силы, средства, методы, планы и результаты оперативно-розыскной деятельности, а также данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения. Сведения о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность

ФСНП России

Минобороны России
СВР России
ФСБ России
МВД России
ФПС России
ФАПСИ
ФСНП России

МВД России
ФСНП России
ГТК России
Минюст России

83. Сведения, раскрывающие принадлежность конкретных лиц к подразделениям по борьбе с организованной преступностью, а также проводимые ими оперативно-поисковые и оперативно-технические мероприятия

МВД России
ФСБ России
Минюст России

84. Сведения, раскрывающие принадлежность конкретных лиц к кадровому составу оперативных подразделений таможенных органов

ГТК России

85. Сведения, раскрывающие силы, средства и методы ведения следствия по уголовным делам о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, а также по уголовным делам, в ходе предварительного следствия по которым исследуются обстоятельства, содержащие сведения, отнесенные законодательством Российской Федерации к государственной тайне

МВД России
ФСБ России

86. Сведения, раскрывающие силы, средства, методы, планы, состояние и результаты деятельности органов радиоэлектронной разведки средств связи, а также данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения

Минобороны России
ФАПСИ
ФСБ России

87. Сведения, раскрывающие силы, средства, методы, планы или результаты разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности органов пограничной службы ФПС России, а также данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения.

ФПС России

Сведения о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе с органами пограничной службы ФПС России, осуществляющими разведывательную, контрразведывательную или оперативно-розыскную деятельность

О поощрении журналистов наградами и подарками Министерства обороны РФ в 2000—2002 гг.

За успехи в освещении деятельности Министерства обороны РФ и жизни Вооруженных сил РФ, «за заслуги в укреплении боевого содружества и военного сотрудничества» в 2000—2002 гг. награждены медалью «За укрепление боевого содружества» российские журналисты (место работы на момент награждения):

- А. В. Абакумов («Радио России»)
- В. И. Андриянов (газета «Трибуна»)
- Л. А. Баталов (газета «Российская газета»)
- Ф. С. Бондарчук («Студия 2В»)
- А. В. Васильев (газета «Коммерсантъ»)
- Б. А. Вишняк (МОФ ТВЦ «Образование»)
- А. К. Волин (РИА «Вести»)
- Ю. В. Голотюк (газета «Время новостей»)
- П. Н. Гусев (газета «Московский комсомолец»)
- В. Р. Джибути (информационное агентство «Интерфакс»)
- О. Б. Добродеев (ВГТРК)
- А. М. Евдокимов (журнал «Защита и безопасность»)
- И. А. Егоров (газета «Газета»)
- А. В. Жидаков (РИА «Новости»)
- В. Н. Игнатенко (ИТАР-ТАСС)
- А. А. Ильин (газета «Правда»)
- М. М. Кожокин (газета «Известия»)
- А. Г. Колодный (газета «Век»)
- А. Е. Кондрашов (газета «Аргументы и факты»)
- А. В. Коновалов (РИА «Новости»)
- Д. М. Кончаловский (телекомпания «ВИД»)
- М. В. Комиссар (информационное агентство «Интерфакс»)
- П. М. Коряшкин (ИТАР-ТАСС)
- Л. П. Кравченко (газета «Парламентская газета»)
- О. С. Кузин (газета «Санкт-Петербургские ведомости»)

В. М. Кулистиков (РИА «Вести»)
М. В. Леонтьев (ОРТ)
В. А. Матыцин (агентство «Фото ИТАР-ТАСС»)
А. Н. Михайловский (телекомпания «ВИД»)
Е. М. Николенко (ВГТРК)
В. А. Нуякшев (ИТАР-ТАСС)
А. Н. Островский (ОРТ)
Б. М. Петров (ИТАР-ТАСС)
Ю. М. Поляков (газета «Литературная газета»)
Н. Н. Поросков (газета «Век»)
А. С. Потапов (газета «Труд»)
Е. В. Ревенко (ВГРТК)
М. В. Рогожинков (интернет-издание «Страна.ру»)
В. С. Сварцевич (газета «Аргументы и факты»)
С. Б. Сокут (газета «Независимое военное обозрение»)
В. А. Старков (газета «Аргументы и факты»)
В. Н. Сунгоркин (газета «Комсомольская правда»)
В. А. Фронин (газета «Российская газета»)
А. Г. Хохлов (газета «Известия»)
В. Б. Чернов (журнал «Огонек»)
И. А. Черняк (газета «Комсомольская правда»)
Р. С. Шакиров (газета «Газета»)
С. Н. Шульга (ГТРК «Дальневосточное»)
К. Л. Эрнст (ОРТ)
А. С. Ярошевский (телекомпания «РенТВ»)

За активное содействие в решении задач, возложенных на Вооруженные силы РФ, и проявленный при этом высокий профессионализм ценных именных подарков и грамот министра обороны РФ в 2000—2002 гг. удостоены (место работы на момент награждения):

А. В. Абакумов (радиокомпания «Радио России»)
Р. Г. Бабаян (телекомпания «ОРТ»)
М. Л. Бергер (газета «Сегодня»)
В. Л. Богданов (Союз журналистов России)
И. В. Булавинов (газета «Коммерсантъ»)
И. Н. Голембиовский (газета «Новые известия»)
В. Ю. Грунский (телекомпания «НТВ»)
О. Б. Добродеев (ВГТРК)
Ю. Г. Жеглова (радиокомпания «Голос России»)

- В. Н. Игнатенко (ИТАР-ТАСС)
Т. Э. Кеосаян («Студия 2В»)
Е. А. Киселев (телекомпания «НТВ»)
Ф. Д. Клейман («Студия 2В»)
М. М. Кожокин (газета «Известия»)
А. Г. Колодный (газета «Век»)
М. В. Комиссар (информационное агентство «Интерфакс»)
Т. А. Косяченко (газета «Московская правда»)
В. М. Кулиستиков (телекомпания НТВ)
В. Н. Литовкин (газета «Общая газета»)
В. Г. Лошак (газета «Московские новости»)
А. М. Любимов («Медиасоюз»)
А. С. Потапов (газета «Труд»)
В. П. Симонов (газета «Трибуна»)
В. Н. Сунгоркин (газета «Комсомольская правда»)
В. Т. Третьяков (газета «Независимая газета»)
В. А. Фронин (газета «Российская газета»)
В. В. Хлыстун (газета «Труд»)
Д. Д. Шульцев (агентство «Фото ИТАР-ТАСС»)
К. Л. Эрнст (ОРТ)
Е. В. Яковлев (газета «Общая газета»)

Приложение 5

Пресс-службы видов, военных округов и флотов Вооруженных сил РФ (по состоянию на 1 августа 2002 г.)

Вид Вооруженных сил, род войск, округ, флот	Начальник пресс-службы	Телефон	Адрес
Министерство обороны	Полковник ДЕРЯБИН Николай Алексеевич	(095) 296-8429 (095) 296-8437 (деж.)	103160, Москва, К-160, ул. Знаменка, 19. Пресс-служба
Сухопутные войска	Полковник ФИРСОВ Яков Львович	(095) 296-7783 (т/ф)	103160, Москва, К-160, Фрунзенская наб., 22/2. Пресс-служба
Военно-воздушные силы	Полковник ДРОБЫШЕВСКИЙ Александр Владимирович	(095) 525-9171 (095) 261-4351	103160, Москва, К-160, в/ч 52676 «Л». Пресс-служба
Военно-морской флот	Капитан I ранга ДЫГАЛО Игорь Викторович	(095) 204-2116 (095) 204-3888 (095) 204-2649 (т/ф)	103175, К-175, Москва, Большой Козловский пер., 6, ГШ ВМФ. Пресс-служба
Тыла Вооруженных сил	Полковник КОЛПАКОВ Александр Васильевич	(095) 244-6779 (095) 244-6751 (ф)	103160, Москва, К-160. Пресс-служба тыла ВС РФ

Продолжение табл.

Вид Вооруженных сил, род войск, округ, флот	Начальник пресс-службы	Телефон	Адрес
Космические войска	Полковник ДАВИДЕНКО Вячеслав Николаевич	(095) 333-9044 (т/ф) (095) 330-9151	117485, Москва, до востребования
Ракетные войска стратегического назначения	Полковник ВОВК Александр Николаевич	(095) 440-9272 (095) 598-7430 (095) 596-3536 (ф)	103160, Москва, К-160, в/ч 77200. Пресс-служба
Воздушно-десантные войска	Полковник БРАГИН Николай Александрович	(095) 962-9848 (т/ф)	103160, Москва, К-160, штаб ВДВ. Пресс-служба
Московский военный округ	Полковник ГУСАК Виталий Иванович	(095) 950-7001 (095) 950-7690 (095) 951-8908 (т/ф)	113035, Москва, ул. Садовническая, 53. Пресс-служба
Московский округ ВВС и ПВО	Полковник КАЦЕЛЬ Евгений Алексеевич	(095) 924-8826 (095) 925-5383 (деж.)	101000, Москва, ул. Мясницкая, 33. Пресс-служба
Ленинградский военный округ	Полковник КЛЕНОВ Юрий Николаевич	(812) 318-2160 (812) 318-2957	191055, С.-Петербург, Д-55. Пресс-служба

Северо-Кавказский военный округ	Полковник АЛЕХИН Геннадий Тимофеевич	(8632) 40-93-91 (8632) 39-79-42	344007, Ростов-на-Дону, Буденновский просп., 43. Пресс-служба
Группа российских войск в Закавказье	Полковник ЛУДЖЕВИЧ Александр Дмитриевич	(8832) 23-25-61	380114, Тбилиси-114, ул. Университетская, 2. Пресс-служба
Приволжско-Уральский военный округ	Полковник БУДЫКИН Игорь Васильевич	(3432) 59-32-79 (3432) 56-30-73 (ф)	620219, Екатеринбург, ГСП-184, штаб ПУрВО. Пресс-служба
Сибирский военный округ	Полковник ЦЕБЛАНИН Валерий Николаевич	(3022) 26-53-93	672000, Чита, штаб СиБВО. Пресс-служба
Дальневосточный военный округ	Полковник ВАСИЛЬЕВ Сергей Анатольевич	(4212) 39-51-61	680038, Хабаровск-38, ул. Запарина, 126. Пресс-служба
Балтийский флот	Капитан I ранга ЛОБСКИЙ Анатолій Васильевич	(0112) 22-28-13 (т/ф) (0112) 22-27-38	360062, Калининград, ул. Тюленина, 15. Пресс-служба
Северный флот	Капитан I ранга НАВРОЦКИЙ Владимир Михайлович	(81537) 72-810	184600, Североморск, Мурманская обл., в/ч 62720 «П». Пресс-служба
Тихоокеанский флот	Капитан I ранга КОСОЛАПОВ Александр Николаевич	(4232) 21-62-93 (4232) 22-02-49 (4232) 21-62-29	690100, Владивосток-100, в/ч 30942. Пресс-служба
Черноморский флот	Капитан I ранга КРЫЛОВ Андрей Викторович	(0692) 24-91-81 (0692) 54-53-66 (0692) 54-73-33 (ф)	99050, Севастополь, ул. Воронина, 5, штаб ЧФ. Пресс-служба

**Газеты военных округов и флотов Вооруженных сил РФ
(по состоянию на 1 августа 2002 г.)**

Объединение	Газета	Редактор	Адрес, телефон
Ленинградский ВО	«На страже Родины»	Полковник ИСМАГИЛОВ Олег Романович	181196 С.-Петербург, Дворцовая площадь, 10, тел. (812) 318-2312
Северо-Кавказский ВО	«Военный вестник Юга России»	Полковник ТЮТЮННИК Сергей Петрович	344069 Ростов-на-Дону, Таганрогское шоссе, 92, тел. (8632) 78-03-27
Приволжско-Уральский ВО	«Уральские военные вести»	Полковник СКЛЯР Виктор Васильевич	620219 Екатеринбург, ул. Народной воли, 62, тел. (3432) 24-21-32
Приволжско-Уральский ВО	«Солдат Отечества»	Полковник ШЕРШНЕВ Виктор Иосифович	443099 Самара, ул. Пионерская, 19, тел. (8462) 33-49-54
Сибирский ВО	«На боевом посту»	Полковник КАРПОВ Александр Анатольевич	672091 Чита, ул. 9-го Января, 22, тел. (3022) 23-52—19
Дальневосточный ВО	«Суворовский натиск»	Полковник СНИГУР Михаил Дмитриевич	680038 Хабаровск, ул. Запарина, 124, тел. (4212) 39-54-97
Московский ВО	«Красный воин»	Капитан I ранга ХОНДОШКО Михаил Васильевич	Москва, ул. Павловская, 8, тел. (095) 941-2830/21
Московский округ ВВС и ПВО	«На боевом посту»	Полковник БЕЖКО Александр Альфредович	113093 Москва, Хорошевское шоссе, 38а, тел. (095) 195-6249

Черноморский флот	«Флаг Родины»	Капитан I ранга МУРАВЬЕВ Александр Васильевич	335050 Севастополь, ул. Мокроусова, 5, тел. (0692) 54-53-15
Балтийский флот	«Страж Балтики»	Капитан I ранга БРИЦ Владимир Андреевич	236006 Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. (0112) 22-26-42
Тихоокеанский флот	«Боевая вахта»	Капитан I ранга ТРАКАЛО Юрий Михайлович	690950 Владивосток, ул. Посьетская, 22, тел. (4232) 21-62-40
Северный флот	«На страже Заполярья»	Капитан I ранга СЫЦЕВИЧ Николай Васильевич	184600 Североморск, ул. Сгибнева, 9, тел. (81537) 6-30-06
Группа российских войск в Закавказье	«Закавказские военные ведомости»	Подполковник МИНЕСАШВИЛИ Сергей Арташевич	380008 Тбилиси, ул. Резо Табукашвили, 27, тел. (8832) 99-92-27
58-я Армия СКВО	«Защитник Родины»	Подполковник БОГДАН Виктор Михайлович	362006 Владикавказ, пр. Коста, 4
Ленинградская военно-морская база	«Морская газета»	Капитан I ранга ОРЛОВ Борис Александрович	197760 Кронштадт, ул. Макаровская, 3
Каспийская флотилия	«Каспиец»	Подполковник КУЗНЕЦОВ Александр Иванович	414056 Астрахань, ул. Латышева, 5, тел. 28-17-28

ОБ АВТОРАХ

ЕРМОЛИН Владимир Юрьевич родился в 1953 г. Живет и работает в Москве. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета в 1980 г. В звании лейтенанта начал военную службу в газете Северного флота «На страже Заполярья», с 1989 г. — сотрудник газеты «Красная звезда». Капитаном I ранга ушел в запас в 1997 г. Работал военным обозревателем в газетах «Русский телеграф» и «Известия». С 2000 г. — в интернет-издании «Грани.ру».

ЖЕГЛОВА Юлия Генриховна родилась в 1960 г. В 1982 г. с отличием окончила Военный Краснознаменный институт Министерства обороны СССР в Москве. В дальнейшем проходила службу в Группе советских войск в Германии, где занималась вопросами радиопропаганды. На материале, собранном в ГСВГ, написала в соавторстве брошюру о структуре и принципах западной печати и ее отношениях с военными, которая и по сию пору используется в качестве учебного пособия, в частности, в Военном университете Министерства обороны.

С 1987 г. работала военным обозревателем на Иновещании (радиовещании на зарубежные страны), а также редактором и ведущей программ на радиостанции Министерства обороны «Славянка» (программы выходили в эфир на «Радио России», на радиостанциях «Маяк» и «Юность»). В рамках специального проекта Национального института прессы сотрудничала с агентством «Global Beat Syndicate» Нью-Йоркского университета. С января 2002 г. — редактор совместной с «Business Week» секции в журнале «Профиль». Член союза журналистов Москвы. Полковник запаса.

КОНОВАЛОВ Иван Павлович родился 25 декабря 1967 г. в городе Осинники Кемеровской области. В 1986—1988 гг. служил в рядах Советской армии в Монголии. В 1994 г. окончил факультет журналистики Московского государственного университета. С 1994 г. по 2000 г. работал военным корреспондентом на каналах ОРТ и РТР в различных «горячих точках»: Югославия, Чечня, Таджикистан, Сомали, Афганистан, Ирак, Абхазия. В настоящее время — военный корреспондент на телеканале ТВС. Имеет ряд публикаций в журнале «Экспорт вооружений» по теме «локальные конфликты».

ЛИТОВКИН Виктор Николаевич родился 26 апреля 1945 г. в селе Троянов Житомирской области на Украине. Вырос и окончил школу в Азербайджане. Срочную службу проходил в Прибалтике. Профессиональное образование получил на факультете журналистики Львовского высшего военно-политического училища и редакторском отделении Военно-политической академии им. В. И. Ленина.

Был сотрудником газеты Южной группы войск (Венгрия) «Ленинское знамя» (1971—1976 гг.), редактором отдела воинского воспитания и пропаганды журнала Министерства обороны СССР «Знаменосец» (1979—1989 гг.), военным обозревателем «Известий» (1989—1999 гг.) и «Общей газеты» (1999—2002 гг.). В 1995 г. в звании полковника уволился с военной службы. В настоящее время — политический обозреватель РИА «Новости».

ЛУКИН Михаил Алексеевич родился в 1970 г. в Москве. В 1992 г. окончил международное отделение факультета журналистики Московского государственного университета. С 1990 г. работал редактором информационного агентства «Postfactum», старшим редактором информационного центра Издательского дома «Коммерсантъ», экспертом аналитического центра «Век XX и мир». С 1994 г. — шеф-редактор информационного агентства «Национальная служба новостей». С 1997 г. — заместитель директора информационного центра Издательского дома «Коммерсантъ».

ПОГОРЕЛЫЙ Михаил Михайлович с 1976 г. по 1997 г. состоял на действительной военной службе, полковник запаса. В 1989—1997 гг. сотрудник отдела международной жизни и проблем безопасности редакции газеты «Красная звезда». В 1997—2001 гг. работал в Национальном институте прессы руководителем программы «Ядерная журналистика» и редактором бюллетеня «Ядерная безопасность». С 2001 г. возглавляет автономную некоммерческую организацию Центр журналистики войны и мира и редактирует бюллетень «Проблемы глобальной безопасности» (<http://www.cwpi.org/Publications/gsi>).

ПУХОВ Руслан Николаевич в 1996 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. В 1996—1997 гг. — сотрудник Центра политических исследований в России (Центра ПИР) и обозреватель журнала «Экспорт обычных вооружений», издаваемого Центром ПИР.

С 1997 г. по настоящее время — директор Центра анализа стратегий и технологий (Центр АСТ), издатель журнала «Экспорт вооружений» Центра АСТ. Автор многочисленных статей по тематике военно-технического сотрудничества и оборонной промышленности.

САФРАНЧУК Иван Алексеевич в 1998 г. с отличием окончил Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. С июля 2001 г. — глава Российского представительства Центра оборонной информации. В 1997—2001 гг. — научный сотрудник ПИР-Центра и директор проекта «Контроль над ядерными вооружениями». Автор ряда научных статей и докладов по вопросам ядерной политики, ядерного разоружения, нераспространения ОМУ и российской внешней политики. Среди последних публикаций: Контроль над вооружениями и военной деятельностью. — М., 2001. — (Б-ка ПИР-Центра); Договор по ПРО и интересы России // Проблема ПРО в оценках экспертов новых независимых государств. — Киев: Центр исследований проблем нераспространения, 2001; Russia And NATO: Looking Beyond Expansion // Growing Pains. The Debate on the next round of NATO Enlargement. — Washington, D.C.: CDI, May 2002; An Array of Threats to Russia // Assessing The Threats. — Washington, D.C.: CDI, July 2002; Военный альманах 2001—2002. — М.: ЦОИ, 2002 (ред.); 30 лет Договору по ПРО: прошлое, настоящее и будущее. — М.: Дипломат. акад. МИД России, Ин-т актуальных междунар. проблем, 2002.

СЕДОВ Вячеслав Николаевич родился в 1958 г. По окончании в 1980 г. Военного Краснознаменного института в Москве проходил службу в Группе советских войск в Германии. С 1980 г. находился на журналистской работе в англоязычных периодических изданиях «Советское военное обозрение» и «Советский воин».

Автор ряда монографий, в том числе «Военно-экономическая ситуация в Великобритании», «Территориальная армия Великобритании», «Идеологическая обработка личного состава вооруженных сил Великобритании», многочисленных публикаций по военно-политической проблематике в российской и зарубежной периодической печати.

Окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина (редакторское отделение), Кренстонский колледж Оттавского университета, Венскую академию вооруженных сил Австрии, Академию информации и коммуникаций бундесвера. Владеет английским и немецким языками. Член Союза журналистов Москвы.

С 1993 г. работает в пресс-службе Министерства обороны России, где прошел путь от старшего офицера до начальника отдела по связям со средствами массовой информации.

СОЛОВЬЕВ Вадим Анатольевич родился в 1946 г. Окончил Военный институт иностранных языков. Служил на различных офицерских долж-

ностях в Забайкальском военном округе, затем в Главном политическом управлении Советской армии и Военно-морского флота. Значительный период службы связан с работой в составе Оперативной группы Минобороны в Афганистане.

Член Союза журналистов с 1973 г. Автор ряда книг, брошюр и многочисленных газетных статей. Преимущественная сфера профессиональных интересов — военно-политическая. Кандидат исторических наук. В настоящее время занимает должность заместителя главного редактора «Независимой газеты» и одновременно является ответственным редактором «Независимого военного обозрения».

ШЛЫКОВ Виталий Васильевич в 1958—1988 гг. проходил службу в Главном разведывательном управлении Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Затем был заместителем председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам. В настоящее время — советник генерального директора ОАО «Объединенные машиностроительные заводы (Группа Уралмаш-Ижора)», эксперт Межрегионального фонда информационных технологий (МФИТ), член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП).

Кандидат экономических наук, тема диссертации — «НАТО и совместное производство вооружений». Автор «Военных вестников МФИТ» № 1—8 (1998—2001 гг.). С некоторыми публикациями последнего времени по военным проблемам можно ознакомиться на сайте <http://www.mfit.ru>.

CONTENTS AND ABSTRACTS

CONTENTS

Introduction by the Editors	7
PART ONE. The Development and Present State of Military Journalism	
<i>Vadim Soloviev.</i> The Development of an Independent Military Press in Russia: NVO as a case study	11
<i>Yulia Zheglova.</i> The “Commandeered” Journalism Phenomenon	22
<i>Ivan Konovalov.</i> Military Television Journalism: Challenges of the genre	40
PART TWO. The Press and the Power Organs: Both trapped by incompetence, vested interests and censorship	
<i>Vitaly Shlykov.</i> Hits and Misses in the Coverage of Military Reform	63
<i>Vladimir Yermolin.</i> The Press and the Power Organs: Co-tolerance as a means of cooperation	73
<i>Vyacheslav Sedov.</i> The Press Service of the Defense Ministry: Between the hammer and the anvil	87
<i>Victor Litovkin.</i> Censorship in Theory and in Practice	100
PART THREE. From Information to Propaganda, from PR to Cash-for-Editorial	
<i>Mikhail Pogorely.</i> Editorial Policy of Military Journalism	121
<i>Mikhail Lukin.</i> “Information Wars” in Military Journalism	132
<i>Ruslan Pukhov.</i> “Information Wars” in the Defense-Industrial Complex	147
Instead of a Conclusion	
<i>Ivan Safranchuk.</i> Military Journalism at the Crossroads of a Developing Civil Society and an Immature Media Business	173
Appendices	189

ABSTRACTS

This book is the result of a joint project by the Center for Defense Information and Center for War and Peace Journalism on the history and problems of Russian military journalism.

Vadim SOLOVIEV (*Deputy Editor-in-Chief of Nezavisimaya Gazeta and Managing Editor of Nezavisimoe Voennoe Obozrenie*) views the development of the independent military press in Russia. The author reminds us that an independent military journalism never really existed in Russia. The Soviet military press was well developed — it involved several thousand military servicemen at numerous newspapers at 20 district and fleet newspapers. Almost every division of the Ground forces, Strategic missile forces, Navy, Air Force and Air Defense forces had its own newspaper, plus the Defense Ministry published a couple dozen monthly journals. In 2001, there remained only nine central newspapers and journals, 11 district and fleet newspapers, and 29 newspapers belonging to units and formations.

Military publications free from the influence of power organs and government structures first appeared in the 1990s, when the demand for objective military media sources arose.

The appearance of NVO as a socio-political phenomenon was made possible because the developing market economy and freedom of speech prevented the military command from manipulating the work of administrative military media sources. Increasingly independent from the Defense Ministry, the nascent commercial military press began unwittingly performing the function of civil (political) control over the power organs.

The informative, reliable, objective, and operative methods of commercial military journalism attracted readership and contributed to the search for adequate solutions for crucial political, technical, social, and industrial problems in the military sphere.

Yulia ZHEGLOVA (*Colonel (Res.)*, formerly an officer of the informational structures of the Defense Ministry and currently an editor of a section published jointly with *Business Week* in the *Profile* magazine) presents a unique and comprehensive analysis of the “commandeering” phenomenon in journalism.

This term was used in Soviet times to describe the practice of posting military journalists to leading print and electronic media to ensure “correct” coverage of military questions, and improve the foreign and domestic image of the Armed Forces.

These military journalists found themselves between a rock and a hard place in the civilian media — by writing the whole truth about “military reform” and “reformers,” they ran the risk of angering their military administration, but “loyal” materials would never see the light of day in the civilian press. Later, some of the “commandeered” officers quit the military service and became full-fledged members of publications they had been working at.

“Commandeered” journalism as a phenomenon ceased to exist after the mid-1990s, when certain changes took hold in the society, the Armed Forces, and the media itself. Media sources increasingly switched to commercial principles and a new legislative foundation. In such conditions, “commandeered” journalism was neither useful nor demanded. And yet, the materials of military journalists in the civilian media made the Armed Forces and its problems a little closer and more understandable to the average reader or listener.

Ivan KONOVALOV (*military correspondent on the TVS television channel, previously a military correspondent for ORT and TV6 responsible for covering “hot spots” like Chechnya, Yugoslavia, Iraq, Afghanistan, Abkhazia, Somali and Tajikistan*) analyzes the challenges of military television journalism. He notes that there is no single definition of the terms “military journalism” and “military journalist.” Many think the terms refer to coverage of “hot spots, military reform in the Russian Army, the military-industrial complex, and even military history. Others consider materials “military” only when they directly concern the Russian Army — whether these are stories from combat zones in Chechnya or accounts of electricity shortages in parts of the Far Eastern military district. Television journalists are usually considered “military journalists” if they spend most of their time in hot spots (whether in Chechnya, Yugoslavia or Afghanistan) and, in some function, work on military topics in general.

Military television journalism has been unable to find its place at any of the major Russian television programs (“Vremya,” “Segodnya,” “Vesti,” “Seichas,” etc), where ideas of creating military departments are forgotten as soon as the latest crisis in Chechnya, Kosovo, Afghanistan or Iraq cools down. According to the author, the uneven development of the genre is explained by the failure of television channels to realize that military topics are not limited to hot spots, but include military diplomacy, reforms, foreign military developments, the military-industrial complex and many others.

The genre really took off in late 1994-early 1995, when NTV, the young and well-financed television company, crushed its competitors with reports on the Chechen War and the most complete accounts of the war in Yugoslavia. At that point, television journalism became the object of a political game — most obvious in the coverage of the Chechen War. That time also initiated a certain mutual hostility between journalists and officials in the federal forces — journalists accused the military of violating the freedom of speech while the military declared that the journalists help the enemy by discrediting the Armed Forces.

Coverage of the recovery of the Kursk nuclear submarine became another landmark in the history of relations between journalists and military press services. It was then that journalists were clearly divided into “insiders” — who worked for the state — and “outsiders” from all other media. The Kursk experience also demonstrated to large masses of television audiences how difficult it is for journalists to work with Army and Navy press services.

Now, all leading television channels have their own military programs. These programs lose out to entertainment programs in popularity, but have a very dedicated audience.

Ivan Kononov concludes that the genre is still developing. It conquered a certain niche in analytical and news programs, had its ups and downs during the First and Second Chechen wars, and entered the stream of evolutionary development.

Vitaly SHLYKOV (*Advisor to the General Director of the Open Joint-Stock Company “Joint machine-building factories (Uralmash-Izhora Group)”, expert of the Interregional Foundation of Information Technologies, a former employee of the Main Intelligence Directorate of the General Headquarters of the Armed Forces of the USSR, and later the Deputy Chairman of the State Committee of the Russian Federation for Defense Issues*) reviews articles on military reform in the contemporary Russian press. Vitaly Shlykov assesses the hits and misses of the coverage over the 10 years Russian politicians and the military leadership pretended to play the dreary and senseless game of “military reform.” Politicians began the game in the early 1990s by demanding that Armed Forces commanders “bring the army in correspondence with the new political situation in the world and the diminished economic potential of the country.” The Armed Forces responded with a request for an opponent to plan against and a new doctrine. Many observers, including journalists, see through this game, which is usually limited to throwing around the terms “compact” and “mobile” Armed Forces, which were conceived in the 1990s on the basis of numerous strategies, doctrines

and conceptions. It is difficult, if not impossible to determine priorities in military reform on the basis of such documents.

Of course, the problems of the Russian Army are too serious to be handed over to journalists. And yet, the journalists could, presumes Vitaly Shlykov, pose important, albeit sometimes unpleasant, questions to the government, which would prompt the search for answers to move the issue of army reform out of the rut of endless discussion and towards real action.

Vladimir YERMOLIN (*employee of the Grani.ru internet publication, military journalist, Captain of the First Rank in reserve, previously a journalist for Krasnaya Zvezda, Russkii Telegraf, and Izvestiya*) considers relations between the press and the power organs, concentrating on the Defense Ministry. The author notes that journalists and administrative press services generally oppose each other instead of cooperating. Journalists demand information — press services refuse to provide it. The problem is that the administrative structures like the FSB or MVD, the Emergencies Ministry or the Border Troops Service, the General Prosecutor's office or the Defense Ministry, have a strict vertical hierarchy of subordination in which senior officials determine everything. The less a department depends on public opinion and the more official secrets it keeps, the greater is the tendency of its press service to take up a defensive, protective, and preventive position. Additionally, despite the law on the media, journalists are not equal in the eyes of administrative press services — journalists get rights not from laws, but from the personal preferences of press service employees.

Occasionally, the power organs attempt to give a “human face” to their administrations. For example, the Defense Ministry cancelled the notorious Directive No. 21, which forbids servicemen to associate with the press without an order from a superior officer, and even created a sort of a press club under the Defense Ministry.

However, journalists obtain most of the important information from unofficial sources — people with ranks and positions who risk their jobs to help the media, anonymously, of course. Some have financial interests, some take the risk for ideological reasons, some out of principle — but it is thanks to them that the most interesting, absorbing and truthful things in Russian military journalism are written or taped.

Almost the only exception to the practice of limitations and prohibitions is the State Duma. The author asserts that — if it weren't for the Duma and its Defense Committee — Russians would not know a tenth of what they now know about the Armed Forces, its real problems and dramatic tribulations, and the fight over the military budget.

Vladimir Yermolin explains that legislators depend on their electorate, while the military depends on just one man — the supreme commander, the president. Public opinion is immeasurably more important to the deputies than to military commanders who are, by definition, not in the public eye, and depend solely on their superiors.

Colonel Vyacheslav SEDOV (*head of the department for media relations of the press service of the Defense Ministry of the Russian Federation*) reveals the peculiarities of the Defense Ministry's press service, which is located, in his words, "between the hammer and the anvil" of public interest in military problems and the closed nature of military administration. Although journalists are skeptical about this, according to Sedov, the Defense Ministry appreciates the role and significance of the media in the everyday life of the nation and seeks to build relations with the media based on maximal openness and involvement.

The author notes that, with every year, it becomes harder and harder to explain the nature of the changes in the Russian Armed Forces. The informational component of the nation's public life is growing and new magazines and newspapers are constantly appearing, while the staff of the Defense Ministry's information structure keeps shrinking. Today, the press service has only about 30 employees, a third of whom are civilians.

The work of military press services is complicated by the reluctance and inability of many military commanders to work with the press. Both the press service and journalists are hoping for help from Defense Minister Sergei Ivanov. On Dec. 14, 2002, he approved the "Instruction on the organization of informing Russian and foreign journalists on the activity of the Armed Forces of the Russian Federation," which states, in particular: "Officials of the Armed Forces must inform Russian and foreign journalists on the activity of the Armed Forces in proper order and to the extent of their competence." The word is "must"! And further: "They are responsible for the operative and high-quality preparation of reliable data for the coverage of the activity of the Armed Forces in the media."

The press service of the Defense Ministry also provides practical assistance to journalists. For example, in 2001, military administrations organized over 400 trips into positions for Russian and foreign journalists. About 2,000 journalists visited the Joint Forces of the North Caucasus, the 201st Motor-Artillery Division in Tajikistan, and the Russian sections of peacekeepers in Abkhazia, Kosovo and Bosnia and Herzegovina alone.

Viktor LITOVKIN (*Colonel (Res.), columnist for RIA Novosti, member of the military press for 20 years, military columnist for Izvestia and Obshaya Gazeta in 1989-2002*) reflects on the theory and practice of censorship in

the contemporary Russian press. The author notes that even though the law “On the media” forbids censorship, the Soviet-era main military censorship department has not been disbanded, but simply transformed into the General Headquarters Department for the protection of secrets in the press and other media. In 1997, the Service for Information Security in the Media of the Defense Ministry of the Russian Federation was created.

The ideology and objectives of this service are essentially the same as they were before, although they are expressed in other words: “The organization and perfection of the information security system in the media of the Armed Forces of the RF; protection from the publication in the media of state secrets and confidential information about the Armed Forces of the RF; the coordination of the activity of the organs of military directorates, unions, military divisions, institutions, military-educational establishments, enterprises and organizations of the Defense Ministry on questions of information security in the media; the planning of events for transforming organs of information security from peacetime to wartime.”

There is no mention of political or ideological control over the media, but there is a reference to “confidential information.” Experience shows that the term “confidential” can be used to describe any information published in the press or gathered and analyzed by journalists or scientists. All of this indicates that military censorship in Russia is not dead, concludes Litovkin. The author also expresses concern about experts who claim to advocate improved national security, while, in reality, they are demanding the legal persecution of persons who gather and circulate information.

According to Litovkin, the drive for stricter censorship is based less on concern for the protection of secret information that affects national security and military readiness than on the desire to regain the influence censorship, including military censorship, had until 1991. Often one can also trace the jealousy of information-security services towards creative persons and see their commercial interest in the division of profits from literary or scientific activity. The work of journalists is also made difficult by imperfections in the laws on the protection of state secrets.

Mikhail POGORELY (*Director of the Russian NGO Center for War and Peace Journalism and Editor of the Global Security Issues bulletin, formerly a military journalist and an employee of the National Press Institute*) analyzes the editorial policy of Russian military journalism. The Soviet press was an ideological tool for the Communist Party, which was less concerned with reporting the news than with offering its own commentaries and evaluations. The new Russian press is not homogeneous. The content — subject, presentation

and tone — of military materials depends not only on the profile and specialization of a publication but also on the practical interests of its owners. The 30,000 print publications officially registered in Russia can be divided into three major groups based on this criterion:

- Government publications, including official publications and many regional publications that are cosponsored by local administrations and most of the administrative publications of the Defense Ministry and other enforcement structures;
- Publications belonging to the oligarchic media empires of individuals and financial or industrial structures and the print organs of political parties;
- Independent publications by individuals, groups (including editorial staff) or corporations, foreign-owned media distributed in Russia.

The editorial policy of government and administrative media structures can be characterized in one word: propaganda. Oligarchic media empires aim to provide the owners and their commercial enterprises with influence over crucial political and economic decision-making processes, especially at times when the media plays the biggest role, including presidential and parliamentary elections, power transfers and important cadre changes (in the leading media, up to 80 percent of coverage is dedicated to various aspects of power struggles and only a minimum of materials concerns problems relevant to the lives of the overwhelming majority of Russians).

Only the third group of publications is adopting market-economy principles, under which information is not a propaganda tool, but becomes a product, an object of goods-for-money relations. Correspondingly, the editorial policy of such publications is based on consumer demand. A certain “yellow” and “tabloid” aspect helps independent publications to lead in popularity ratings among the mass readership — and, consequently, in circulation.

Military information in the independent media is popular, but demand is great — for scandals — murders, desertions, theft, bribes, etc. In part, this is because today’s consumer market for high-quality military information in the country is limited and often uses other sources instead of the open press. The creation and development of a readers’ market is vital for publications planning to focus on military subjects.

Mikhail LUKIN (*Deputy Director of the information center of the Komersant publishing house, previously an editor at the Postfactum and Natsionalnaya Sluzhba Novostei agencies*) offers his views on “information wars” in Russian military journalism. The author notes that the spontaneity of most information campaigns in military journalism sets them apart from the typical activity

of public relations specialists. These “campaigns” are usually surges of interest in one problem or another initiated by various groups with vested interests.

Lukin identifies two basic types of media campaigns concerning military affairs that have appeared in the press over the last decade:

- The campaigns concerning structural changes (for example, the abolition of the headquarters of the ground forces and the reduction of the paratroopers or strategic missile forces). Usually these are initiated by groups of military officials, who are unhappy with the character and scale of upcoming reforms. They can last for several years and are characterized by an absence of clear conceptions of priorities of military construction.
- Campaigns against individuals (for example the mutual criticism of Igor Radionov and Aleksandr Lebed, the standoff between Igor Sergeev and Anatoly Kvashnin, the situation around the appointment of Gen. Viktor Chechevatov, the dismissal Ground forces Commander Vladimir Semenov). Such campaigns are usually shorter in duration but more intense. The interested parties traditionally keep silent and contact the media only after the critical phase of the campaign is over. These campaigns are usually not very effective.

Motivations for journalists covering military subjects in general publications are interesting. Unlike business or politics, military affairs are least “saturated” with financial and careerist perspectives: it’s unlikely that media columnists really hope to become employees of the Defense Ministry press service. More likely emotional factors are at work — to have prestigious friendships with military men, go to saunas with them and go shooting. Plus, a journalist can “make a name for himself” quickly on military subjects.

Unlike the information wars of the last decade in the business and political life, military campaigns did not become a very effective tool for pressuring opponents (rivals) and achieving objectives. One of the reasons for this is that the intended audiences of military-theme media campaigns are government structures and individuals — both military (Defense Ministry, General Headquarters) and political (presidential administration, government, parliament). They are the decision-makers, and influencing them is the primary goal of the publications. At the same time, the specific characteristic of information wars in the “military sphere” is that its subjects are often interconnected by administrative or personal relations. These levers of influence are often used in parallel with propaganda or as a response to it. The primary goal of information wars is considered to be the formulation of a clear conception about a given question. However the impact of media publications on the military decision-making process is not great, which means that information wars in this sphere generally fail.

Ruslan PUKHOV (*Director of the Russian NGO Center for Analysis of Strategies and Technologies, publisher of the Export Vooruzhenii journal*) analyzes information wars of the past decade related to the military-industrial complex. The author notes that the development of a community of journalists who write about military-technical cooperation and the military industrial complex depends on transparency in these subjects.

In recent years, there has been an obvious tendency towards maximal secrecy of any information concerning military-technical cooperation with foreign countries. In addition — and perhaps as a result of this tendency — there is an obvious creative stagnation at many respectable publications; some of the most talented journalists are leaving the once-attractive sphere.

Pukhov provides several case studies for various types of information wars in the Russian military-industrial complex:

- The “kompromat” wars between “Severnaya Verf” and “Baltiiskii Zavod,” rivals for the Chinese contract for the building of torpedo-boat destroyers (December 2001-April 2002).
- Campaigns to discredit Rosvooruzhenie directors Aleksandr Kotelkin (summer-fall 1996) and Yevgenii Ananiev (fall 1997-spring 1998), and Promexport General Director Sergei Chemezov (September-October 2000).

Information wars in the sphere of weapons production and sales have done colossal damage to Russia’s already-poor image abroad and to its high-tech production. They portrayed the Russian economy as a chaotic system without rules and the system of arms export as an extremely corrupted sector of state administration. At the same time, such battles have “winners”: By participating in information wars, the heads of press services increase their influence within a company and gain access to directors and to off-the-record funds, while journalists gain access to exclusive information.

Pukhov links the perspectives of military journalism to the state of the military-industrial complex itself: either their mutual development or their mutual demise will follow.

Ivan SAFRANCHUK (*Director of the Russian office of the Center for Defense Information*) reviews the challenges facing Russian military journalism in the context of two factors — the development of civil society and the Russian media business.

During glasnost and perestroika, military issues were the primary means to criticize and undermine the Soviet and Communist leadership. After the collapse of the Soviet Union, Russia’s new political leadership was afraid of the military, and the result of fears was quite interesting. Instead of conducting intensive mil-

itary reform, the government chose to maintain the status quo: weak and publicly unpopular Armed Forces became the best remedy against a military coup. After Vladimir Putin came to power, the Defense Ministry and other power organs began to take revenge on the media. Unhappy with the media coverage of military affairs, the power organs increase efforts to keep information secret from journalists and even to revive — if not the entire system, then at least separate elements of — censorship.

This, however, poses problems for the development of civil society and the Russian media business. The nation has many troubles in the military sphere and the public obviously wants to be informed about them. With the development of civil society, the demand for high-quality information about the Armed Forces should grow.

The other question is that the Russian media market has not yet developed. The problem lies not with the military journalists, but with the media itself, for which, under current Russian conditions, the military question is somewhat dangerous. Therefore, the development of military journalism is inseparable from the development of the media business as a whole. Military journalists can lead the quest for higher circulation by developing themes that are of interest to the “average reader.”

Russia’s officials are not fond of military journalists — not because journalists lack professionalism or curiosity, not because they make simplifications that impair deep analysis, but rather because they show excessive professionalism and seek to understand the essence of the problem instead of limiting themselves to superficial commentary. This is not surprising, since Russia’s leading military journalists are often themselves former Defense Ministry employees, who have deep insight into defense problems.

**Современная российская военная журналистика:
опыт, проблемы, перспективы**

Дизайн и верстка Д. А. Басистый

Изд. лиц. № 060437 от 26.11.1996.

Подписано к печати 25.10.2002.

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура академическая.

Печать офсетная. Усл. п. л. 16.

Тираж 1000 экз. Заказ 4998.

Издательство «Гендальф». Москва, Крымский вал, 8.

Отпечатано в типографии «Домино».